

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

9
2019

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

The journal is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Literary Theory:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Cultural Studies:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and cultural studies, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

e-mail: bityunan@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: Представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: bityunan@gmail.com

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Cand. of Sci. (History), assistant professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Kraków, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), Institute of General History RAS, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- Yu.G. Bit-Yunan*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor (RSUH)
- M.P. Odesskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, кандидат филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетиковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогова*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

Ю.Г. Бит-Юнан, кандидат филологических наук, доцент (РГГУ)

М.П. Одесский, доктор филологических наук, профессор (РГГУ)

Содержание

История журналистики и литературной критики. Публикации

- Оксана И. Киянская, Давид М. Фельдман*
Одесская периодика времен румынской оккупации
(по материалам архива Н.А. Логуновой) 12

История журналистики и литературной критики

- Анастасия Г. Готовцева*
Произведения в жанре «снов» в журнале Академии наук
«Ежемесячные сочинения...» 24

- Анна П. Гутникова*
М.Н. Катков в отечественной публицистике
2-й половины XIX в. 30

- Даниил В. Бурыгин*
Политические споры в эмигрантской журналистике 1940-х гг.:
к одному эпизоду «холодной войны»..... 35

- Татьяна В. Скокова*
«Конституционное перетягивание каната»: процесс разработки
новой Конституции РФ президентом и Верховным советом
на страницах газет в 1993 г. 40

- Павел П. Никулин*
Газетный некролог как современный публицистический жанр 47

- Евгения В. Бродская*
50-летие Октября в советском кино: на материале рецензий
на фильм Е. Карелова «Служили два товарища» 52

Проблемы теории журналистики

- Наталья Я. Макарова*
VR-компетенции в системе профессиональной деятельности
журналиста 62

- Вероника И. Ярных*
Использование инструментов бренд-журналистики
при формировании модели медиавливания
в информационном пространстве 70

<i>Дарья В. Неренц</i> Визуализация дата-материалов в современных СМИ как способ привлечения аудитории	77
--	----

История публицистики. Риторика

<i>Андрей Л. Юрганов</i> Эмигрантская публицистика Николая Бердяева и «генеральная линия советской философии»: проблема контекста	86
--	----

<i>Юрий Г. Бит-Юнан</i> Военная публицистика В.С. Гроссмана 1941 г. в газете «Известия» ...	98
--	----

<i>Михаил П. Одесский</i> Публицистический диалог К. Малапарте и Л.Д. Троцкого (роман «Бал в Кремле»)	109
---	-----

<i>Артём А. Панов</i> Роман П.Н. Краснова «За чертополохом» как феномен русской эмигрантской публицистики	118
---	-----

<i>Ирина Н. Шрамчук</i> Документальный фильм Э.И. Шуб «Испания» как образец советской кинопублицистики 1930-х гг.	123
--	-----

Язык СМИ

<i>Евгения Н. Басовская</i> Светлое завтра вчера и сегодня (советское речевое клише в современном медиатексте)	129
--	-----

<i>Ольга М. Афанасьева</i> Отражение регулятивных концептов в современном медиапространстве (на материале газеты «Известия» 2019 г.)	142
--	-----

<i>Юлия В. Яковлева</i> «Не толстая, а бодипозитивная»: словообразовательная активность новейших заимствований в текстах СМИ	151
--	-----

Contents

History of Journalism and Literary Criticism. Publications

- Oksana I. Kiyanskaya, David M. Feldman*
Periodicals of Odessa of the Romanian occupation
(by materials of N.A. Logunova's archive) 12

History of Journalism and Literary Criticism

- Anastasiya G. Gotovtseva*
Works in the genre of “dreams” in the journal
of the Academy of Sciences “Monthly essays” 24

- Anna P. Gutnikova*
M.N. Katkov in the Russian journalism of the 2nd half
of the 19th century 30

- Daniil V. Burygin*
Political conflict in emigrant journalism in the 1940s:
on one episode of the Cold war 35

- Tatyana V. Skokova*
“Constitutional tug-of-war”: The process of drafting
a new Constitution by the President and the Supreme Council
in the newspapers in 1993 40

- Pavel P. Nikulin*
Necrologue in the newspaper as a modern journalistic genre 47

- Eugenia V. Brodskaya*
50th anniversary of the October Revolution in Soviet cinema.
Based on the material of reviews of the movie
by E. Karelov “Two Comrades Served” 52

Problems of the Theory of Journalism

- Natalia Ya. Makarova*
VR-competences in system of professional activity of journalist 62

- Veronika I. Yarmykh*
Brand journalism tools in the formation of the media
influence model in information space 70

Dar'ya V. Nerents

Visualization of data materials as a way to attract the audience in modern media	77
---	----

History of Publicism. Rhetoric

Andrei L. Iurganov

Emigrant publicist Nikolai Berdyaev and "the general line of Soviet philosophy": contextual issue	86
--	----

Yury G. Bit-Yunan

V. Grossman's articles on the Second World War in the "Izvestiya", 1941	98
--	----

Mikhail P. Odesskiy

Curtio Malaparte's polemic with L. Trotsky (the novel "The Ball at the Kremlin")	109
---	-----

Artem A. Panov

P. Krasnov's novel "Behind the Thistle" as a phenomenon of the Russian emigrant journalism	118
---	-----

Irina N. Shramchuk

Documentary movie of E. Shub "Spain" as an example of Soviet film publicism of the 1930s	123
---	-----

Language of MassMedia

Evgeniya N. Basovskaya

Bright tomorrow yesterday and today (Soviet collocation in a contemporary media text)	129
--	-----

Ol'ga M. Afanas'eva

Reflection of regulatory concepts in the modern media space (the newspaper "Izvestia" 2019)	142
--	-----

Yuliya V. Yakovleva

"Not fat but body positive": word-formation activity of the latest loan words in texts of media	151
--	-----

История журналистики и литературной критики. Публикации

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-12-23

Одесская периодика времен румынской оккупации (по материалам архива Н.А. Логуновой)

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoxs@inbox.ru*

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет.
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет о русскоязычной прессе в Одессе времен румынской оккупации. Впервые публикуется и комментируется письмо одесской писательницы и журналистки Н.А. Логуновой (Ивановой) профессору А. Даллину, посвященное периодическим изданиям в Одессе в 1941–1944 гг. Ставятся вопросы о причинах коллаборационизма среди одесских журналистов 1940-х гг., о взаимоотношениях между журналистами, о направленности периодических изданий и т. п.

Ключевые слова: коллаборационизм, румынская оккупация, газета «Молва», Н.А. Логунова, М.Н. Бялковский

Для цитирования: Киянская О.И., Фельдман Д.М. Одесская периодика времен румынской оккупации (по материалам архива Н.А. Логуновой) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 12–23. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-12-23

Periodicals of Odessa of the Romanian occupation (by materials of N.A. Logunova's archive)

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN). Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru*

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dmfeld@inbox.ru*

Abstract. This article is about the Russian-language press in Odessa of the days of Romanian occupation. It is the first publication and comment upon a letter from Odessa writer and journalist N.A. Logunova (Ivanova), to professor A. Dallin, dedicated to periodicals in Odessa in 1941–1944. The article raises questions about reasons for collaborationism among Odessa journalists of 1940-s, about relations among them, as well as questions on the periodicals orientation and etc.

Keywords: collaborationism, the Romanian occupation, the newspaper “Molva”, N.A. Logunova, M.N. Byalkovskii

For citation: Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2019), “Periodicals of Odessa of the Romanian occupation (by materials of N.A. Logunova's archive)”, *RSUH / RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 12-23. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-12-23

Периодика, выходившая на территориях, подвергшихся оккупации в годы Великой Отечественной войны, – одна из самых интересных для исследователя, но в то же время неоднозначных тем в истории отечественной журналистики XX в. Работы, посвященные и коллаборационистской прессе в целом [см., напр., Альтман 2009; Грибков 2016], и печати на отдельных оккупированных территориях [см., напр., Жумарь 1996; Бусленко 2000; Бернев 2008; Ковалев 2015; Гейтан, Левченко 2017], в основном описательные, они содержат перечисление газет и журналов и характеристику их редакционной политики.

«Человеческое измерение» этой темы редко принимается во внимание исследователями. Причина тому – специфичность источниковой базы. Документов личного происхождения – дневников и мемуаров журналистов, сотрудничавших с оккупантами, – мало. Это объяснимо: сотрудники таких изданий либо погибли, либо попали в советские лагеря, либо эмигрировали – и впоследствии не

хотели вспоминать о времени собственного сотрудничества с оккупационными властями.

Тем ценнее публикуемый ниже документ – письмо Натальи Аполлинарьевны Логуновой американскому профессору Александру Даллину от 17 января 1956 г.¹ Откликаясь на просьбу Даллина, работавшего над книгой об оккупированной румынами Одессе, Логунова рассказывает о собственной работе в одесской прессе периода оккупации.

* * *

Наталья Логунова (урожд. Иванова) родилась 26 февраля 1903 г. в Одессе в семье банковского служащего. До революции успела окончить гимназию, училась музыке и танцам, занималась репетиторством, работала воспитательницей в детском саду и машинисткой в земской управе, была знакома с начинающими одесскими литераторами – Валентином Катаевым, Юрием Олешей и Эдуардом Багрицким, сама мечтала о писательской карьере. В 1920 г. в добровольческом журнале «Южный огонек» был опубликован ее первый рассказ.

Революцию встретила резко негативно: разрушился привычный ход ее полубогемной жизни, надежды рухнули. Она пережила военный коммунизм, голод, нэп, украинизацию, борьбу с «вредителями», коллективизацию. «Старый белый город» при большевиках «умер, как умерла Россия» – писала Логунова впоследствии². Люди жили «в условиях погони за куском хлеба, в условиях ожидания у своих дверей “черного ворона”, в условиях страха, владевшего всеми»³.

Забыв о литературе, она работала в медико-санитарном отделе Одесского уездного исполкома, потом в других советских учреждениях. Неудачно вышла замуж, не имея возможности содержать ребенка, сделала аборт – и больше не смогла иметь детей. Ее брат Борис, офицер, участник Первой мировой войны, воевавший в Добровольческой армии, в начале 1920-х эмигрировал в Польшу и вскоре умер от туберкулеза. Младшая сестра Ольга, санитаркой прошедшая войну, осталась вдовой с маленьким ребенком на руках. По позднему признанию Логуновой, это были «страшные годы борьбы за существование»⁴. «На литературном поприще

¹ *Logunova N.A. Letters // Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 1. Fol. 4.*

² *Logunova N.A. Tri Epokhi. Memoirs // Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 9. Fol. 2. P. 779.*

³ *Ibid. Fol. 1. P. 525.*

⁴ *Ibid. Fol. 2. P. 682.*

в коммунистической стране я не могла бы работать. Моя прямая, честная, отцовская натура не позволила бы мне кривить душой», – признавалась она⁵.

Когда в августе 1941 г. Одессу заняли румыны, Логунова стала сотрудничать с оккупационными властями – отчасти потому, что надеялась на возможность заниматься литературой и журналистикой. Кроме того, и она, и другие коллаборационисты успокаивали себя тем, что Гитлер ведет войну «не против русского народа, а против коммунизма», а Одессу заняли «не немцы, а румыны», относившиеся к населению «дружелюбно»⁶. Логунова утверждала впоследствии, что верила в победу Гитлера над Советами, а союзников – над Гитлером. В результате же в России должна была установиться демократическая республика. Пока же – при занятии румынами Одессы – они и такие, как она, готовы были «поддерживать Гитлера, черта, дьявола, чтобы расправиться с внутренним врагом»⁷.

В годы оккупации Логунова активно сотрудничала в большинстве газет и журналов, работала в штате газеты «Молва». Когда в марте 1944 г. советские войска освободили Одессу, а румыны ушли, она эвакуировалась вместе с сотрудничавшими с ними одеситами. Через Румынию попала в Германию, оказалась в американской зоне оккупации, жила в лагере для перемещенных лиц, откуда перебралась в Америку. В Америке печаталась в эмигрантской периодике, много писала, в 1962 г. в русскоязычном издательстве «Сеятель» в Буэнос-Айресе вышло самое важное в ее писательской карьере произведение – автобиографический роман «Ирина». Впрочем, на родине имя писательницы Натальи Логуновой никто не знал.

В последние годы жизни Логунова писала мемуары, которые назвала «Три эпохи». Обширные, объемом в полторы тысячи страниц, они хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Эти мемуары – прекрасный источник для изучения истории досоветской, советской, оккупационной и эмигрантской повседневности; они еще ждут своего исследователя. «Если моим творчеством и мной займутся после моей смерти – лучшей награды себе не желаю» – такими словами она заканчивает свои воспоминания⁸. Умерла Наталья Логунова в 1972 г.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. Fol. 5. P. 1001.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. Fol. 8. P. 1334.

* * *

17 января 1956 г.

Глубокоуважаемый Александр Давидович!

Простите, что несколько задержала ответ, зная, что Вы должны книгу закончить в среду. Работа, усталость, неимение времени – причина. Постараюсь возможно понятнее ответить на то, что Вас интересует.

Интерес среднего читателя до и во время войны

«Известия» и «Правда» лимитировались. Приобрести их обыкновенному человеку можно было, выписав к ним в виде нагрузки другие малоходкие издания, и то не всегда. За неимением других источников информации, интерес к этим двум правительственным газетам был велик. Другое дело – отношение читателей к советской информации. Читалось все наоборот или читали между строк. Во время войны интерес возрос во много раз, но опять-таки сведения, передаваемые с помощью газет или радио, просеивались. Кстати, с началом войны каждый должен был свое радио сдать. Оставались уличные громкоговорители, у которых всегда во время передачи последних известий собиралась толпа. Опять-таки к сведениям относились скептически. Скептицизм имел свои основания: передаваемые известия опаздывали по крайней мере недели на две, но народ всегда каким-то чудом знал истину. Так, напр., когда передавали, что бои идут на подступах к Смоленску, все знали, что Смоленск уже пал. И так всегда. Позже, когда город был в руках неприятеля, это подтвердилось сроками. При оккупантах интерес к печати возрос, так как народ верил передаваемым известиям. Хотя тираж, кстати, небольшой, расходился полностью, газеты вывешивались на стендах для тех, кто не имел возможности их еще приобретать, а таких, особенно в первое время, было большинство. У стендов всегда стояла толпа.

При румынах из подполья вышли те журналисты, которые в силу своих убеждений при советской власти или не занимались журналистической деятельностью, или писали «в ящик письменного стола». Из советских газетных работников остались репортеры и – в единичных случаях, и то не подтвержденных полностью – бывшие сотрудники «Черноморской коммуны»⁹. Когда пал

⁹ «Черноморская коммуна» – издававшаяся с 1923 г. советская газета, орган Одесского обкома КПБ (У) и Облсовета депутатов трудящихся.

Севастополь, в Одессу приехал советский поэт¹⁰, к которому отнеслись подозрительно, хотя его печатали, и он успел даже выпустить книгу своих стихов. За одно из стихотворений, которое привожу ниже, он был румынами арестован, но вскоре выпущен. Книга вышла уже в начале 1944 года, стихотворение написано в Одессе в 1943 году, посвящено его отцу и называется «Взволнованный гость»:

Я поднимаю...

Нет, подождите!

Я предлагаю, друзья мои, встать.

Сердце и душу свою распахните,

Входит к нам Родина-мать.

Много пришлось ей пройти сквозь метели,

Горе упало тоскою седин,

Путь ее розами не был застелен,

Радость нечасто гостила в груди...

Вашего сына, и брата, и мужа

Судьбы с отчизною слиты в одно –

Вместе идут они в бурю и стужу,

Вместе и радость делить им дано.

Родины счастье – счастье наше!

Вот почему поднимаю бокал

За то, что для каждого ближе и краше,

Что выше, чем шпили надоблачных башен,

За родину я поднимаю бокал!

И вижу я встречу любимой с любимым,

И вижу, как в дом возвращается сын,

И как расправляются ветром незримым

У матери сети глубоких морщин.

Мы поднимаем за родины счастье

В бокалах игристых густое вино!

Мы вместе делили большое ненастье,

Нам вместе и счастье делить суждено.

Написано оно перед новым 1944 годом.

¹⁰ Имеется в виду *Жданович Александр Александрович* (1908–1994) – советский поэт, уроженец Киева, окончил Одесский университет. Военный корреспондент, участник обороны Севастополя, после захвата города немцами бежал в Одессу, публиковался в русскоязычных газетах. Стихотворение, о котором идет речь, было опубликовано в журнале «Колокол», после чего сам Жданович был арестован, а журнал закрыт. В 1944 г. в Одессе вышел сборник стихов Ждановича «Я сегодня пою», включавший текст этого стихотворения. В 1946 г. осужден на 10 лет лагерей.

А вот как отозвалась на него одна из поэтесс из подсоветских, возмущенная его рифмами¹¹:

Ответ на взволнованный тост

Я принимаю тост, поднять бокал готова,
И родину, как мать, люблю я без границ.
Молю, чтоб Бог помог ей возродиться снова
Без гнета палачей, без изможденных лиц.
Но вас я не пойму. Куда и где? Кто входит?
Я слышу тяжкий стон, я слышу горький плач.
И на родных полях как прежде ужас бродит.
Позор для родины: ведет ее палач!
Не встретит сына мать,
Муж не придет к любимой.
Навеки усыпил их ядовитый хмель.
Над маленьким холмом, в тайге необозримой
Лишь воет жалобно суровая метель.
Нет, не прошло еще тяжелое ненастье,
Весь мир еще горит и тонет весь в крови.
Под красным знаменем нельзя мечтать о счастье,
О встрече с милыми, о ласке, о любви.

Этот ответ ни одна газета не решилась поместить, так как время уже было тревожное, битва под Сталинградом была проиграна, впереди маячило уже неизбежное поражение, но по рукам оно ходило и пользовалось успехом.

Во время эвакуации города поэт этот не уехал на Запад, как остались и некоторые сотрудники газет.

В румынских учреждениях преобладали бывшие репрессированные или «бывшие» люди, в редакциях же газет работали люди пера по способностям. Главным редактором «Молвы» был русский эмигрант из Румынии М.Н.Б.¹², перешедший в эту газету из «Одесской газеты». Сотрудники конторы в большинстве комплектовались из приехавших из Румынии русских эмигрантов или детей эмигрантов и в меньшем количестве – подсоветские люди.

¹¹ Автором ответа Ждановичу была поэтесса-любительница, сотрудница «Одесской газеты» Валентина Орлич (ок. 1896 – не ранее 1971). Впоследствии эмигрировала в Италию, мемуарист.

¹² Имеется в виду *Бялковский Марк Николаевич* – журналист, учившийся в Одессе уроженец Бессарабии, до революции – сотрудник газеты «Новое время» и журнала «Лукоморье», выходивших в Петербурге. В 1919 г. эмигрировал в Румынию, где издавал периодику на русском языке. После оккупации Одессы руководил «Одесской газетой»; с декабря 1942 г. – главный редактор газеты «Молва».

В Одессе издавались три газеты: почти с первых дней оккупации начала выходить газета «Одесса»¹³, потом «Одесская газета»¹⁴ и с 1 декабря 1942 года – «Молва». Последняя была самой большой из трех выходивших. Размер ее равнялся размеру нью-йоркского «Нового русского слова»¹⁵ со вкладным одинарным листом. Редакторов было четыре: М.Н.Б. – главный редактор над всей газетой, редактор литературного (вкладного листа) – из подсоветских, редактор религиозного отдела в этом же вкладном листе – русский священник из Румынии, и редактор политического отдела – из подсоветских¹⁶. Журналисты были постоянные и оплачиваемые помесечно (450 марок в месяц, что было большими деньгами при общей тогдашней бедности) и случайные журналисты, приносящие в редакцию статьи. Были ли эти последние профессионалы – я не знаю. Среди них был внук Достоевского¹⁷, ушедший со мной в эмиграцию и попавший в Берлине в западную, когда Берлин был взят красными, как и редактор политического отдела «Молвы».

Об их дальнейшей судьбе мне ничего не известно, но сомнений, какая их настигла участь, ни для кого не тайна¹⁸.

Разница в политической установке газет была. В то время, как самая маленькая из них, «Одесса», больше других была румынской, «Одесская газета», когда редактор Б. перешел в «Молву», попала под украинское влияние, проводимое новым редактором этой газеты.

¹³ Газета «Одесса» выходила в 1942–1944 гг., ее главным редактором был румын Г.Г. Пысляру, директор Одесского центра пропаганды.

¹⁴ «Одесская газета», орган одесского муниципалитета, выходила с октября 1941 г.; издавалась редколлекцией. Главную роль в газете играли М.Н. Бялковский и профессор С.Д. Думитрашку, заместитель директора Одесского центра пропаганды. Впоследствии, в связи с началом издания «Молвы», Бялковский отошел от руководства газетой.

¹⁵ «Новое русское слово» (изначально выходившее под названием «Русское слово») – русскоязычная газета большого формата, издававшаяся в Нью-Йорке с 1910 до 2010 г.

¹⁶ Редактором литературного отдела «Молвы» был бывший советский журналист, писатель Анатолий Васильевич Масленников, организатор литературного кружка в Одессе времен оккупации, отличавшийся антисемитскими взглядами. Редактором религиозного отдела был священник Леонид Лупанов, политического отдела – этнический немец А. Крафт.

¹⁷ Журналист газеты «Молва» по фамилии Александров, назвавший себя внуком Ф.М. Достоевского, по всей видимости, таковым не являлся. Сама Логунова, повествуя об Александрове в мемуарах, утверждала, что из его рассказов «трудно было определить», «по какой линии он был его внуком» [Ibid. Fol. 7. P. 1215].

¹⁸ Так в тексте.

Чтобы не быть голословной, расскажу случай со мной.

Одесский Александровский парк при большевиках был переименован в парк им. Шевченко¹⁹. Когда Одессу заняли румыны, чтобы исправить эту несправедливость, я принесла редактору заметку о присвоении парку прежнего названия. Редактор прочел заметку в моем присутствии и, возвращая ее мне, сказал, что Шевченко был великим украинским поэтом, а так как мы живем (или жили) на Украине, то и вполне правильно присвоение его имени парку. На мое возражение, что хотя Шевченко я признаю за большого поэта, но он не имеет никакого отношения к одесскому парку, в то время как первое дерево было посажено собственноручно императором Александром II, и это дало основание парку, в память чего парку и присвоено название Александровского, не возымело на редактора никакого влияния, и мою заметку он отказался опубликовать. Были и другие случаи, в коротких ответах громоздко их помещать.

«Молва», насколько удавалось сотрудникам газеты, старалась проводить замаскированную русскую линию. Конечно, писались тенденциозные статьи, проводящие румынскую линию, этого избежать было нельзя, особенно при редакторе из Румынии и шеф-румыне, не говорящем по-русски. Это в «Молве» были помещены несколько статей, доказывающих, что земли, названные Транснистрией, когда-то принадлежали румынам. Конечно, при негласном немецком руководстве политикой румын были статьи прогитлеровские. Опять-таки из-за того, что избежать этого было невозможно, иначе закрыли бы газету, попытки чего были из-за русскости проводимых в газете идей.

Цензура была предвзятая. Сверстанные листы газеты накануне выхода посылались в цензуру. Насколько серьезной она была, расскажу два случая, а Вы по ним судите.

Сдала я главному редактору статью «Алексей Толстой – лакей Сталина». В ней описаны «художества» этого маститого писателя во время оккупации Советской Польши. О них рассказывала мне еще в советское время моя приятельница, писательница для юношества, имевшая связи с московскими писателями. Алексей Толстой целым поездом вывез из Польши к себе сокровища польских магнатов, умудрившись даже в отдельном вагоне вывезти какой-то замечательный фонтан, за что его в писательском кругу, конечно, негласно, прозвали «барахольщиком», и даже Сталин пенял ему на его жадность²⁰. Проходит день, другой – моя статья не появляется

¹⁹ Александровский парк был открыт в Одессе в сентябре 1875 г., назван в честь императора Александра II, собственноручно высадившего в парке дуб. Парк получил имя Т.Г. Шевченко в апреле 1920 г.

²⁰ Источник сведений Логуновой установить не удалось.

в печати. Захожу к редактору узнать причину. Говорит – цензура забраковала. «Пройдите сами туда и выясните».

Иду в цензуру. Цензор, хоть румын, но хорошо говорит по-русски. Обращаюсь к нему с вопросом. Он на меня набрасывается: «Как? Вы, русская, позволили себе такого большого русского писателя – Толстого – назвать лакеем!» Объясняю: «Большой русский писатель – Лев Николаевич Толстой – никогда не позволил бы себе такого, что сделал Алексей Толстой, никакого отношения не имеющий к Льву Николаевичу и, кстати, переманенный Сталиным из эмиграции и лижущий теперь ему пятки».

Цензор смягчился, сказал: «Перемените заглавие – пропущу статью».

Пробую возражать и защищать хлесткое название статьи, но ничего не получается. Пришлось покориться. Статья прошла вся, без единого изменения в тексте, но со скромным названием «Об Алексее Толстом».

Второй случай. Предлагаю я издать свою повесть «Старость». Отнесла на предварительную цензуру. Повесть «приняли» девочки-секретарши цензоров, не разбирающиеся в литературных произведениях и не компетентные. Через несколько дней вернули мне ее с резолюцией: «чересчур много эротики». А эротики в ней было столько, сколько она оправдывала название.

По этим случаям судите о серьезности цензуры.

В Одессе издавались следующие журналы: первым вышел «Колокол», позже – «Наши дни»²¹, в котором печатались отрывки из книги Ивана Солоневича «Россия в концлагере», один экземпляр которой попал в Одессу и выхватывался из рук²². Выходил журнал «Христианский вестник»²³, орган румынской православной миссии, редактировавшийся румынским монахом. И уже под конец вышел один или два номера журнала «Белая лилия»²⁴.

²¹ Журналы «Колокол» и «Наши дни» издавались в 1942–1943 гг.

²² *Солоневич Иван Лукьянович* (1891–1953) – публицист и писатель, до революции сотрудник газеты «Новое время», участник белого движения, после революции – советский журналист, в начале 1930-х гг. арестован и приговорен к 8 годам заключения в лагере. В 1934 г. бежал из лагеря и эмигрировал. Главы книги «Россия в концлагере», посвященной пребыванию автора и его родственников в лагерях, печатались в 1935 г. в парижской эмигрантской газете «Последние новости». С 1936 г. много раз публиковалась в Европе.

²³ «Христианский вестник» – газета, выходившая в 1943–1944 гг. Газета издавалась румынской православной миссией, редактором был протоиерей П. Лека.

²⁴ Редактором монархического журнала «Белая лилия» была Е.А. Григорович.

И газеты, и журналы платили авторам построчный гонорар. Газеты платили 15 пфенингов за строчку, журналы – 25²⁵.

Литература

- Альтман 2009 – *Альтман И.А.* Пресса оккупационная // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН; НПЦ «Холокост», 2009. С. 803–810.
- Бернев 2008 – *Бернев С.К.* Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР (1941–1944) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2008. Серия «История. Филология». № 49. С. 9–11.
- Бусленко 2000 – *Бусленко Н.И.* Коллаборационистская печать на Дону: 1941–1943 // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2000. № 3. С. 46–52.
- Гейтан, Левченко 2017 – *Гейтан О., Левченко В.* Періодичні видання Одесчачів румунської окупації 1941–1944 рр. як історичнеджерело (за матеріалами Державного архіву Одеської області) // Юго-Запад. Одессика: Историко-краеведческий научный альманах. Одесса: Печатный дом, 2017. Вып. 22. С. 149–169.
- Грибков 2016 – *Грибков И.В.* Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): историко-ведческое исследование: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2016.
- Жумарь 1996 – *Жумарь С.В.* Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск: БелНИИДАД, 1996.
- Ковалев 2015 – *Ковалев Б.Н.* Великий Новгород на страницах русской коллаборационистской прессы (1942–1944 гг.) // Новгородский исторический сборник. 2015. № 15 (25). С. 304–323.

References

- Altman, I.A. (2009), “Periodicals of the occupation”, *Holokost na territorii SSSR: entsiklopediya* [Holocaust in the USSR: encyclopedia], ROSSPEN; NPC “Holocaust”, Moscow, Russia, pp. 803-810.
- Bernev, S.K. (2008), “Periodicals in the occupied territory of the North-West of Russia (1941–1944)”, *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. Seriya “Istoriya. Filologiya”*, no. 49, pp. 9-11.
- Buslenko, N.I. (2000), “Collaborationist press on the Don: 1941–1943”, *Filologicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 46-52.
- Geitan, A. and Levchenko, V. (2017), “Periodicals of Odessa during the Romanian occupation of 1941–1944 as a historical source (based on the materials of the State Archive of Odessa region)”, *Yugo-Zapad. Odessika: Istoriko-kraevedcheskii nauchnyi al'manakh*, no. 22, pp. 149-169.

²⁵ *Logunova N.A.* Letters // Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 1. Fol. 4.

- Gribov, I.V. (2016), *Newspapers in the occupied territory of the USSR in Russian during the Great Patriotic War (1941–1944): source study* [Gazety na okkupirovannoi territorii SSSR na russkom yazyke v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1944 gg.): istochnikovedcheskoe issledovanie], Ph.D. Thesis, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Kovalev, B.N. (2015), “Veliky Novgorod on the pages of the Russian collaborationist press (1942–1944)”, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, no. 15 (25), pp. 304-323.
- Zhumar', S.V. (1996), *Okkupatsionnaya periodicheskaya pechat' na territorii Belarusi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. [Occupation periodical press on the territory of Belarus during the Great Patriotic War], Minsk, Belarus.

Информация об авторах

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the authors

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); bld. 51/21, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; kianoks@inbox.ru

История журналистики и литературной критики

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-24-29

Произведения в жанре «снов» в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения...»

Анастасия Г. Готовцева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН РАН), brunhilda@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются произведения в жанре «снов», опубликованные в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». «Сон» как цельное произведение рассматривается в качестве отдельного жанра, обладающего рядом отличительных черт. Этот жанр был новым для русской литературы и усваивался ею первоначально в качестве переводов из различных европейских периодических изданий, сборников и книг.

Ключевые слова: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», «Сны», европейская переводная литература, журналистика Академии наук, Г.Ф. Миллер, А.А. Нартов, В.И. Лебедев

Для цитирования: Готовцева А.Г. Произведения в жанре «снов» в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения...» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 24–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-24-29

Works in the genre of “dreams”
in the journal of the Academy of Sciences
“Monthly essays...”

Anastasiya G. Gotovtseva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), brunhilda@yandex.ru*

Abstract. The article reviews works in the genre of “dreams” published by the journal of the Academy of Sciences “Monthly essays for the benefit and entertainment”. “Dream” as an integral work is considered as a separate genre, which has a number of distinctive features. This genre was new for Russian literature and was originally assimilated by it as translations from various European periodicals, collections and books.

Keywords: “Monthly essays for the benefit and entertainment”, “Dreams”, European translated literature, journalism of the Academy of Sciences, G.F. Miller, A.A. Nartov, V.I. Lebedev

For citation: Gotovtseva, A.G. (2019), “Works in the genre of ‘dreams’ in the journal of the Academy of Sciences ‘Monthly essays’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 24-29. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-24-29

Журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764)¹ был своеобразным мультикультурным пространством, где русская культура впитывала и осваивала европейскую. Редактор журнала, академический историограф Г.Ф. Миллер (1705–1783), отдавал его страницы публикациям разной тематики. Здесь можно встретить серьезные научные статьи по точным наукам, истории, географии и экономике. Однако первое место по числу опубликованных материалов занимала литература, которая в XVIII в. лишь начинала развиваться в России как литература европейская. Среди этой части публикаций «Ежемесячных сочинений...» было много переводных произведений европейских авторов.

¹ Дважды за время своего существования журнал менял название: с 1758 г. – «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. – «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». Далее, независимо от названия журнала в данный период, в списке литературы при описании статей будет использоваться следующий формат: ЕС. Год. Часть. Месяц. Страница.

Некоторые переводные статьи, попавшие на страницы журнала, были написаны в форме *снов*. Оригинальные произведения такого рода в русской литературе той эпохи практически не встречаются, но важно то, что акцентированное появление в русской литературе «снов» связано именно с «Ежемесячными сочинениями...».

«Сны» жанрово примыкают к таким произведениям, как «разговоры»², и их как «разговоры» можно рассматривать в качестве отдельного литературного жанра. Сон, как и «разговор», формирует определенное художественное пространство. Пространство это часто фантастично. В «Литературной энциклопедии» автор части статьи «Прием», посвященной литературным снам, М.А. Дынник выделяет среди прочих вид сна в художественной литературе, когда «описывается сновидение, как форма для развития основного сюжета, и все литературное произведение является содержанием сна одного из действующих лиц» [Зунделович, Дынник 1925, стб. 645].

В.П. Руднев выделяет несколько атрибутов сна, введенного в литературный сюжет (в том случае, если он является частью литературного произведения). Среди них – возможность любых происшествий с героем до момента просыпания [Руднев 1990, с. 123]. Это же можно назвать основным способом создания своеобразного локуса сна, особенно если сон и есть все произведение. Как и локус «разговора в царстве мертвых» и «разговора богов», он дает широкие художественные возможности для высказывания авторских идей, которые в итоге и нацелены на то, чтобы, выйдя за рамки жизни, по выражению того же Руднева, создать «сверхреальность...». Это обуславливает часто морализаторский смысл «сна», в том числе как «реализации вины героя» [Руднев 1990, с. 124].

В 1754 г. в Галле вышла книга немецкого философа и ученого-естествоиспытателя, видного деятеля немецкого просвещения Иоганна Крюгера (Johann Gottlob Krüger, 1715–1759) под названием «Сны» (Träume. Halle: C.H. Hemmerde, 1754). Две главы из нее в переводе А.А. Нартова были напечатаны в «Ежемесячных сочинениях...» в первый год их издания³. Интересно, что по содержанию они явно перекликаются с «Разговорами о множестве миров» Б. Фонтенеля (1657–1757). Автор рассказывает о том, как во сне побывал на разных планетах солнечной системы и встречался с их жителями.

² См. об этом подробнее: [Готовцева 2018].

³ Сон / Пер. с нем. А.А. Нартов // ЕС. 1755. Ч. II. Август. С. 141–146 (подп.: «В Шляхетном Кадетском корпусе переведил А. Н.»); Сон, продолжение того, который находится в месяце августе на странице 141 / Пер. А.А. Нартов // ЕС. 1755. Ч. II. Ноябрь. С. 413–426 (подп.: «Переводил А. Н.»). См. подробнее: [Гизе 1996, с. 8].

Другие «сны» касаются различных нравственно-этических вопросов. Подлинником⁴ большинства из них стали журналы «Болтун» (“The Tatler”, 1709–1711) и «Зритель» (“The Spectator”, 1711–1712) Дж. Аддисона (1672–1719) и Р. Стила (1672–1729). Английский язык был чужероден русской культуре того времени, и количество русских переводов, с него сделанных, исчислялось единицами. Не знал английского и академический переводчик, соученик М.В. Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии В.И. Лебедев (1716–1771). Оригиналами-посредниками для него послужили немецкие переводы английских журналов – “Der Zuschauer” (1739–1743. 9 Bde; видимо, в руках переводчика находилось 2-е изд. 1749–1751) и “Der Schwätzer: Eine Sittenschrift” (1756. 4 Bde)⁵. Эти тексты проповедуют нормы христианской морали: добродетель, которая помогает человеку найти путь к Храму, необходимость избавиться от зависти к мнимому благополучию других и смиренно сносить любые несчастья, посылаемые судьбой, возможность для человека бороться с греховными помыслами, а также построение идеального государства.

К этим же «снам» типологически примыкают «сны», переведенные академическими переводчиками из других немецких и французских источников⁶. Один из них отстаивает идею мирного

⁴ В данном случае автор использует терминологию, введенную В.Д. Раком, по которой «подлинником предлагается называть печатный авторский текст произведения, оригиналом или оригиналом-посредником – текст, переданный русским переводом» [Рак 1993, с. 230].

⁵ Храм земного увеселения, во сне виденный / Пер. с нем. В.И. Лебедев // ЕС. 1757. Ч. II. Декабрь. С. 516–531; Сон о пороках и жалобах человеческих. Перевод из восьмой части Аглинского Спектатора № 558 / Пер. с нем. оригинала-посредника В.И. Лебедев // ЕС. 1761. Ч. I. Апрель. С. 463–472; Сон о искре грехов, находящейся в сердце человеческом. Перевод из восьмой части Аглинского Спектатора, № 587 / Пер. с нем. оригинала-посредника В.И. Лебедев // ЕС. 1761. Ч. I. Апрель. С. 473–478 [ошиб. паг.=100]; Сон о правосудии. Из Англинского Тадлера лист 100 / Пер. с нем. оригинала-посредника В.И. Лебедев // ЕС. 1761. Ч. I. Май. С. 513–523 [ошиб. паг.=100]; О Лебедеве-переводчике см.: [Пекарский 1867, с. 21–22], также [Левин 1990, с. 13, 33].

⁶ Храм природы и счастья. Сон / Пер. с нем. М.А. Красильников // ЕС. 1757. Ч. I. Апрель. С. 322–328. Пер. из моралистич. жур. “Gesellschaftliche Erzählungen für die Liebhaber der Naturlehre, der Haushaltungswissenschaft, der Arzeney-Kunst und der Sitten” (1753–1754). 1753. Т. 1. St. 3. (подп.: «Переводил М. К.»); Сон / Пер. с нем. И.И. Акимов // ЕС. 1755. Ч. I. Март. С. 248–254 (определение переводчика см.: Берков 1952, с. 105); Сон о роскоши. Переведено из нового Французского Зрителя. Том I, лист 13

сосуществования человека и природы. Деревья в саду сравниваются с людьми. Ветры губят деревья, как страсти людей. «Не почитайте нас живых яко колдунов, и помилуйте нас от такой противной судьбины: не употребляйте над нами военного права, понеже мы имеем всегда мир в мыслях... Не подсекайте молодые деревья»⁷, – говорит дерево автору.

* * *

Жанровая система европейской литературы встраивалась в российское литературное пространство. Усваивая эту систему путем переводов, русская литература постепенно начинала создавать и оригинальные произведения в самых различных жанрах. «Сны» – уже сложившиеся в Европе литературные жанры – были новы для русской литературы, неудивительно поэтому, что редактор «Ежемесячных сочинений...» Г.Ф. Миллер в своем журнале уделял внимание переводам именно такого рода. Небольшой объем подобных произведений позволял быстро наполнить редакторский портфель. Если «разговоры» впервые появились еще в «Примечаниях» к «Санкт-петербургским ведомостям», то для «снов» «Ежемесячные сочинения...» стали местом первых публикаций в России.

Литература

- Берков 1952 – *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952.
- Гизе 1996 – *Гизе М.Э.* Андрей Андреевич Нартов: биогр. очерк // Краеведческие записки: исследования и материалы / Гос. музей истории Санкт-Петербурга. СПб.: [б.и.], 1996. Вып. 4. С. 6–36.
- Готовцева 2018 – *Готовцева А.Г.* «Разговоры по подобию Лукиановых»: Жанр «разговоров» в журнале Академии наук. «Ежемесячные сочинения» // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 1 (34). С. 9–16.
- Зунделович, Дынник 1925 – *Зунделович Я., Дынник М.* Прием // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2: П–Я. Стб. 641–649.
- Левин 1990 – *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России. Л.: Наука, 1990.
- Пекарский 1867 – *Пекарский П.П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1867.

и 14 // ЕС. 1760. Ч. II. Декабрь. С. 501–524. Источник перевода: “Nouveau Spectateur François, ou Discours dans lesquels on voit un portrait naïf des mœurs de ce siècle”.

⁷ Сон / Пер. с нем. И.И. Акимов // ЕС. 1755. Ч. I. Март. С. 253–254.

- Рак 1993 – *Рак В.Д.* Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствования» // XVIII век. Сб. 18. СПб.: Наука, 1993. С. 230–261.
- Руднев 1990 – *Руднев В.П.* Культура и сон // Даугава. 1990. № 3. С. 121–124.

References

- Berkov, P.N. (1952), *Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII veka* [The history of Russian journalism of the 18th century], Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, Moscow; Leningrad, USSR.
- Gize, M.E. (1996), “Andrei Andreevich Nartov: Biographical essay”, *Kraevedcheskie zapiski: issledovaniya I materialy*, The State Museum of History of St. Petersburg, Saint Petersburg, no. 4, pp. 6-36.
- Gotovtseva, A.G. (2018), “Dialogues on Lukian's like”: Works in the genre of “dialogues” in the journal of the Academy of Sciences “Monthly essays”, *RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, no. 1 (34), pp. 9-16.
- Levin, Yu.D. (1990), *Vospriyatie angliiskoi literatury v Rossii* [Perception of English literature in Russia], Nauka, Leningrad, USSR.
- Pekarskii, P.P. (1867), *Redaktor, sotrudniki i cenzura v russkom zhurnale 1755–1764 godov* [Editor, staff and censorship in the Russian journal of 1755–1764], Izdatel'stvo Imperatorskoi akademii nauk, St. Petersburg, Russia.
- Rak, V.D. (1993), “Translations in the journal “Reading for Taste, Reason and Feeling””, *XVIII vek* [18th century], St. Petersburg, Russia, pp. 230-261.
- Rudnev, V.P. (1990), “Culture and dream”, *Daugava*, no. 3, pp. 121-124.
- Zundelovich, Ya. and Dynnik, M. (1925), “The touch”, *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov*: [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms], Izdatel'stvo L.D. Frenkel', Moscow, Leningrad, USSR, vol. 2, col. 641–649.

Информация об авторе

Анастасия Г. Готовцева, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21; brunhida@yandex.ru

Information about the author

Anastasiya G. Gotovtseva, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); bld. 51/21, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117997; brunhida@yandex.ru

УДК 070(09)
DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-30-34

М.Н. Катков в отечественной публицистике 2-й половины XIX в.

Анна П. Гутникова

*Российский государственный гуманитарный университет.
Москва, Россия, noscomments15@bk.ru*

Аннотация. В статье речь идет о публицистической позиции знаменитого российского журналиста М.Н. Каткова. Анализируется эволюция взглядов Каткова на ситуацию в России. Автор приходит к выводу о том, что на протяжении своего творческого пути Катков всегда был сторонником сильной монархической власти в России, при которой сохраняются гражданские права и свобода печати.

Ключевые слова: М.Н. Катков, «Московские ведомости», «Русский вестник», либерализм, консерватизм

Для цитирования: Гутникова А.П. М.Н. Катков в отечественной публицистике 2-й половины XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 30–34. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-30-34

M.N. Katkov in the Russian journalism of the 2nd half of the 19th century

Anna P. Gutnikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, noscomments15@bk.ru*

Abstract. The article deals with the publicistic position of the famous Russian journalist M.N. Katkov. The author analyzed the evolution of Katkov's views on the situation in Russia and comes to the conclusion that throughout his creative career Katkov was always a supporter of a strong monarchical power in Russia, which preserves civil rights and freedom of the press.

Keywords: M.N. Katkov, "Moskovskie vedomosti", "Russkii vestnik", liberalism, conservatism

For citation: Gutnikova A.P. (2019), "M.N. Katkov in the Russian journalism of the 2nd half of the 19th century". *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 30-34. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-30-34

© Гутникова А.П., 2019

Михаил Никифорович Катков – знаменитый русский публицист, редактор «Московских ведомостей», «Русского вестника» и «Современной летописи». Отношение отечественных исследователей к его творчеству на многие годы вперед определил А.И. Герцен, с которым Катков открыто полемизировал в печати. Герцен называл Каткова «полицейским содержателем публичного листа в Москве»¹, подразумевая под «публичным листом» газету «Московские ведомости». Издатель «Колокола» обвинил Каткова в том, что его издания финансировались полицией, что он публиковал в этих изданиях лишь то, что требовала от него власть.

Точка зрения Герцена легла в основу позднейших представлений о Каткове. Согласно этим представлениям, публицист прошел путь от либерализма к консерватизму и охранительству². При этом моральная оценка такого перехода зависит от взглядов исследователя: «либералы» Катковым недовольны, «консерваторы» же, напротив, пишут его имя на своих знаменах³.

С одной стороны, такая точка зрения имеет право на существование. В своих ранних статьях Катков выступает сначала как славянофил, потом как человек, близкий к западническому либерализму и убежденный в том, что «корни прошедшего» следует искать «в цвете настоящего»⁴.

В статье «Пушкин», написанной в 1856 г., Катков утверждал, что значение поэта для России, в частности, в том, что после него поэзия «стала делом жизни, ее общественным сознанием»⁵. А два года спустя, в период «гласности» и подготовки крестьянской реформы, публицист требовал возможности свободно высказываться даже и явно ошибочным и «односторонним» мыслям⁶, ратовал за освобождение крестьян, выступал против общинного землевладения. Он приветствовал либеральные реформы Александра II, в частности судебную.

Однако уже в 1863 г., в связи с восстанием в Польше, Катков начинает высказывать совсем нехарактерные для либерала-западника взгляды. Европейское политическое устройство ему разонравилось:

¹ Герцен А.И. Статьи из «Колокола» и другие произведения. 1864 // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 18. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 8–11.

² Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. СПб.: Книгоиздво М.В. Пирожкова, 1904.

³ Там же.

⁴ Катков М.Н. Пушкин // Русский вестник. 1856. Кн. 2. С. 281–310.

⁵ Там же.

⁶ Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. Т. 44. С. 204–218.

Все европейские государства нарядились в конституции. Все эти новейшие государственные устройства, все эти конституционные наряды, несмотря на высокую цивилизацию тех стран, которые в них облакаются, не представляют ничего поистине серьезного, ничего твердого и служат только выражением переходного состояния европейских обществ; никого не удовлетворяя, они производят только брожение и смуту, ведут к вредным столкновениям и подвергают опасности все основы государственного и общественного порядка⁷.

По его мнению, Польша не может получить независимость, поскольку это будет означать раздробленность России. А западным странам не следует указывать, что русским делать с непокорной окраиной: «Мы прошли тяжелую и долгую школу. Нам незачем идти снова в школу или переделывать у себя то, что было у других народов»⁸. С годами Катков все чаще выступал против Запада и против тех, кто, по его мнению, разделял западные революционные идеи.

Однако мнение большинства исследователей о том, что Катков «эволюционировал» от либерализма к консерватизму, представляется все же не вполне обоснованным. Публицист вовсе не был готов – ради упрочения собственного положения или положения своих изданий – лстыть власть имущим и высказывать угодные им взгляды. Давно доказано, что за свои «верноподданнические» статьи он не получал денег, а со многими высшими администраторами находился в открытом конфликте [Лобов 1904].

Однако на всем протяжении своего творческого пути Катков был монархистом – и не скрывал этого⁹. Призывов республиканского свойства в его текстах – даже написанных в самом начале творческого пути – обнаружить не удалось. Российский монарх – «Верховная власть», по определению Каткова, связывает «воедино все сословия народа», является важнейшей фигурой, объединяющей в одну «национальность» все народы империи [Селезнев, Смолен 2007]. При этом публицист уверен, что

власть у него (у российского императора. – А. Г.) не затем, чтобы давать ее чувствовать мирным гражданам, а чтобы служить им в охранении их законных прав и интересов; показывать же власть свою он должен только нарушителям этих прав и интересов [Сементковский 1892].

⁷ Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. Т. 44. С. 208.

⁸ Там же. С. 209.

⁹ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978.

Однако никто – кроме императора – не может пользоваться в России абсолютной и бесконтрольной властью:

Администратор, – считает Катков, – не может считать себя самодержцем в малом виде. Господство такого воззрения есть существенное зло, и из него проистекало немало печальных недоразумений в наших общественных понятиях, немало фальшивых положений в нашем общественном быту. Опираясь на это воззрение, административные лица, бывало, готовы были провозгласить бунтовщиком всякого, кто осмеливался ссылаться на закон <...> Может ли выдержать какую-либо серьезную поверку это воззрение, к которому, однако, привыкла бюрократия и приучила умы? Оно должно исчезнуть как грубая ошибка; оно должно исчезнуть перед новым порядком, который требует совершенно иного воззрения¹⁰.

Этот «новый порядок», к которому должна стремиться Россия, должен включать в себя, по мысли Каткова, и свободную прессу:

Что не противно законам и учреждениям страны, не оскорбляет общественной нравственности, что не служит орудием обмана и насилия, то имеет право высказываться и высказываться с совершенною независимостью. <...> Каждый не то что имеет право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользах, но и призывает к тому долгу верноподданных¹¹.

Таким образом, можно говорить о том, что на протяжении всей своей творческой биографии Катков придерживался одной и той же концепции: концепции сильного монархического государства, в котором действуют справедливые законы, и в рамках этих законов должны соблюдаться и права граждан, и свобода печати. Словесное оформление этой концепции зависело от конкретной исторической ситуации написания той или иной статьи. Однако идеальное представление о России как о монархической стране с либеральной внутренней организацией оставалось для Каткова неизменным.

¹⁰ Катков М.Н. Исключительное господство бюрократии и Верховная власть // Московские ведомости. 1866. № 154. С. 125.

¹¹ Там же. С. 126.

Литература

- Лемке 1904 – *Лемке М.К.* Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. СПб.: Книгоизд-во М.В. Пирожкова, 1904.
- Лобов 1904 – *Лобов Л.К.* К характеристике М.Н. Каткова. Катков как литературный критик. М.: Тип. Смирнова, 1904.
- Селезнев, Смолин 2007 – *Селезнев Ф.А., Смолин М.Б.* Великий страж Империи // Катков М.Н. Империя и крамола. М.: Фонд ИВ., 2007. С. 5–44.
- Сементковский 1892 – *Сементковский Р.И.* Михаил Катков. Его жизнь и публицистическая деятельность: Биографический очерк. СПб.: Тип. Ю.И. Эрлих, 1892.
- Твардовская 1978 – *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978.

References

- Lemke, M. (1904), *Epokha tsenzurnykh reform. 1859–1865* [Time for the censorship reforms. 1859–1865], Publishing house of M.V. Pirozhkova, Saint-Petersburg, Russia.
- Lobov, L. (1904), *K kharakteristike M.N. Katkova. Katkov kak literaturniy kritik* [To the characteristic of M.N. Katkov. Katkov as a literary critic], Smirnov's Printing House, Moscow, Russia.
- Seleznyov, F., Smolin, M. (2007), “The great guardian of the Empire”, *Katkov M.N. Imperiya I kramola* [Katkov M.N. Empire and sedition], Fond IV, Moscow, Russia, pp. 5-44.
- Sementkowski, R. (1892), *Mikhail Katkov. Ego zhizn' I publitsisticheskaya aktivnost'. Biograficheskii ocherk* [Mikhail Katkov. His life and publicistic activity. The biography essay], Yu.I. Erlich's Printing House, Saint-Petersburg, Russia.
- Tvardovskaya, V. (1978), *Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya: (M.N. Katkovi ego izdaniya)* [An ideology of the autocracy: (M.N. Katkov and his publications)], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна П. Гутникова – аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; nocomments15@bk.ru

Information about the author

Anna P. Gutnikova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; nocomments15@bk.ru

Политические споры
в эмигрантской журналистике 1940-х гг.:
к одному эпизоду «холодной войны»

Даниил В. Бурьгин

*Российский государственный гуманитарный университет.
Москва, Россия, d.v.burygin@gmail.com*

Аннотация. В статье описывается конфликт между писателем И.А. Буниным и издателем главного эмигрантского журнала 1940-х гг., «Нового журнала», М.С. Цетлиной. Автор приходит к выводу, что кризис, в котором оказалась эмиграция в этот период, был результатом нацистской оккупации Франции, а также новых условий «холодной войны», сделавшей эмиграцию значимой политической силой. Таким образом, конфликт между Буниным и Цетлиной должен рассматриваться в контексте проблематики «холодной войны».

Ключевые слова: И.А. Бунин, М.С. Цетлина, «Новый журнал», эмиграция, «холодная война»

Для цитирования: Бурьгин Д.В. Политические споры в эмигрантской журналистике 1940-х гг.: к одному эпизоду «холодной войны» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 35–39. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-35-39

Political conflict in emigrant journalism in the 1940s:
on one episode of the Cold war

Daniil V. Burygin

*Russian State University for the Humanities (RGGU).
Moscow, Russia, d.v.burygin@gmail.com*

Abstract. The article covers a conflict between one of the key figures in Russian émigré literature during the 1940s I.A. Bunin and the publisher of the main émigré quarterly in this period “The New Review” M.S. Tsetlin. The author concludes that Russian anti-Soviet émigré community at that time was in deep crises as both the result of the German occupation of France and the

new conditions at the beginning of the Cold War era, giving it the role of a significant political force. Therefore, the conflict between Bunin and Tsetlin should be viewed in the context of the Cold War.

Keywords: I.A. Bunin, M.S. Tsetlin, The New Review, émigré, Cold War

For citation: Burygin, D.V. (2019), "Political conflict in emigrant journalism in the 1940s: on one episode of the Cold war". *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 35-39. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-35-39

После окончания Второй мировой войны русская эмиграция находилась в сложной и противоречивой ситуации. Во время войны эмигранты в Западной Европе оказались разделенными на две группы: тех, кому удалось отправиться в США и избежать нацистской оккупации, и оставшихся – главным образом во Франции.

Сразу после окончания войны французское правительство проводит жесткую политику по отношению к тем, кто был замечен в сотрудничестве с нацистами. При этом отношения Франции и СССР в это время были достаточно доброжелательными. В.А. Маклаков, возглавлявший тогда Центральный офис по делам русских беженцев во Франции, подчеркивал, что русским эмигрантам «рассчитывать на льготы и преимущества, на конвенцию и т. п. потому, что мы «враги советов», было бессмысленно». Соответственно «рядовая эмиграция должна была тон свой изменить»¹.

Это «изменение тона» выразилось для эмигрантов-«европейцев» в позитивном отношении к СССР, освободившему Париж от нацистов.

Такие настроения не нашли поддержки у «американской» части эмиграции: уже в первые послевоенные годы растет напряженность в отношениях СССР и США, бывших союзников; напряженность скоро трансформировалась в «холодную войну». С началом «холодной войны» эмиграция становится предметом интереса американского правительства с точки зрения возможного идеологического влияния на СССР. Американское правительство поддерживало русские эмигрантские политические организации, периодическому и издательства посредством секретного финансирования через средства разведслужб [Grose 2000, p. 121].

Свои виды на русских эмигрантов были и у руководства СССР: 14 июня 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР издал «Указ о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство,

¹ Маклаков В.А. Письмо Элькину Б.И., 15 мая 1945 // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 243–311.

проживающих на территории Франции». Именно этот указ и стал поводом для открытого конфликта разных групп русских эмигрантов.

* * *

Отвечая на вопрос редакции газеты «Русские новости» об оценке указа о возвращении, Бунин отозвался о нем однозначно положительно:

На вопрос сотрудника редакции: «Как вы относитесь к Указу 14 июня, Иван Алексеевич?» Бунин ответил: «Позвольте быть кратким, тем более что двух мнений об этом акте быть не может. Конечно, это очень значительное событие в жизни русской эмиграции – и не только во Франции, но и в Югославии и Болгарии. Надо полагать, что эта великодушная мера советского правительства распространится и на эмигрантов, проживающих и в других странах» [Дубовников 1973, с. 400].

Между тем 20 мая 1947 г. на собрании Союза писателей и журналистов в Париже правление этой организации поставило вопрос об исключении из союза тех его членов, которые приняли советское гражданство. При этом правлению пришлось для этой цели изменить устав союза, так как, согласно уставу, членство союза не предполагает никаких ограничений по национальности.

Именно из-за этой акции и начался конфликт: Бунин решает сначала выйти из правления союза, затем – выйти из союза вообще. Истинной причиной собственного выхода из союза Бунин называет не солидарность с писателями, взявшими советские паспорта, а свое неприятие самого союза:

Почему я не ушел из Союза уже давным-давно? Да просто потому, что жизнь его текла прежде незаметно, мирно. Но вот начались какие-то бурные заседания его, какие-то распри, изменения устава, после чего начался уже его распад, превращение в кучку сотрудников «Русской мысли», среди которых блистает чуть не в каждом номере Шмелев, участник парижских молебнов о даровании победы Гитлеру... [Дубовников 1973, с. 404].

Позиция Бунина повлияла на ситуацию вокруг главного «толстого» журнала, объединявшего вокруг себя разные партии, ключевого фактора эмигрантской общественной жизни – нью-йоркского «Нового журнала». Он начал выходить в 1942 г. вместо закрытого в связи с оккупацией парижского журнала «Современные записки». Именно Бунину принадлежала идея создания «Нового журнала»; привлечением сотрудников и сбором средств занялся

М.А. Алданов; издателем журнала стала М.С. Цетлина. Во вступительной статье к первому номеру журнала, с одной стороны, указывалось на продолжение линии «Современных записок» на неприятие Октябрьской революции и советского режима, с другой же – недвусмысленно выражалась поддержка СССР в войне против нацистской Германии:

Надо ли говорить, что в той страшной борьбе, которую на жизнь или смерть ведет теперь наша родина с Гитлером, все наши мысли – с ней. Кто бы ни руководил русской армией в ее героической борьбе, мы всей душой желаем России полной победы. Каждое ее поражение, каждую ее неудачу мы воспринимаем как большое несчастье, каждую победу как великую радость².

Последствием выхода Бунина из Союза писателей и журналистов стало открытое письмо, которое в ноябре–декабре 1947 г. написала ему Цетлина. В письме она осуждала его поступок и объявляла о разрыве отношений. Это письмо, в свою очередь, заставило Бунина прекратить отношения с «Новым журналом». С Буниным солидаризовались Алданов и В.Н. Бунина, которые тоже вышли из союза и прервали отношения с журналом. Бунина ответила Цетлиной частным письмом, в котором писала об «оскорблении», нанесенном ей и ее мужу: «Какой поступок после тридцатилетних дружеских отношений! Мне кажется, настоящие друзья так не должны делать» [Дубовников 1973, с. 404].

На стороне же Цетлиной оказалась, например, Н.Н. Берберова. Во время войны ходило множество слухов о том, что Берберова не скрывала своих симпатий к нацистам, а ее муж Н.В. Макеев сотрудничал с гитлеровцами, в частности наживался на конфискации картин у евреев [Будницкий 1999, с. 141–173].

После войны Берберова пыталась восстановить испорченную репутацию, писала открытое письмо Алданову, адресованное не столько ему, сколько эмигрантской общественности, в особенности ее «американской» части. Слухи о сотрудничестве с фашистами она называла беспочвенными. Однако вряд ли случаен тот факт, что после разрыва отношений Бунина и Алданова с Цетлиной Берберова становится постоянным сотрудником «Нового журнала».

Объясняя Цетлиной свой уход из союза, В.Н. Бунина утверждала в 1948 г., что ушла и из-за Берберовой, которая «лягала» ее мужа «как писателя», и из-за того, что Берберова стала членом правления союза. «Это была последняя капля, решившая мой уход», – пишет Бунина [Шраер 2010, с. 35].

² От редакционной группы // Новый журнал. 1942. № 1. С. 5.

* * *

Таким образом, раскол на два лагеря в среде эмиграции первой волны имел как внутренние, так и внешние причины. Среди внутренних можно назвать вопросы репутации и взаимные нападки, связанные с периодом нацистской оккупации Франции в годы войны. Формальным поводом для конфликта М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым послужил выход Бунина из правления парижского Союза писателей и журналистов, однако истинная подоплека конфликта лежит в противоречивом отношении к СССР и коллаборационизму в эмигрантском сообществе после Второй мировой войны.

Литература

- Будницкий 1999 – *Будницкий О.В.* «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 141–173.
- Дубовников 1973 – *Дубовников А.Н.* Выход Бунина из парижского Союза писателей // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 399–407.
- Шраер 2010 – Переписка И.А. Бунина и Н.Н. Берберовой / [Вступ. статья М.Д. Шраера] // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2. М.: Русский путь, 2010. С. 8–39.
- Grose 2000 – *Grose P.* Operation Rollback: America's Secret War behind the Iron Curtain. Houghton Mifflin, Boston. 2000.

References

- Budnitskii, O.V. (1999), “The case’ of Nina Berberova”, *New literary review*, vol. 39. pp. 141-173.
- Dubovnikov, A.N. (1973), “Bunin’s exit from the Paris Union of writers”, *Literary legacy*, vol. 84, no. 2, pp. 399-407.
- Grose, P. (2000), *Operation rollback: America’s secret war behind the Iron Curtain.* Houghton Mifflin, Boston, USA.
- Shraer, M.D. (2010), “The correspondence of I.A. Bunin and N.N. Berberova” [Foreword by M.D. Shraer], in Korostelev, O. and Davis, R. (eds.), *I.A. Bunin: New materials*, vol. 2, *Russkii Put’*, Moscow, Russia, pp. 8-39.

Информация об авторе

Даниил В. Бурьгин, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; d.v.burygin@gmail.com

Information about the author

Daniil V. Burygin, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; d.v.burygin@gmail.com

УДК 070(09):342.4

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-40-46

«Конституционное перетягивание каната»:
процесс разработки новой Конституции РФ
президентом и Верховным советом
на страницах газет в 1993 г.

Татьяна В. Скокова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, skokovatatyana@gmail.com*

Аннотация. С помощью многочисленных выразительных средств, приемов пропаганды и манипуляции, в частности терминов-идеологем и противопоставлений «свой–чужой», газеты освещали процесс принятия новой конституции весной–осенью 1993 г. президентом и парламентом. Газета «Известия» доказывала легитимность совещания президента и его право принять свой проект в обход съезда; «Правда» защищала действующую конституцию и обосновывала незаконность инициатив и действий Ельцина.

Ключевые слова: конституционный кризис 1992–1993 гг., Б.Н. Ельцин, Р.И. Хасбулатов, манипуляция, «Правда», «Известия»

Для цитирования: Скокова Т.В. «Конституционное перетягивание каната»: процесс разработки новой Конституции РФ президентом и Верховным советом на страницах газет в 1993 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 40–46. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-40-46

“Constitutional tug-of-war”:
The process of drafting a new Constitution
by the President and the Supreme Council
in the newspapers in 1993

Tatyana V. Skokova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, skokovatatyana@gmail.com*

Abstract. With the help of numerous expressive means, methods of propaganda and manipulation, in particular, terms-ideologues and oppositions “friend–foe”, the Newspapers covered the process of adoption of the new Constitution in the spring-autumn of 1993 by the President and Parliament. The newspaper “Izvestia” proved the legitimacy of the meeting of the President and his right to accept his project bypassing the Congress; “Pravda” defended the current Constitution and justified the illegality of initiatives and actions of Yeltsin.

Keywords: Constitutional crisis of 1992–1993, B.N. Yeltsin, R.I. Khasbulatov, manipulation, “Pravda”, “Izvestia”

For citation: Skokova T.V. (2019), “‘Constitutional tug-of-war’: The process of drafting a new Constitution by the President and the Supreme Council in the newspapers in 1993”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 40-46. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-40-46

Конституция 1978 г., продолжавшая действовать в новой России, заложила основу двоевластия: «латаная-перелатанная», она генерировала конфликты из-за многочисленных взаимоисключающих поправок, когда «любая из сторон могла одинаково и убедительно обосновать все, что угодно» [Шахрай 2013, с. 11].

Заручившись народной поддержкой после референдума 25 апреля 1993 г., президент России Б.Н. Ельцин представил свой проект конституции и в мае сообщил о созыве Конституционного совещания (далее – Совещание, КС) для завершения подготовки и одобрения этого проекта. Однако разработкой новой конституции занималась образованная еще на I Съезде народных депутатов РСФСР Конституционная комиссия (далее – Комиссия, КК) – постоянно действующий орган съезда. Возглавил Комиссию сам Ельцин (тогда – председатель Верховного совета РСФСР, далее – ВС), заместителем председателя был назначен Р.И. Хасбулатов, ответственным секретарем – депутат О.Г. Румянцев.

После апрельского референдума наступил новый этап противостояния между президентом и парламентом, который заключался

в соревновании двух параллельных структур и их проектов конституции. При некотором сходстве, проекты различались: в проекте Ельцина предполагалась президентская республика, в проекте КК «советская модель соединялась с парламентской республикой» [Митюков 2014, с. 10].

Противостояние ветвей власти продолжилось на страницах печатных СМИ. Окружение президента использовало тезис о том, что Советы – наследие от КПСС и им нет места в новом демократическом государстве. Этот тезис стал основным для поддерживавших Ельцина СМИ, в частности для «Известий». «Правда», наоборот, доказывала, что Советы – одна из форм народовластия, основа демократии, стабилизирующее начало в кризисное время.

Цель статьи – выявить основные приемы манипуляции, практикуемые газетами «Правда» и «Известия», проанализировать и сравнить основные аргументы, используемые во время так называемого Конституционного кризиса – с весны 1993 г. и до выхода президентского Указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе» от 21 сентября 1993 г.

* * *

«Правда» постоянно подчеркивала: по действующей Конституции 1978 г. созывать референдум, разрабатывать и принимать новую конституцию был правомочен только съезд, но не президент и его Совецание, итоги референдума не давали ему на это право. Причина «скоропалительного протаскивания» проекта Ельцина – попытка отвлечь общество от ухудшающейся экономической ситуации¹. С президентом связывались негативные ассоциации, вызываемые словами: «авторитаризм», «демократический рейх», «переворот», «разграбление». В то же время съезд был представлен как «защитник народа» и «основа демократии».

Газета убеждала, что новая конституция «подгоняется» под президента: в президентском проекте Ельцин наделяется «монаршими полномочиями», что разрушает конституционность России. Ликвидация Советов отменяет неотъемлемые социально-экономические права человека². «Правда» подчеркивала, что действующий Основной закон не препятствует реформам, нет необходимости в срочном принятии нового.

Тактика «Правды» строилась на разоблачении исполнительной власти с помощью утечек «из стана» президента, трактуемых определенным образом. Так, к открытию Совецания газета опубликов-

¹ Шинкин А. Политические стахановцы спешат, не заботясь об интересах России // Правда. 1993. 2 июня.

² Шенин О. Монархический зуд // Правда. 1993. 4 июня.

вала рекомендации по его проведению³, исходящие от президентского окружения. Архивные документы позволяют установить, что бумага была составлена пресс-секретарем Ельцина В.В. Костиковым. В ней говорилось, что работа Совещания должна быть предельно регламентирована, не должно быть выступлений из зала от микрофона, все выводы должны приниматься «консенсусом», а не голосованием⁴.

«Правда» утверждала: дальнейший ход событий показал, что данные рекомендации были приняты в качестве руководства к действию. Участие оппозиции было сведено к минимуму (спикеру в первый день отказали в выступлении, а итоговый проект конституции одобрили без голосования⁵); дискуссии были минимальны (в рабочих группах практически не было прений⁶).

* * *

Газета «Известия» настаивала на легитимности итогов референдума. Поскольку президент получил «мандат народного доверия на продолжение курса реформ», он обладает правом ускорить процесс принятия новой конституции⁷, даже на референдуме. Съезд же, напротив, поддержку населения не имеет, поэтому он больше не легитимен.

«Известия» формировали негативный образ ВС как противника реформ и узурпатора власти. Все высказывания, относящиеся к парламенту, несли негативные коннотации и выражались такими словами, как «тоталитарный», «коммунистический», «большевистский». ВС противопоставлялся президенту, с которым связывались понятия «свобода», «демократия», «реформы».

Ельцина газета упрекала только в том, что не сумел максимально эффективно использовать результаты референдума: помимо конституции необходимо было представить экономическую стратегию, отсутствие которой, вместе с нерешенными противоречиями между субъектами РФ, привело к затягиваю конституционного процесса⁸.

³ Обозреватель. Тайный советник вождя // Правда. 1993. 2 июня.

⁴ Костиков В.В. [Письмо Б.Н. Ельцину] 28.05.1993 // Архив Ельцин-Центра. Ф. 7. Оп. 1. Пр-806. 2 л.

⁵ Славин Б. Подняли руки: одобряем // Правда. 1993. 14 июля.

⁶ Трушков В. Горячо сыро не бывает // Правда. 1993. 29 июня.

⁷ Борис Ельцин: только через реформы страна выйдет на путь возрождения // Известия. 1993. 8 мая.

⁸ Чугаев С. Конституционная партия затягивается: Президенту грозит цейтнот // Известия. 1993. 16 июня.

Отказ Хасбулатова 24 июня от участия в КС под предлогом причастности к коррупции людей из ближайшего окружения президента расценивался «Известиями» как «срыв успешного процесса по выработке новой Конституции» – с целью перехватить инициативу у президента. «Известия» опасались, что посредством провокаций руководство ВС сможет «убедить сомневающихся депутатов выразить недоверие министрам», а Ельцин, под предлогом борьбы с коррупцией, будет лишен «выданного на референдуме карт-бланш на проведение социально-экономической политики»⁹.

Выступая 18 сентября перед главами республик, Ельцин после своего ранее озвученного предложения о перевыборах парламента согласился и на свои собственные перевыборы. «Известия» назвали это удачным и сильным ходом. Выступление же Хасбулатова перед руководителями Советов всех уровней, состоявшееся в тот же день, было названо конфронтационным. Именно председатель ВС провоцирует президента на антиконституционные действия¹⁰.

В публикациях двух изданий выявлены методы манипуляции: искажение информации, интерпретация фактов в выгодном свете, утаивание важных деталей, избирательное внимание к определенным фактам, избирательное цитирование со ссылкой на авторитетные источники. В том числе – использование выразительных средств: метафоры («финиш конституционной гонки под управлением президента»¹¹, «затягивание конституционного процесса»¹², «политические стахановцы»¹³, «не терпится примерить шапку Мономаха»¹⁴, «монархический зуд»¹⁵, «орган давления на Съезд»¹⁶), ирония («Ах, до чего же прозорлив Борис Николаевич! Точно знает, нет человека на трибуне – нет проблемы»¹⁷, «камуфлирующей свою верноподданность президенту»¹⁸, «образец “подлинной”

⁹ *Чугаев С.* Затягивание конституционного процесса может привести к отставке правительства // Известия. 1993. 29 июня.

¹⁰ *Чугаев С.Р.* Хасбулатов использует “безграничные возможности демократии” // Известия. 1993. 21 сент.

¹¹ *Трушков В.* Горячо сыро не бывает // Правда. 1993. 29 июня.

¹² *Чугаев С.* Затягивание конституционного процесса может привести к отставке правительства // Известия. 1993. 29 июня.

¹³ *Шинкин А.* Политические стахановцы спешат, не заботясь об интересах России // Правда. 1993. 2 июня.

¹⁴ *Шенин О.* Монархический зуд // Правда. 1993. 4 июня.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Славин Б.* Подняли руки: одобряем // Правда. 1993. 14 июля.

¹⁷ *Трушков В.* Горячо сыро не бывает // Правда. 1993. 29 июня.

¹⁸ *Славин Б.* Подняли руки: одобряем // Правда. 1993. 14 июля.

демократии»¹⁹), гипербола («истеричное заявление Костикова»²⁰) и др. [Балахонская, Сергеева 2017, с. 95, 102, 113, 124].

Активно использовались и создавались идеологемы, являющиеся средством эффективных манипуляций еще с советского времени [Фельдман 2006, с. 10]. Это – сложный когнитивно-стилистический феномен, с помощью которого формируется сознание («президентская диктатура», «демократический рейх», «красно-коричневые», «парламентская оппозиция»). В советском тоталитарном дискурсе они были «пропагандистским штампом» [Клушина 2014, с. 54]. Идеологемы воздействуют на чувства людей, базируются на оппозициях, в частности «свои – чужие». Данная оппозиция в совокупности с характерной для общества склонностью «к биполярному черно-белому мышлению, нелюбовью к компромиссам» [Чудинов 2007, с. 59] широко применялась на страницах газет с целью убеждения в правоте и легитимности действий обеими сторонами конфликта.

Литература

- Балахонская, Сергеева 2017 – Балахонская Л.В., Сергеева Е.В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. М.: Флинта: Наука, 2017.
- Клушина 2014 – Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
- Митюков 2014 – Митюков М.А. Конституционное совещание 1993 года: Рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документы, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012). М.: Проспект, 2014.
- Фельдман 2006 – Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006.
- Чудинов 2007 – Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Шахрай 2013 – Шахрай С.М. Неизвестная Конституция: *Constitutio incognita*. М.: Красная звезда, 2013.

References

- Balahonskaya, L.V. and Sergeeva, V.E. (2017), *Lingvistika rechevogo vozdeystviya i manipulirovaniya* [Linguistics of speech influence and manipulation], Flinta, Nauka, Moscow, Russia.
- Chudinov, A.P. (2007), *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], Flinta, Science, Moscow, Russia.

¹⁹ Там же.

²⁰ Шинкин А. Политические стахановцы спешат, не заботясь об интересах России // Правда. 1993. 2 июня.

- Feldman, D.M. (2006), *Terminologiya vlasti. Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste* [Terminology of power: Soviet political terms in historical and cultural context], Russian state University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Klushina, N.I. (2014), "The theory of ideologeme", *Political linguistics*, no. 4 (50), pp. 54–58.
- Mityukov, M.A. (2014), *Konstitutsionnoe soveshchanie 1993 goda: Rozdenie Konstitutsii Rossii: stat'i, vystupleniya, interv'yu, dokumenty, dnevnikovye i bloknotnye zapisi* [Constitutional Conference of 1993: the Birth of the Constitution of Russia: articles, speeches, interviews, documents, diaries and notebooks (1993–2012)], Prospect, Moscow, Russia.
- Shahrai, S.M. (2013), *Neizvestnaya Konstitutsiya: Constitutio incognita* [Unknown Constitution: Constitutio incognita], Krasnaya Zvezda, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна В. Скокова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; skokovatatyana@gmail.com

Information about the author

Tatyana V. Skokova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; skokovatatyana@gmail.com

Газетный некролог как современный публицистический жанр

Павел П. Никулин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, molokoeditor@gmail.com*

Аннотация. Автор анализирует некрологи в газете «Лимонка» как публицистические произведения. Материал исследования – некролог авторства Алены Полуниной «Партия Мертвых», появившийся в газете. Текст рассматривается как попытка глорификации Сухорады и переплетения мифа «Приморских партизан» с мифом запрещенной Национал-большевистской партии.

Ключевые слова: Андрей Сухорада, Алена Полунина, НБП, «Лимонка», «Приморские партизаны»

Для цитирования: Никулин П.П. Газетный некролог как современный публицистический жанр // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 47–51. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-47-51

Necrologue in the newspaper as a modern journalistic genre

Pavel P. Nikulin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, molokoeditor@gmail.com*

Abstract. The author analyzes necrologue in the newspaper “Limonka” as publicism. The material of the study is the necrologue “The Party of the Dead” by Alena Polunina, which appeared in the newspaper. The text is considered as an attempt to glorify Andrey Suhorada and connect the “Primorsky Partisans” myth with the myth of the banned National Bolsheviks Party.

Keywords: Andrey Sukhorada, Alyona Polunina, NBP, “Limonka”, “Primorsky Partisans”

For citation: Nikulin, P.P., “Necrologue in the newspaper as a modern journalistic genre”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 47-51. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-47-51

В качестве источника для анализа публицистической функции некрологов в современных СМИ мы рассматриваем 345-й номер газеты «Лимонка». Номер датирован июлем 2010 г. Официально это издание было запрещено и не распространялось уже восемь лет. Однако номер содержит логотип «Лимонки», сохранил нумерацию и традиционные для нее рубрики, что позволяет рассматривать издание как «Лимонку». Печатные номера распространялись не централизованно, любой желающий мог скачать готовую верстку издания и распечатать.

Текст опубликован в рубрике “Memento mori” под заголовком «Партия мертвых» – это традиционный заголовок, под которым сообщалось о смерти членов партии. Автор текста – Алёна Полунина – российский режиссер документального кино. Ее дебютной работой стал фильм «Да, смерть», который был посвящен запрещенной Национал-большевистской партии (НБП). В своем некрологе она рассказывает, что во время съемок фильма познакомилась с 16-летним Сухорадой, чье имени тогда даже не запомнила¹.

Сухорада погиб за месяц до выхода газеты, в июне 2010 г. Он был одним из участников банды «Приморских партизан»², которая получила всероссийскую известность после нападений на сотрудников милиции. На тот момент в СМИ практически не было информации о личности Сухорады.

Некролог – законченное повествование с очевидным и закрытым финалом, посвященное человеку, который умер, его жизни и деятельности [Ожегов 1968, с 394]. Соответственно, Полунина описала превращение нескладного подростка, бегущего от милиционеров, в партизана, который милиционеров убивает.

Автор не пытался приукрасить личность Сухорады. Она называет его «скиненок» (уменьшительно-ласкательная производная от слова «скинхед», которым часто называли неонацистов), описывает различные курьезы, которые происходили с ним. Однако Полунина предполагает, что затем в Приморье за шесть лет у Сухорады произошел некий личностный рост: «Тогда он мне казался совсем юным, детским созданием. Сейчас почему-то кажется старше»³.

Образ Сухорады в некрологе перекликается с воспоминаниями одного из членов НБП Алексея Сочнева. В своем тексте он пишет, что 16-летний подросток приехал в Москву вместе с 12-летней сестрой, Сухорада был обычным подростком и даже слушался младшую сестру: «Она явно своим братом (двоюродным, кстати) верхо-

¹ Полунина А. Партия мертвых // Лимонка. 2010. Авг.

² Фальковский И., Литой А. Боевые отряды против Путина. М.: Алгоритм, 2013.

³ Полунина А. Указ. соч. С. 1.

водила, он ее слушался, несмотря на разницу в возрасте»⁴. В столице Сухорада вступил в НБП. Мотивы поступка неясны. Возможно, они были идеологическими, а возможно, молодым людям просто нужен был ночлег – НБП тогда располагала большим помещением на Фрунзенской улице («бункер»). Сочнев пишет:

16-летний Андрей и его 12-летняя сестра приехали в Москву, заинтересовавшись политикой, они, как и многие подростки, были недовольны тем, что происходит в их регионе, а политической жизни ни у них в «деревне», ни во Владивостоке не было. Андрея в Москву потащила его сестра. Именно потащила, сам он не решался. В Москве они искали ННП и РНЕ (Народная национальная партия и Русское национальное единство, ультраправые организации. – *П. Н.*), о которых слышали у себя в городе. <...> Знакомых у Андрея и Марины в мегаполисе не было. Жить было негде. Пришлось ночевать по подъездам, грея друг друга и накрываясь шмотками, найденными на помойке. Однажды они наткнулись на нацболов, как это было точно, я уже забыл, но их привели в Бункер на Фрунзенской. До этого про НБП они никогда не слышали. Так Андрей Сухорада стал нацболом⁵.

Сухорада участвовал в акциях партии, попал в милицию. За ним и сестрой приехал их отец или отчим. Семья вернулась в Приморье. После возвращения Сухорада снова конфликтует с милицией, но на этот раз куда серьезней:

Милиционеры стреляли по ним из травматического оружия... сильно избили... Андрея... милиционеры и их друзья загрузили его в багажник, отвезли за речку, избили, забрали телефон и 50 рублей, раздели⁶.

Спустя два года после этого эпизода начинается недолгий криминальный путь «партизан».

На момент публикации некролога не были известны обстоятельства гибели Сухорады, который по официальной версии покончил с собой во время штурма квартиры «партизан» в Уссу-

⁴ Сочнев А. Как становятся партизанами: Андрей Сухорада начинал с уличных акций в Москве // «Свободная пресса» [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/26490/> (дата обращения 1 апр. 2019).

⁵ Там же.

⁶ Попова А. Менто-олигархи Кировского, или Почему пацаны стали «партизанами» // Арсеньевские вести. 2010. 22 июня.

рийске. Так, журналист Анастасия Попова в газете «Арсеньевские вести» пишет, что Андрей Сухорада и еще один его подельник убиты полицией⁷. Согласно Фальковскому, погибшие совершили самоубийство, которое их товарищи засняли на видео⁸. Но сформировавшийся миф о героической гибели «партизан» в бою с милиционерами продолжает существовать до сих пор.

После операции милиции в приморском поселке Кировском, откуда родом большинство «партизан», прошел митинг в их поддержку. В Приморье и других регионах появились прославляющие их граффити. Подобные свидетельства солидарности с группой убийц задавали необходимый контекст некрологу. Значительную роль в мифологизации играла удаленность Приморья от Москвы, в которой жили авторы текстов о Сухораде.

В 2010 г. репутация милиционеров, на которых будто бы охотятся «партизаны», была испорчена громким процессом о массовом убийстве, которое совершил майор милиции Денис Евсюков в супермаркете «Остров» в Москве. Уже как год шла реформа МВД, начатая из-за преступления Евсюкова, а приморские СМИ пестрят свидетельствами о пытках, которые совершали милиционеры. На этом информационном фоне «приморские партизаны» выглядели народными мстителями, противопоставленными «врагам»-милиционерам.

Использование слова «партизаны» («партизаны – члены народного вооруженного отряда, самостоятельно действующего в тылу врага, народные мстители»⁹) настолько романтизировало действия Сухорады и его соратников, что в администрации президента даже рекомендовали журналистам его не использовать, а употреблять исключительно слово «бандиты»¹⁰.

Кроме Полуниной и Сочнева покойного Сухораду ассоциировали с партией и другие нацболы. Например, писатель Захар Прилепин (и тогдашний член партии Эдуарда Лимонова) аккуратно упомянул в своем тексте принадлежность Сухорады к партии:

С одним из тех, кто покончил жизнь самоубийством на той квартире, у нас есть большое число общих знакомых, и какое-то время он имел

⁷ Там же.

⁸ *Фальковский И., Литой А.* Указ. соч. С. 187.

⁹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Около 53 000 слов. 7-е изд., стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 483.

¹⁰ Чтобы остановить героизацию «приморских партизан», в Кремле их рекомендовали называть исключительно «бандитами» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/russia/16jun2010/heroband.html> (дата обращения 1 апр. 2019).

отношение к партии, в которой я состою. С другой стороны, я работал шесть лет в правоохранительных органах, в том числе в спецподразделениях. И чью бы сторону я в данном случае ни принял, это будет только половина правды – правда моя собственная¹¹.

Об этом же ранее писал в «Живом Журнале» пресс-секретарь НБП Александр Аверин:

Я его помню. В Бункер НБП он приехал 16-летним пацаном вместе с двенадцатилетней сестрой. При штурме Бункера его с сестрой захватили силовики. Он успел поучаствовать в захвате офиса Единой России. Парень простой, но настоящий. Вот он на фото. RIP¹².

Важно отметить, что нам не удалось найти ни одного текста 2004 г. (в тот год Сухорада вступил в НБП), написанного нацболами о Сухораде или текстов самого Сухорады. Это делает его удобной фигурой для мифологизации. А сразу после его гибели появляется масса публикаций о Сухораде и остальных «партизанах». (Видео «Последнее интервью “Приморских партизан”», на котором они сами объясняют мотивы своих поступков, было опубликовано позднее, в октябре 2010 г.)

Суммируя вышесказанное, мы считаем, что некролог в рубрике «Партия мертвых» функционировал как публицистический текст и должен был закрепить эксклюзивные права партии Лимонова на миф о Сухораде, указать на одобрение партией его действий, служить очередным напоминанием о негативном отношении партии к сотрудникам правоохранительных органов и конструировать нравоучительный текст для читателей-нацболов.

Информация об авторе

Павел П. Никулин, магистр, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; molokoeditor@gmail.com

Information about the author

Pavel P. Nikulin, master, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; molokoeditor@gmail.com

¹¹ Интервью с одним вопросом // Новая газета. 2010. 21 июня.

¹² *Аверин А.* Андрей Сухорада: Приморский партизан был нацболом: RIP // Живой журнал Александра Аверина. 2010. 28 июня.

УДК 791:070

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-52-61

50-летие Октября в советском кино:
на материале рецензий на фильм Е. Карелова
«Служили два товарища»

Евгения В. Бродская

*Российский государственный гуманитарный университет,
eugenia.brodskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается рецепция фильма Е. Карелова «Служили два товарища», снятого по сценарию Ю. Дунского и В. Фрида. Фильм снят к юбилею – 50-летию Октябрьской революции. Проанализированы рецензии, вышедшие после выхода фильма. В статье показано, как меняется героический дискурс восприятия революционных событий. В том, как в фильме изображена революция, стерта жесткая оппозиция «свой–чужой». Акценты расставлены таким образом, чтобы сформулировать новую идею национального единства, для чего удачно выбрана годовщина Октябрьской революции.

Ключевые слова: власть, советское кино, советская журналистика, советская пресса, социум, В.С. Высоцкий, Р.А. Быков, О.И. Янковский

Для цитирования: Бродская Е.В. 50-летие Октября в советском кино: на материале рецензий на фильм Е. Карелова «Служили два товарища» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 52–61. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-52-61

50th anniversary of the October Revolution
in Soviet cinema.
Based on the material of reviews of the movie
by E. Karelov “Two Comrades Served”

Evgeniya V. Brodskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, eugenia.brodskaya@gmail.com*

Abstract. The article focuses on reception of the movie *Two Comrades Served* directed by Evgeny Karelov with a script by Yuli Dunskey and Valery Frid. The movie was shot towards the 50 anniversary of the October Revolution.

© Бродская Е.В., 2019

The article analyses reviews issued after the release of the film. The article shows how the heroic discourse of the perception of revolutionary events is changing. The way the film depicts the revolution erased the strict opposition “us–them”. The emphasis is placed in such a way as to formulate a new idea of national unity, for which the anniversary of the October Revolution was successfully chosen.

Keywords: power, Soviet cinema, Soviet journalism, Sovietpress, society, Vladimir Vysotsky, Rolan Bykov, Oleg Yankovsky

For citation: Brodskaya, E.V. (2019), 50th anniversary of the October Revolution in Soviet cinema. Based on the material of reviews of the movie by E. Karelov “Two Comrades Served”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 52–61. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-52-61

Фильм Е. Карелова «Служили два товарища», снятый по сценарию Ю. Дунского и В. Фрида, был создан, как и многие другие ленты, вышедшие на рубеже 1960–1970 гг., к круглой дате – 50-летию Октябрьской революции.

В советской культурной парадигме юбилеи такого рода, да и вообще все «круглые» цифры, окутаны ореолом сакральности. 50-летие Октября советская власть отмечала с размахом, почти каждый номер той или иной газеты или журнала был посвящен революционной теме. Еще 4 января 1967 г. появляется Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», где центральным органам советской печати, таким как «Правда» и «Известия», было предписано освещать подготовку к торжеству¹. Не осталось в стороне и кино: к юбилею было создано внушительное количество фильмов. Страна готовилась отмечать праздник во всеоружии.

Поэтому неудивительно появление столь большого количества кинолент на революционную тему. Иные из них легли «на полку», как, например, произошло с фильмом Г. Полоки «Интервенция» или с «Комиссаром» А. Аскольдова, которые оставались в забвении долгое время (впервые они были показаны на широких экранах в 1987 г., что также символично – тогда советскую культуру «отряхнули от пыли» и фактически достали из запасников).

Другие, напротив, вышли в прокат, как «Служили два товарища». Премьера состоялась 21 октября 1967 г., о чем публику известила «Вечерняя Москва»²: «На экранах Москвы демонстрируется

¹ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» // Ленинец. 1967. 10 янв.

² Вечерняя Москва. 1968. 22 окт.

новый широкоэкранный художественный фильм» – далее следовало перечисление съемочной группы и актеров. Фильм вышел практически «в аккурат» к юбилейной годовщине Октября.

Однако прежде чем анализировать киноленту Е. Карелова, стоит отметить, что интеллигенция времен 60-х гг. воспринимала революцию как событие, которое произошло когда-то давно, обросло большим количеством легенд, и поэтому неудивительно, что понятие революции было окутано для нее ореолом романтики. Уже в 60-е гг. власть законсервировалась в определенном состоянии, и часть людей, которая желала «социализма с человеческим лицом», осознала, что это невозможно. Вероятно, такое расхождение было обусловлено тем, что власть представляла собой достаточно устойчивую структуру с жестким набором правил, тогда как поколение 60-х, наоборот, отбрасывало старые правила, а новые еще не выработало. Это поколение – так называемые дети XX съезда, для которых произошло «обнуление истории»: возвращение к «ленинским нормам законности» отбросило их сознание к началу советской эпохи, истоку ее в 1917 г. Им предложили настоящее и будущее из чужих воспоминаний о революции, ценностями которой они были индоктринированы, но этой революции в их опыте не было и быть не могло. С этой точки зрения «оттепель» и 1960-е годы – это проект мифологизации общества [Бродская 2015, с. 225].

Вокруг круглой даты 50-летия Октября формируется романтический образ революции, который и был представлен на экранах с большим размахом.

В чем же специфика киноленты Карелова? Сюжет картины следующий: осень 1920 г., Красная армия готовится взять Крым, где расположились остатки армии белых. На этом фоне разворачивается история главных героев фильма – Некрасова (О. Янковский) и Карякина (Р. Быков). Фотограф Некрасов по приказу командира становится кинооператором и должен снимать с воздуха укрепление врага. Карякин приставлен к Некрасову охранять и снаряжение, и своего соратника. Наряду с этим показаны боевые будни не только красных, но и белых, с обязательным столкновением в финале. История белых начинается с того, что поручик Брусенцов (его играет В. Высоцкий) спросонья убивает своего же боевого товарища, поскольку тот неудачно пошутил (вошел в номер Брусенцова, когда тот спал, с пистолетом-зажигалкой и крикнул: «Руки вверх!»), за что и получил две пули).

Карякин и Некрасов проходят через все перипетии сюжета, их чуть не расстреливают свои же красные. Карякин возмущается: «Что ж такое, опять расстреливать!» В итоге Некрасова убивает поручик Брусенцов, но и сам стреляется, когда белые отплывают на пароходе из России.

В финале фильма показывают кадры хроники, запечатлевшие Красную армию, которые были сняты Некрасовым, как если бы он был историческим лицом.

По ходу действия герой Быкова все время подозревает Некрасова в предательстве и неверности делу революции. Стоит Некрасову ошибиться, как тут же Карякин обвиняет его в контрреволюционности. Но затем тут же предлагает «дружиться обратно».

Это война всех против всех. Не существует хороших и плохих. И красные и белые – все друг друга подозревают и готовы убить при любом удобном случае. Одна из героинь со стороны белых, Саша (ее играет Ия Саввина), замечает, что эта война превратила людей в зверей. Нечто похожее потом будет показано в фильме А. Алова и В. Наумова «Бег», где будет наблюдаться такая же размытость границ между своими и чужими. Но это будет уже в 1970-е гг.

Пока же интересно проследить, какие акценты присутствуют в фильме Карелова и почему мы можем предполагать, что 1967-й стал отправной точкой для переосмысления революционного героического дискурса.

Кино получило в прессе сдержанно-положительную оценку. В рецензиях самых известных советских журналов «Советский экран» и «Искусство кино» подчеркивается героический пафос ленты. Например, в журнале «Советский экран» напечатан достаточно большой обзор фильма М. Зака «Эпохи и лица», где он замечает:

Соединение в картине героики, быта и трагизма нельзя принять за самоцель, это скорее образный материал произведения. А вслед за материалом расчетливо выбран герой – боец, волею случая ставший фронтовым кинооператором, обязанным запечатлеть на пленку события гражданской войны для будущих поколений³.

Ему вторит Т. Хлопьянкина:

Сейчас создается много фильмов о гражданской войне. Каждый из них, как принято говорить, стремится «воспроизвести на экране события прошлого», и поэтому работа над ними, наверное, начинается одинаково. Изучаются документы. Разыскиваются очевидцы. Достают в музеях старые пушки и оружие. Делается все, чтобы как можно точнее передать облик времени⁴.

³ *Зак М.* Эпоха и лица // Искусство кино. 1967. № 11. С. 19–23.

⁴ *Хлопьянкина Т.* «На той далекой, на гражданской...» // Советский экран. 1968. № 22. С. 4–5.

Замечу, что авторы рецензий акцентируют внимание читателя на том, что главные герои Некрасов и Карякин – люди из разных социальных слоев. Один – из поповичей (еще больше оснований считать Некрасова неблагонадежным, хотя он и демонстрирует верность революционным идеалам), другой, что называется, – «от сохи»:

У Некрасова было неважно с происхождением: вышел он из поповичей, но в Красную армию вступил добровольно и служил старательно. Это был высокий светловолосый парень – интеллигентный, мягкий, полный спокойной доброжелательности к людям. Таким он описан в сценарии. Таким его и сыграл молодой актер О. Янковский. С Карякиным вышло сложнее. Он нетерпим, подозрителен, скор на расправу⁵.

Рецензии, однако, построены таким образом, чтобы показать, что перед лицом величественного революционного деяния социальные различия отходят на второй план:

В эти несколько последних минут мы как бы заново переживаем все то, о чем нам поведал фильм. Мы вспомним Некрасова, в роли которого выступил молодой артист Янковский, и его резкого, вспыльчивого друга Карякина, сыгранного Р. Быковым. Мы вспомним как они спорили, дружили, мечтали о будущем и как один из них дождался победы, а другой погиб, оставив после себя несколько кадров хроники⁶.

Белое движение выступает здесь как некий враг, с которым борются красные. Но враг этот очеловечен. Достаточно вспомнить, что поручика Брусенцова играет В. Высоцкий, который уже своим личным обаянием делает эту фигуру заметной. Высоцкий к тому времени уже снялся в «Вертикали» С. Говорухина и Б. Дурова, его песни разошлись тысячными тиражами по всей стране, так что Высоцкий стал узнаваемой фигурой [Бродская 2011, с. 14]. Тем более «Вертикаль» – типично «оттепельное» кино с романтикой альпинизма и эскапизма «лучше гор могут быть только горы», поэтому, выбрав подобного артиста, режиссер уже как бы приглашал зрителя к тому, чтобы видеть во враге достойного человека. К тому же, по странному стечению обстоятельств, почти в то же время В. Высоцкий снимается у Г. Полоки в кинокартине «Величие и падение дома Ксидиас», которое позднее было переименовано

⁵ Там же. С. 4–5.

⁶ Внимание, новые фильмы! // Советская культура. 1968. 5 окт.

в «Интервенцию» и не выпущено на экраны. Там Высоцкий играет большевика Бродского – казалось бы, прямо противоположная роль. Но с тем же пафосом: исполнение долга.

Фабула фильма «Служили два товарища» принципиально отличается от популярного приключенческого фильма Э. Кеосаяна «Новые приключения Неуловимых» (1968), где белое движение предстает в утрированно отрицательном виде. А вот революционно настроенные товарищи – положительный пример. Причем фильм выстроен таким образом, что фактически зритель имеет дело не с борьбой красных против белых, а с борьбой «хороших» против «плохих» [Фельдман 2006]. Но «Новые приключения Неуловимых» сделаны для подрастающего поколения – своего рода «истерн» в пике западным «вестернам». А. Караганов в статье «Героика подвига, характер воина» пишет так:

Среди последних фильмов о гражданской войне наибольший зрительский успех выпал на долю поставленных Э. Кеосаяном «Неуловимых мстителей» и «Новых приключений неуловимых». И это понятно. Э. Кеосаяну и сотрудничавшим с ним актерам удалось найти путь к юношескому сердцу. Стоит только побывать в зрительном зале и посмотреть, как юные зрители следят за экранным действием. Чтобы почувствовать: романтика подвига воссоздается в фильме с такой увлекающей силой, что современные зрители, наши нынешние ребята, воспринимают фильм с таким же волнением, так же горячо, как дети и юноши двадцатых годов воспринимали «Красных дьяволят» И. Перестиани, посвященных, по сути, тем же героям⁷.

Премьера этого фильма состоялась 4 ноября 1968 г. В «Новых приключениях» революция побеждает потому, что она лучше, чем не-революция. Но это ее единственное преимущество. Теперь, к годовщине Октября, общество будто бы приглашают видеть во врагах и хорошее, и плохое. Враг становится очеловеченным. Брусенцов – не просто поручик, но кадровый офицер, который исполняет свой долг. И по долгу службы он убивает в финале Некрасова, по его выражению, «чтобы пуля не пропала».

Например, М. Зак отмечает:

Вторичен и литературен сам тон рассказа о русских людях, обманутых «белой идеей». Они оказались совсем «по ту сторону» основного действия. Роль поручика Брусенцова (ее очень традиционно

⁷ Караганов А. Героика подвига, характер воина // Искусство кино. 1969. № 31. С. 41–50.

играет актер В. Высоцкий) держится на трех выстрелах: сначала он убивает пьяного мальчишку-прапорщика, который ворвался к нему в номер с криком «Руки вверх!», затем из винтовки с оптическим прицелом стреляет в Некрасова – и этот выстрел ставит точку в их сюжетном противостоянии, наконец, на борту парохода, увозящего врангелевцев в эмиграцию, он стреляет в себя⁸.

С другой стороны, можно наблюдать в рецензиях достаточно странное «замалчивание» роли белых в этом фильме. Практически ни в одной статье не встречается упоминаний о Брусенцове – за исключением статьи М. Зака, цитата из которой приведена выше, да еще одной фразы в статье М. Сулькиной из «Вечерней Москвы».

Все статьи – одна за другой – заканчиваются практически неизменно: как заклинание каждый из авторов считает нужным упомянуть кадры кинохроники, которыми закачивается фильм. Подобная кинорефлексия объяснима: читателя косвенно отсылают, по-видимому, к опытам 1920-х гг. вроде «Человека с кино-аппаратом. Будни оператора» Дзиги Вертова, который фиксирует происходящие события, потом превращающиеся в хронику. Оператор не оценивает то, что снимает, он просто делает свое дело. Также поступает и Некрасов:

Картина «Служили два товарища» заканчивается старой кинохроникой. И это прекрасный конец. Авторы словно бы возвращают своего погибшего героя в строй, в те колонны солдат, которые в памятное утро 7 ноября 1920 года праздновали третью годовщину революции, еще не зная, что им суждено взять Перекоп, что о них сложат песни, напишут книги, снимут фильмы. Многие из них погибли во время штурма, умрет и Некрасов, но все они оживут в этой пленке, уже не подвластные времени, как не подвластна ему человеческая память и дела, остающиеся после людей⁹.

М. Сулькин солидарен с Хлопьянкиной:

Фильм, если рассматривать его узкотематически, вполне может квалифицироваться как эпическое произведение, масштабное и широкое полотно об освобождении Крыма. И в то же время авторы картины смогли органически вписать в эти события исторического значения судьбы двух рядовых участников, да так талантливо, что мы видим эти события как бы глазами кинокамеры, но не сегод-

⁸ *Зак М.* Указ. соч. 1967. № XI. С. 19–23.

⁹ *Хлопьянкина Т.* Указ. соч.

няшной, операторов М. Ардабьевского и В. Белокопытова, а той, старой, трещащей и жужжащей «Дебри», что была в руках чуть грустноватого застенчивого Андрея Некрасова, убитого в последние часы битвы¹⁰.

Интересным образом подобная съемка пересекается с «Зеркалом» А. Тарковского, где оператор, снимая уходящих в бой, знает, что никто из них не вернется, – не вернется и сам оператор, но продолжает снимать.

Героический дискурс меняется. Отныне это не просто преодоление трудностей тяжелой войны, а переоценка ее характера. Достаточно вспомнить эпизод с Брусенцовым, который убивает своего же товарища, о чем было упомянуто выше. Здесь, казалось бы, уместен такой вариант развития событий. Дескать, один из врагов революции теряет человеческий облик, превращаясь в зверя, который готов перегрызть горло каждому, в чем и упрекает Брусенцова Саша. Но тут же встречается несколько эпизодов, где точно так же брат идет на брата – только с другой стороны барьера, со стороны красных. Карякин, товарищ Некрасова по оружию, все время подозревает того в предательстве из-за подозрительного происхождения, а красные принижают их обоих за шпионов, которых необходимо устранить.

В данном контексте 50-летие Октября начинает восприниматься в качестве одного из способов моделирования национального единства: зрителю предлагается аккумулировать опыт произошедших революционных событий. Акценты расставлены соответственно.

Есть хорошие революционеры, которые исполняют свой долг. Есть белые офицеры, которые исполняют свой долг. И нет виноватых. Белые офицеры даже гибнут красиво: преследуемые красными, они медленно заходят в море и погибают. Или – эпизод с самоубийством Брусенцова. Красные же побеждают, потому что иначе быть не может. Больше не существует жесткого деления: «хороший–плохой» и в фильме расставлены соответствующие этому видению акценты. Есть один народ, который преодолел страшные годы Гражданской войны. Есть усвоенный опыт. Есть попытка сформулировать новую идею.

Некоторые критики «ловят» этот момент:

Р. Быков несколько «переигрывает», местами излишне заостряет тему подозрительности, подчеркивая прямолинейность мышления своего героя, которая затрудняет взаимоотношения между

¹⁰ *Сулъкин М.* «Служили два товарища» // Вечерняя Москва. 1968. 30 окт.

людьми. В этих заострениях ощутима проекция современных раздумий, рожденных борьбой против подмены бдительности подозрительностью, искажающей отношения между людьми, шагающими в одном строю. Возникает полемическая тенденциозность, нарушающая принципы историзма¹¹.

Эта цитата приведена не случайно. А. Караганов подчеркивает, что раз революция – дело правое, то не стоит сомневаться в методах достижения цели. Он даже прямо указывает: не «подозрительность», а «бдительность». Не может быть у большевика отрицательных черт характера.

Таким образом, правомерно заключить, что 1967 год – смена оценки революционных событий 1917 г., преподнесенная с помощью киноязыка. Не будем забывать и о том, что «важнейшим из искусств является кино», поэтому его значительное влияние на формирование героического дискурса в советском социуме очевидно.

Литература

- Бродская 2011 – *Бродская Е.В.* Рецепция творчества В.С. Высоцкого в советской прессе 1960-х – 1980-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Бродская 2015 – *Бродская Е.В.* Советская «Интервенция» Г.И. Полоки как опыт маргинализации // Любовь и прочие маргиналии. Интерпретация культурных кодов: 2015 / Сост. и общ. ред. В.Ю. Михайлина и В.С. Решетниковой. Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2015. С. 224–241.
- Фельдман 2006 – *Фельдман Д.М.* Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 5–25. URL: <http://voplit.ru/eText/2006/2006-4/2006-4/2006-4.html#7> (дата обращения 11 апр. 2019).

References

- Brodskaya, E.V. (2011), Reception of V.S. Vysotsky's legacy in the Soviet press of the 1960s – 1980s, Abstract of Ph.D. dissertation, Journalism, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Brodskaya, E.V. (2015), "Soviet "Intervention" by G.I. Poloki as an experience of marginalization", *L'ubov' i prochie marginalia. Interpretatsiya kul'turnykh kodov: 2015* [Love and other marginalias. Interpretation of culture codes: 2015], in Mikhaylina, V.Yu. and Reshetnikova, V.S. (ed.), "Liska" publishing house, Saratov; St. Petersburg, Russia, pp. 224-241.

¹¹ *Караганов А.* Героика подвига, характер воина // Искусство кино. 1969. № 31. С. 41–50.

Feldman, D.M. (2006), "Krasnye belye: sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste" [The red white: Soviet political terms in the historical and cultural context], *Voprosy literatury*, no. 4, pp. 5-25, [Internet], available at: <http://voplit.ru/eText/2006/2006-4/2006-4/2006-4.html#7> (Accessed 11 April 2019).

Информация об авторе

Евгения В. Бродская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; 4erda4ok@gmail.com

Information about the author

Eugeniya V. Brodskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; 4erda4ok@gmail.com

Проблемы теории журналистики

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-62-69

VR-компетенции в системе профессиональной деятельности журналиста

Наталья Я. Макарова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rsuh.makarova@gmail.com*

Аннотация. Журналистика виртуальной реальности получает широкое распространение в мировой медиаиндустрии. В статье предпринята попытка проанализировать, какие компетенции журналиста актуализируются благодаря этой технологии, с какими трудностями и проблемами сталкиваются медиаспециалисты в ходе подготовки VR-видео. При создании иммерсивного контента приоритетное значение приобретают компетенции, связанные с разработкой сценария, съемками камерами 360°, производством 3D-графики и режиссурой проектов с использованием технологии VR.

Ключевые слова: журналистика виртуальной реальности, профессиональные компетенции журналиста, иммерсивная журналистика

Для цитирования: Макарова Н.Я. VR-компетенции в системе профессиональной деятельности журналиста // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 62–69. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-62-69

VR-competences in system of professional activity of journalist

Natalia Ya. Makarova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, rsuh.makarova@gmail.com*

Abstract. Virtual reality journalism gets widespread in the global media industry. The article attempts to analyze what are the journalist competences being actionable with that technology, what are the difficulties and issues faced

© Макарова Н.Я., 2019

by the experts during the preparation of the VR video. In preparation for the immersive content the priority is taken by the competence associated with script development, filming with 360° cameras, the production of 3D graphics and directing projects using VR technology.

Keywords: virtual reality journalism, professional competences of journalists, immersive journalism

For citation: Makarova, N.Y. (2019), “VR-competences in system of professional activity of journalist”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 62-69. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-62-69

VR-технологии (от virtual reality – виртуальная реальность) быстро интегрировались в современное медиапространство. Сегодня данная технология находится на пороге массового внедрения в журналистику. Виртуальная реальность способна создать намного более прочную связь между аудиторией и контентом, чем любой другой тип и формат СМИ.

Существующие научные исследования демонстрируют, что журналистика виртуальной реальности на данный момент адаптирована как для тематических и информационных репортажей, так и для документальных фильмов и сюжетов. Вице-президент отдела премиального видеоконтента CNN Джейсон Фаркас в своих интервью часто говорит о том, что технология виртуальной реальности открывает новую главу в истории телевизионной журналистики, позволяя СМИ и репортерам передавать своей аудитории не только факты, но и чувства [Farrel 2017]. Главным новшеством журналистики виртуальной реальности Фаркас называет «возможность стать настоящим свидетелем» события [Farrel 2017]. Для журналистов сочетание съемки иммерсивного видео и его распространения с помощью мобильных VR-приложений или плееров становится одним из ключевых инструментов в их профессиональной деятельности.

Журналистика виртуальной реальности возникла благодаря двум технологическим достижениям: камерам, которые могут записывать сцены в 360-градусном режиме (стереоскопическое видео), и наушникам нового поколения. Последние технологические достижения в области съемки 3D-видео и видео-360°, программного обеспечения и технологий передачи изображения привели к появлению нового формата потребления информации. Для создания проекта с помощью виртуальной реальности журналисту необходимы два основных компонента. Во-первых, он должен уметь воссоздавать виртуальный мир. Это может быть сделано либо

с помощью видеозаписи реальной сцены, либо путем создания виртуальной среды с помощью специального программного обеспечения (CGI). Во-вторых, необходимо устройство, с помощью которого аудитория сможет погрузиться в эту виртуальную среду, – очки виртуальной реальности и смартфон.

Если говорить о первых экспериментах в журналистике виртуальной реальности, то для демонстрации проектов использовались громоздкие гарнитуры и виртуальные пещеры видеоигр. Но за последние пять лет возникла целая система компаний, экспериментирующих как с контентом, так и со способами распространения данного контента в формате виртуальной реальности. «Ренессанс» в виртуальной реальности произошел благодаря появлению гарнитуры Oculus Rift. Разработанная Палмером Лаки, который был не удовлетворен состоянием существовавших на тот момент устройств для перемещения в виртуальную реальность, гарнитура Oculus была впервые запущена с помощью популярной платформы Kickstarter в 2012 г. Менее чем через два года Facebook купила компанию за 2 миллиарда долларов [Aronson-Rath et al.]. С того момента появилось множество других гарнитур, и виртуальная реальность быстро стала новой «золотой лихорадкой» сначала для Силиконовой долины, а затем и для многих компаний по всему миру.

Наряду с быстрым развитием устройств для создания и демонстрации виртуальной реальности развивался и сам контент для этих устройств. Сначала его развивали программисты. Лидеры индустрии видеоигр стали основными разработчиками контента для подобных устройств. Однако журналисты осознали, что новые технологии съемки способны обеспечить показ тех событий, которые до этого демонстрировались с помощью обычной видеочкамеры. Новые камеры-360° стали размещать на спортивных мероприятиях, музыкальных концертах и даже на вертолетах и беспилотниках. Например, в 2014 г. в рамках ребрендинга телеканала «360» его создатели акцентировали внимание на наличии у канала вертолета, на котором закреплена подобная камера.

В то время как 360-градусные камеры существуют уже много лет, системы нового поколения стереоскопичны, что позволило увеличить восприятие глубины пространства. Это дополнительное измерение, наряду с пространственным и временным разрешением современных дисплеев гарнитуры VR, может приблизить пользователей к тому, что исследователи журналистики виртуальной реальности называют «присутствием» или ощущением «погружения» [Pena et al. 2010]. Новые камеры, обеспечивающие подачу контента в новой «нереальной» среде, открывают для журналистов огромную возможность именно погрузить аудиторию в свои мате-

риалы, а пользователям – по-новому взглянуть на журналистику. Виртуальная реальность дает пользователям больший контроль над тем, на что они обращают внимание во время просмотра телевизионного репортажа. VR-среда поддерживает интерактивные элементы, благодаря чему у аудитории есть новое (хотя все еще ограниченное) пространство для восприятия истории.

Подобный подход меняет не только методику создания журналистского произведения, но и место журналиста в нем. Например, VR-журналистика предполагает практически полный отказ от журналистского стенд-апа, изменяется последовательность использования структурных элементов репортажа, доминирующее значение приобретают лайф, интершум, музыка. Специалисты Googlelab отмечают, что сторителлинг (стандарт подачи информации с обязательным использованием современных визуальных средств: инфографики, фото, видео и т. д. [Google News Lab 2017]) в аспекте журналистики виртуальной реальности трансформируется в сториливинг – возможность для зрителя переживать событие, перемещаться в том пространстве, в котором оно происходит, и чувствовать контроль над событием [Pena et al. 2010]. Например, человек может смотреть на город с высоты, в образе птицы, перемещаясь, будто в полете, в пространстве. После просмотра видео в формате виртуальной реальности сохраняется «вовлеченность» в событие: даже физически человек может повторять те движения, которые он совершал при просмотре видео.

Виртуальная реальность также меняет то, как аудитория взаимодействует с самим медиа. Эта технология переносит зрителя в историю/сюжет незаметно для его сознания и дает возможность пережить событие, узнать не из первых уст, на основе собственного опыта. Это очень важный психологический аспект VR, который исследователям придется всесторонне изучить.

В концептуальном плане журналистика виртуальной реальности предлагает новое пространство, с помощью которого можно изучать отношения между потребителями СМИ и их представлениями о предметах, явлениях, освещаемых в медиа. В то время как газеты, радио, телевидение и социальные сети приблизили нас к тому, чтобы погрузиться в чужой опыт, виртуальная реальность пошла дальше. Основной вопрос заключается в том, может ли виртуальная реальность вызывать «сочувствия и сострадания» к виртуальному опыту, сходные с действительными чувствами. Виртуальная реальность может создавать ощущение «социального присутствия» – ощущение, что зритель действительно «там», которое может породить гораздо большую эмпатию, чем в традиционных СМИ. Исследователи из Колумбийского университета называют этот опыт «совместным присутствием» и изучают,

как можно его использовать для преодоления дистанции между теми, чьи права нарушаются, и теми, кто может им помочь [The Question 2016].

Создаваемый виртуальной журналистикой эффект присутствия, который может породить эмоциональную связь с историей и местом, также дает участникам большее понимание истории, когда они видят различные пространственные элементы, рассказывающие и передающие эмоции от того места, которое воссоздано в виртуальной реальности.

При создании сюжетов в формате журналистики виртуальной реальности журналисты должны адаптировать свои знания о традиционных способах создания работ для СМИ к требованиям виртуальной среды. Виртуальная реальность представляет собой новую повествовательную форму, для которой технические и стилистические нормы еще только формируются.

Авторы отчета из центра Tow пришли к выводу, что некоторые фундаментальные компоненты повествования остаются чрезвычайно важными для документального повествования, будь то в традиционных СМИ или VR [The Question 2016]. Это прежде всего герои, действия, эмоции, локации и причинно-следственная связь. Все эти элементы должны присутствовать и восприниматься аудиторией, чтобы контент был верифицированным и суггестивным. Журналисты должны управлять вниманием аудитории и дозированно раскрывать элементы повествования, чтобы зрители не думали, что знают недостаточно для адекватного понимания сюжета.

VR вносит существенные изменения и создает некоторые проблемы, связанные с технологией создания журналистского произведения и ролью журналиста в нем. Так, например, режиссеры не могут быстро переключать ракурсы съемки (основной метод формирования восприятия аудитории в традиционном видео) без серьезной дезориентации зрителей. Видеооператор не имеет возможности использовать панорамную съемку и увеличивать фокус камеры, так как будет видно световое оборудование, используемое для освещения пространства или помещения. Несмотря на то что журналистика виртуальной реальности предполагает динамичный, а не линейный сторителлинг или сториливлинг, зрителям кажется, что действие происходит согласно линейной структуре контента. Зрители «переживают» первую сцену, которая предоставляет некоторую информацию; следующая сцена предоставляет информацию, основанную на предыдущей сцене, и т. д. на протяжении всего сюжета. Это всегда сознательное, преднамеренное решение продюсеров, в первую очередь чтобы зрители понимали, что сюжет соответствует теме. Журналисты, создающие материалы

для виртуальной реальности, должны понимать, что роль сторителлинга в этой среде останется самой главной.

Вместе с тем велик соблазн использовать возможности VR-технологий в полном объеме, что может нанести ущерб зрительскому восприятию: за обилием спецэффектов сложнее понять суть сюжета. В контексте VR есть две стратегии для создания повествования. Во-первых, действие должно происходить перед «объемной» камерой. Во-вторых, имитация иммерсивного видео должна поддерживаться дополнительными элементами, такими как компьютерная графика или дополнительные слои видео. Каждый этап создания сюжета в формате VR очень дорогостоящий. Высокая стоимость камер, несовершенное программное обеспечение – главные препятствия на пути распространения VR-технологий. Нельзя забывать, что весь процесс от съемки до просмотра требует наличия широкого круга компетентных специалистов, которых не так много в современной медиаиндустрии. Члены такого творческого коллектива должны обладать навыками разработки программного обеспечения, видеографики, телевизионного производства, режиссуры, создания 3D-графики движения, управления проектами и маркетинга. Многие из этих навыков освоены лишь узким числом профессионалов, поэтому нем смысла ожидать, что один человек выполнит все эти задачи на высоком уровне.

Эта производственная модель контрастирует с современной конвергентной редакцией, не говоря уже о традиционной. Такой коллектив объединяет разноплановых специалистов, следовательно, ни о какой универсализации не может идти речи. Обязательно в VR-команде должны быть технически грамотные продюсер, журналист, режиссер и оператор. Высокие темпы внедрения VR-технологий в СМИ дают право надеяться, что многие журналисты или небольшие команды будут обладать всеми необходимыми навыками для создания проектов в формате виртуальной реальности от начала и до конца. Может появиться алгоритм, на основе которого журналистский коллектив будет иметь возможность оперативно осуществлять свою работу. Например, режиссеры знают, что им понадобятся для производства сюжета крупные и средние планы, широкие панорамы, синхроны, развороты и как можно больше действий. Пока не появится алгоритм производства VR-видео, СМИ потребуется специальный персонал для работы с данной технологией.

По мере развития технологии производства, создания и распространения виртуальной реальности журналистская отрасль должна понимать и формулировать свои требования и быть готовой действовать, если окажется, что эти потребности не будут удовлетворены. Для одних журналистов виртуальная реальность представ-

ляется интересным полем для экспериментов, и вот уже несколько лет создаются все новые проекты в формате виртуальной реальности. Другим журналистам, менее заинтересованным в современных технологиях, возможно, также придется создавать контент для среды VR, чтобы просто соответствовать ожиданиям аудитории.

Поколения, которые выросли с мультимедийными приложениями на интерактивных платформах, уже в полной мере готовы к восприятию информации посредством VR. Согласно исследованию Pew Research, базовая аудитория новостей и документальных фильмов на телевидении – люди пожилого возраста, тогда как более 70% подростков в США играют в видеоигры [The Question 2016]. Аналогичная ситуация сложилась и с российским медиапотреблением. Pew Research отмечает, что молодые зрители активно используют интерактивные, визуальные медиа, такие как Snapchat и Instagram (правда, гораздо менее громоздкие платформы, чем гарнитуры VR) [The Question 2016]. Новый метод сторителлинга – сториливинг – с помощью виртуальной реальности должен привлечь молодую аудиторию, и эти ожидания медиаиндустрии вполне закономерны и оправданы. Индустрия виртуальной реальности оперативно внедряет новейшие технологии, которые могут быстро сократить расходы, предоставить авторам новые возможности и привлечь широкий круг пользователей.

Литература

- Aronson-Rath – Aronson-Rath R., Milward J., Owen T., Pitt F. “Virtual reality journalism / A research project by the Tow centre for digital journalism at Columbia University” // Towcentre. [Электронный ресурс]. URL: <https://towcenter.gitbooks.io/virtual-reality-journalism/content/> (дата обращения 19 апр. 2019).
- Farrel 2017 – Farrel M. VR 20/20 2017: CNN’s Farkas says VR is a natural for news. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multichannel.com/news/finance/vr-2020-2017-cnn-s-farkas-says-vr-natural-news/415982> (дата обращения 3 апр. 2019).
- Google News Lab 2017 – Google News Lab. Storyliving: an ethnographic study of how audiences experience VR and what that means for journalists [Электронный ресурс]. URL: <https://newslab.withgoogle.com/assets/docs/storyliving-a-study-of-vr-in-journalism.pdf> (дата обращения 15 апр. 2019).
- Pena 2010 – De la Peña, N., Weil, P., Llobera, J., Giannopoulos, E., Pomés, A., Spanlang, B., and Slater, M. (2010). “Immersive journalism: immersive virtual reality for the first-person experience of news”. *Presence: Teleoperators and virtual environments*, 19(4), pp. 291-301.
- The Question 2016 – The Question: Что такое digital storytelling // The Question [Электронный ресурс]. URL: <https://thequestion.ru/questions/186366/chto-takoe-digital-storytelling> (дата обращения 3 апр. 2019).

References

- Aronson-Rath, R., Milward, J., Owen, T. and Pitt, F., "Virtual reality journalism". A research project by the Tow centre for digital journalism at Columbia University" // Towcentre., available at: <https://towcenter.gitbooks.io/virtual-reality-journalism/content/> (Accessed 19 April 2019).
- Farrel, M. (2017), "VR 20/20 2017: CNN's Farkas says VR is a natural for news", available at: <http://www.multichannel.com/news/finance/vr-2020-2017-cnn-s-farkas-says-vr-natural-news/415982> (Accessed 3 April 2019).
- Google News Lab (2017) "Storyliving: an ethnographic study of how audiences experience VR and what that means for journalists", available at: <https://newslab.withgoogle.com/assets/docs/storyliving-a-study-of-vr-in-journalism.pdf> (Accessed 15 April 2019).
- De la Peña, N., Weil, P., Llobera, J., Giannopoulos, E., Pomés, A., Spanlang, B., and Slater, M. (2010). "Immersive journalism: immersive virtual reality for the first-person experience of news". *Presence: Teleoperators and virtual environments*, 19 (4), pp. 291-301
- The Question (2016), "What is digital storytelling", available at: <https://thequestion.ru/questions/186366/chto-takoe-digital-storytelling> (Accessed 3 April 2019).

Информация об авторе

Наталья Я. Макарова, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; rsuh.makarova@gmail.com

Information about the author

Nataliya Ya. Makarova, Cand. of Sci. (Pedagogics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; rsuh.makarova@gmail.com

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-70-76

Использование инструментов
бренд-журналистики при формировании
модели медиавлияния
в информационном пространстве

Вероника И. Ярных

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vyarnykh@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена вопросам информационного влияния в глобальном медиапространстве. Рассмотрена бренд-журналистика как современный подход формирования контента и взаимодействия с аудиторией, а также предложена авторская концепция модели медиавлияния в информационном пространстве. На примере деятельности медиахолдинга CGTN (КНР) показана реализация модели медиавлияния на базе подхода бренд-журналистики.

Ключевые слова: медиакommunikации, бренд-журналистика, модель медиавлияния, информационное пространство, мультиплатформенность, мультиканальность

Для цитирования: Ярных В.И. Использование инструментов бренд-журналистики при формировании модели медиавлияния в информационном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 70–76. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-70-76

Brand journalism tools in the formation
of the media influence model in information space

Veronika I. Yarnykh

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vyarnykh@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the issues of information influence in the global media space. It discusses brand journalism as a modern approach to the content creating and interacting with the audience. The author also proposes her conception of the media influence model in the information

© Ярных В.И., 2019

space. On the example of the activity of the CGTN media holding (China), the implementation of the media influence model based on the brand journalism approach is shown.

Keywords: media communications, brand journalism, model of media influence, information space, multiplatform, multichannel

For citation: Yarnykh, V.I. (2019), "Brand journalism tools in the formation of the media influence model in information space", *RSUH / RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 70-76. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-70-76

Современный мир – это мир медиа. Информационное влияние человека, организации, страны становится важным фактором существования в современном медийном пространстве. Модели информационного влияния изменяются, совершенствуются и приспособляются к изменениям информационного пространства.

Одним из актуальных подходов на сегодняшний день стала бренд-журналистика. Как явление (и термин) бренд-журналистика была обозначена в 2004 г. в выступлении бывшего директора по маркетингу компании «Макдональдс» Ларри Лайта: «В нашу мобильную, цифровую, мультиплатформенную, многопользовательскую эру бренд-журналистика – еще более актуальный способ коммуникации, чем 10 лет назад» [Хатиашвили 2014, с. 49]. При этом Ларри Лайт также отмечал, что необходимо переосмыслить концепцию позиционирования бренда через установление новой концепции бренд-журналистики. Мегабренды сейчас представляют из себя многомерный многосегментный многогранный формат. Ни один канал коммуникации не может рассказать целую многогранную историю мегабренда [Bull 2013, p.12]. Важно понимать, что на сегодняшний день масс-маркетинг больше не работает. То же касается и массовой журналистики. Тренд на индивидуализацию медиапотребления, запрос на индивидуализацию отношения со стороны брендов заставляют менять концепции и модели информационного влияния. Информационное влияние должно включать сейчас и массовость воздействия, и индивидуальность влияния.

Как отмечает Энди Булл (Andy Bull), бренд-журналистика – это гибридная форма традиционной журналистики, маркетинга, коммуникаций и PR. Каждая организация или человек сегодня – это самостоятельное медиа. Бренд-журналистика позволяет каждому использовать технологии и инструменты журналистики, рассказывая свою историю напрямую обществу или целевой аудитории [Bull 2013, p. 8].

Говоря об инструментах и технологиях бренд-журналистики, важно обратить внимание на то, что основой всего является контент. Именно формирование разнообразного контента для разной аудитории, но объединенного основной идеей, распространяемого в различных форматах и по разным каналам, дает огромные возможности для информационного влияния. Бренд-журналистика как новый подход к подаче материала позволяет по сути реализовать идею о продвижении единого послания, единой идеи в рамках разных каналов коммуникаций на разных платформах. Более того, бренд-журналистика как конвергентный подход позволяет использовать на практике инструменты и технологии PR, маркетинга, частично рекламы, коммуникаций, оставаясь в рамках новой мультимедийной журналистики. Идея мультиплатформенности и мультиканальности в рамках подхода реализуется не только в рамках формирования бренда продукта, услуги или организации, но и в сугубо медийных организациях.

Говоря о формировании контента в рамках бренд-журналистики, важными следует считать следующие моменты. Прежде всего это пять ключевых вопросов при формировании контента. Первый вопрос: кто? Кто является аудиторией конкретно этого послания или идеи? Почему именно этот контент или идея является важным для этой аудитории? Максимально ясная и структурированная аргументация точки зрения позволяет получить максимальную поддержку от аудитории. Второй вопрос в этой связи: о какой именно идее или новости рассказывается? То есть, собственно, что представляет собой контент. Третий вопрос – локализация контента. Это важно для истории и для сторителлинга (то есть рассказывания историй через формирование понятного и актуального контента). От места локализации контента зависят его формат, ключевые точки и т. д. Четвертый вопрос: почему именно этот вопрос или идея заботит выбранную аудиторию? Необходимо объяснить, почему именно эта идея должна волновать эту аудиторию. И, наконец, пятый вопрос – как эта идея повлияет на выбранную аудиторию.

Отличительной особенностью подхода является предоставление истинной ценности или идеи для выбранной аудитории. Бренд-журналистика появилась тогда, когда прямая реклама перестала работать. Это – способ заставить доверять вашему бренду или идее в широком смысле, предлагая информацию, а не «открыто продавать» ее.

Следующим важным моментом является интерактивное взаимодействие с аудиторией в мультиканальной среде. Использование всех возможных каналов коммуникаций, продвижение и поддержка ключевой идеи в рамках разного контекста помогают решить

поставленную задачу и добиться запланированного результата по информированию или изменению позиции, например.

Задача бренд-журналистики – это сторителлинг. Бренд-журналистика – это рассказывание историй для продвижения бренда или идеи. В рамках реализации этой задачи необходимо по сути вести разговоры с аудиторией, а не бомбардировать ее только прямыми фактами. Важно давать реальные истории, которые имеют отношение к идее или бренду. Истории должны быть подлинными, полными реальных людей, делающих реальные вещи. Они должны быть сбалансированными, фактическими, своевременными и прежде всего убедительными (как поступил Джордж Мартин в «Игре престолов», формируя собственную вселенную).

Помня обо всех этих целях, бренд-журналистика привлечет ту аудиторию, которая будет всегда рядом и будет возвращаться за дополнительной информацией. И эта аудитория в современном мире фейковых новостей будет рассматривать именно данный источник как достоверный. Такой подход позволяет добиться того, чтобы эта аудитория стала частью лояльных приверженцев организации. И по сути это является конечной целью в новой форме формирования и распространения контента.

Такого рода новый подход, будучи обозначен в 2004 г., с тех пор развивается и используется не только крупными мегабрендами. Хотелось бы обратить особое внимание на использование инструментов и технологий бренд-журналистики в медийной сфере.

Например, интересен факт использования медийным холдингом CGTN (China Global Television Network (CGTN), Китайская Народная Республика) подхода бренд-журналистики для продвижения идей BRI (Belt&Road Initiative – инициатива глобального экономического, политического, информационного влияния КНР в мире под названием «Один пояс, один путь») и продвижения позитивного образа КНР в глобальном информационном пространстве. CGTN – это новая глобальная медийная организация КНР, которая была создана в 2016 г. и вещает на английском, русском, испанском, арабском, французском языках. Стратегия «мобильность прежде всего» направлена на удовлетворение потребностей международной аудитории и упрощение доступа к контенту, размещенному на различных платформах. В Пекине, Вашингтоне и Найроби организованы продюсерские центры. Ведется работа по созданию аналогичного центра в Европе¹.

¹ Официальный сайт CGTN. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.cgtn.com/about/>. (дата обращения 15 апр. 2019).

CGTN является группой многоязычных и мультиплатформенных средств массовой информации. В состав группы входят шесть телевизионных каналов, CGTN Digital и CGTN Plus.

CGTN имеет официальные аккаунты в Facebook, Twitter, YouTube, Instagram, Google+ и, конечно же, Weibo и WeChat, а также в других социальных сетях [3], несмотря на то что большая часть этих инструментов запрещена к использованию на территории Китая. Но главная цель CGTN – формирование позитивного образа КНР в глобальном медиапространстве, с одной стороны, и единого информационного пространства, позитивного для КНР, в рамках инициативы BRI – с другой. По сути, можно говорить о медийной модели информационного влияния на базе подхода бренд-журналистики.

Медийная модель CGTN строится следующим образом. В нее входят контент, мультиплатформа для распространения контента, мультиканальные возможности для охвата соответствующей аудитории и заинтересованных сторон через информирование и коммуникацию, механизмы коммуникации с аудиторией, заинтересованные стороны, сама аудитория, стратегия формирования поддержки и лояльности продвигаемым идеям со стороны заинтересованных сторон, формат вещания.

Важно отметить, что задача в компоновке контента состоит в том, чтобы максимально полно представить достижения в первую очередь КНР и стран, входящих в инициативу BRI. В русскоязычной версии, например, присутствует вкладка «Евразия», которая позволяет разместить информацию в целом о Евразии, странах, событиях, инициативах. С этим также связан и выбор языков вещания. Такой подход с точки зрения бренд-журналистики позволяет создавать разнообразный контент, подчиненный единой идее, и формировать медиаобраз в нужной тональности, максимально заинтересовывая аудиторию не только новостным контентом.

Необходимо отметить в связи с этим еще один момент. CGTN представляет не только узкорегиональный или межрегиональный контент. Также достаточно широко представлен глобальный контент, что постепенно ставит CGTN как новостное агентство в ряд глобальных наравне с такими известными игроками рынка, как Al-Jazeera, AP, FrancePress, RT и др. В этом направлении CGTN, формируя и распространяя глобальный новостной и информационно-аналитический контент, решает задачу превращения себя в авторитетный источник контента для своей лояльной аудитории.

Важной составляющей модели медиавоздействия является распространение контента через социальные медиа. Необходимо отметить, что поскольку задача CGTN – это вещание на Европу, страны Азии, Северную и Южную Америку, Африку (то есть

на глобальном уровне), то запреты на использование социальных медиа в Китае не распространяются здесь. В итоге модель медиа-воздействия широко и полно использует современные возможности социальных медиа. При этом необходимо отметить мультиплатформенность вещания и распространения информации. CGTN вещает на глобальном уровне вне Китая, а значит использует популярные у целевой аудитории инструменты и платформы получения информации.

Социальные медиа на сегодняшний момент пользуются наибольшей популярностью с точки зрения размещения и продвижения контента. В модель включены практически все популярные социальные медиа для того, чтобы максимально, с одной стороны, охватить заинтересованные стороны, с другой – дать возможность получить разнообразный удобный для них формат. Здесь в модели медиавлияния реализуется принцип «3А»: любой контент в любое время в любом месте. Размещение контента на различных цифровых площадках в режиме реального времени позволяет сформировать единое информационное пространство. Формирование того, что называется YOUniverse (то есть индивидуального информационного пространства для всех заинтересованных сторон), также лежит в русле бренд-журналистики. Выбор используемых социальных медиа обусловлен их популярностью в странах вещания. Например, для русскоязычной аудитории вещания предлагается использование ВКонтакте.

Интерактивное взаимодействие с пользователями также включает в себя инструменты бренд-журналистики. Проводятся интерактивные опросы и осуществляются спецпроекты, функционирует режим вопросов и ответов. Взаимодействие с пользователями как на самой платформе, так и в социальных сетях, различного рода интерактивные инструменты влияния и изучения аудитории позволяют использовать мультиканальный подход взаимодействия с заинтересованными сторонами.

Отдельно необходимо отметить прямую live-трансляцию, которая предлагается как на сайте, так и в Twitter, Facebook и т. д. Такие возможности не только позволяют увеличить охват аудитории, но и формируют пространство, внутри которого технологично и четко идет создание позитивного медиаобраза КНР. Используя микст собственного медиа и других платформ, CGTN имеет возможность максимально гибко подавать необходимый контент в разных форматах. Такой подход характерен для бренд-журналистики в целом. Именно последовательность и технологичность являются основой для влияния на общественное мнение и существенное изменение восприятия КНР в глобальном медиапространстве.

Итак, развитие бренд-журналистики как подхода для формирования контента и взаимодействия с аудиторией происходит достаточно динамично. С использованием технологий и инструментов бренд-журналистики сформирована модель медиавлияния в информационном пространстве. Один из наиболее динамично развивающихся глобальных медиахолдингов в мире, CGTN в своей деятельности по продвижению контента в глобальном информационном пространстве использует данную модель.

Литература

Хатиашвили 2014 – *Хатиашвили Г.* Медийные бренды и журналистский маркетинг // Журналист. 2014. № 4. С. 49–50.

Bull 2013 – *Bull A.* Brand Journalism. New York: Routledge; Taylor&Francis Group, 2013.

References

Bull, A. (2013), *Brand Journalism*, Routledge; Taylor&Francis Group, New York, USA.

Khatiasvili, G. (2014), “Media brands and journalist marketing”, *Journalist*, vol. 4, pp. 49–50.

Информация об авторе

Вероника И. Ярных, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; vyarnykh@gmail.com

Information about the author

Veronika I. Yarnykh, Cand. of Sci. (Economics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vyarnykh@gmail.com

Визуализация дата-материалов в современных СМИ как способ привлечения аудитории

Дарья В. Неренц

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ya.newlevel@yandex.ru*

Аннотация. Огромное количество информации, с которой ежедневно сталкивается пользователь Интернета, все труднее осознать и проанализировать. Аудитория постепенно перестает различать важные и второстепенные факты, не может выявить полезные для себя сведения. Вследствие этого журналисты из посредников в передаче информации превращаются в аналитиков, проводников в мире «больших данных». Так большие данные, или Big Data, становятся главным инструментом для современных репортеров и способствуют развитию нового направления в массмедиа – дата-журналистики. Дата-журналистика, в свою очередь, диктует новые требования и методы работы, когда главной задачей становится анализ и предоставление многочисленных фактов в удобной и привлекательной для аудитории форме. В связи с этим визуализация или создание востребованного проекта на основе больших данных является повсеместной и активно развивающейся практикой в СМИ. В статье рассматриваются современные способы визуализации дата-материалов, приводится методика создания инфографики, используемая в крупнейших мировых СМИ, анализируются проблемы, связанные с некачественной и недоработанной визуализацией, а также дается вывод о важности дальнейшего применения такой формы представления материала.

Ключевые слова: визуализация, инфографика, журналистика данных, дата-материал, большие данные

Для цитирования: Неренц Д.В. Визуализация дата-материалов в современных СМИ как способ привлечения аудитории // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 77–85. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-77-85

Visualization of data materials as a way to attract the audience in modern media

Dar'ya V. Nerents

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, newlevel@yandex.ru*

Abstract. Because of a lot of information in the Internet, it is becoming increasingly difficult for user to realize and analyze facts every day. The audience gradually ceases to tell the difference between the important and secondary facts and can't reveal useful information. As a result, journalists transformed from the information intermediary to analysts or conductors in the world of Big Data. So Big Data becomes the main tool for modern reporters and contributes to the development of a new direction in mass media which is named Data journalism. Data journalism in turn dictates new requirements and methods of work and analyzing and presenting numerous facts in a convenient and attractive form for the audience become the main task. In this regard, the visualization or creation of the demandable project based on Big Data is a general and developing activity in the media. The article discusses the modern ways of visualizing data materials, provides methods for creating infographics used in the world's media, analyzes the issues associated with poor-quality and incomplete visualization and also the conclusion is given on why it is important to continue using that form of material.

Keywords: visualization, infographics, data journalism, data material, Big Data

For citation: Nerents, D.V. (2019), "Visualization of data materials as a way to attract the audience in modern media". *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 77-85. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-77-85

Введение

Визуализацию данных можно охарактеризовать как графическое отображение абстрактной информации для двух целей: осмысления (анализа данных) и коммуникации. Прежде всего это средство для предоставления и облегчения восприятия сложных и обширных данных для аудитории. Информацию можно считать абстрактной, поскольку она зачастую описывает вещи нематериальные, тем более это относится к статистической информации (количество продаж, случаев заболеваний, спортивные результаты). Однако статистическая информация не всегда является доступной для аудитории в силу больших объемов или недостаточного опыта для прочтения больших данных со стороны пользовате-

лей. И журналисты нашли способ максимально эффективно представить статистические сведения своей аудитории – оформить их в визуально привлекательную форму. Визуализация материалов на сегодняшний день – весьма распространенная практика во всех крупных СМИ, но, как и любая другая методика подачи материала, имеет свои положительные и отрицательные стороны, точнее негативные последствия. И важно проследить, насколько сейчас велика необходимость создавать инфографику как для удержания аудитории, так и для ее привлечения.

Задачи визуализации дата-материалов

Самым важным элементом визуализации дата-материала является инфографика, которая функционирует как неотъемлемая часть текста, содержащего большие данные. Сейчас журналисты отдают предпочтение графикам и диаграммам, поскольку в таблицах не всегда можно четко увидеть взаимосвязи и закономерности. «Некоторые из самых известных графиков и диаграмм появились вследствие необходимости лучше объяснять малопонятные таблицы с данными»¹, – заключает один из авторов «Пособия по журналистике данных» Брайан Суда.

Графические элементы в дата-материале решают сразу две задачи: привлекают аудиторию за счет красивой и яркой картинки и помогают этой привлеченной аудитории понять сложную информацию большого объема. Так появилось отдельное направление – визуальная журналистика, которая является неотъемлемым элементом журналистики данных. К визуальной журналистике относятся фотоизображения, рисунки, карикатуры, видеоматериалы, а также графические вставки: таблицы, диаграммы, графики, интерактивные карты. Поэтому неудивительно, что практически каждое СМИ сегодня имеет хотя бы один-два примера созданной ими визуализации материала. Крупные редакции, такие как The New York Times, The Guardian, Wired, Time, The Economist, The Beliver и The Wall Street Journal, регулярно создают эффективную визуализацию данных, чтобы предоставить читателям доступный и интересный анализ.

¹ Суда Б. Дизайн для данных // Пособие по журналистике данных / Под ред. Д. Грея. [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=125825> (дата обращения 4 марта 2019).

Инструментарий визуализации данных

Сейчас различные приложения и программы по созданию графики позволяют создавать все что угодно. «Например, для организации информации в хронологическом порядке можно использовать временную шкалу»². Для сравнения каких-то явлений или предметов можно выбрать диаграмму или таблицу. Гистограммы (способ графического отображения количественных показателей) часто используются для сравнения категорий числовых значений. Однако диаграммы все же остаются лучшей графикой, потому что они могут показывать труднообъяснимые показатели в тексте. «Линейная диаграмма очень хорошо подходит для демонстрации непрерывного, сплошного, продолжительного потока данных»³. Графики, в свою очередь, показывают взаимосвязи между данными в целом, а также между отдельными элементами данных. «Графики позволяют изображать величины, придавая им визуальные характеристики геометрических фигур»⁴.

Важным инструментом инфографики также являются карты, на которых можно отметить временные, количественные или географические показатели. В издании *The Guardian*, например, в качестве инструмента для создания быстрых и детализированных карт используется программа *GoogleFusion*. Благодаря этому ресурсу возможны объединение нескольких карт в одну, а также добавление функций поиска и фильтрации данных.

Хотя визуализация данных обычно показывает отношения между количественными значениями, она также может применяться в качестве пояснительных схем и иллюстраций или отображать отношения, которые не являются количественными по своей природе. «Связи между людьми на сайте социальной сети, такой как Facebook, или между подозреваемыми террористами могут отображаться с использованием ключевой фигуры и дальнейших ответвлений от нее» [Few 2013]. Цель состоит в том, чтобы перевести

² *Cherubini F.* (2012) The future of investigative journalism in the UK according to the House of Lords // World association of newspapers and news publishers [Online], available at: <http://www.editorsweblog.org/2012/03/05/the-future-of-investigative-journalism-in-the-uk-according-to-the-house-of-lords> (accessed 23 January 2019).

³ *Суда Б.* Дизайн для данных // Пособие по журналистике данных / Под ред. Д. Грея. [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=125825> (дата обращения 4 марта 2019).

⁴ *Эйш Г.* Как визуализировать данные // Пособие по журналистике данных / Под ред. Д. Грея [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=125825> (дата обращения 10 янв. 2019).

абстрактную информацию в визуальную форму, которую можно легко, точно и осмысленно декодировать.

Преподаватель Университета Майями Альберт Кейро рассказывает:

Мы используем графики, карты и диаграммы, потому что во многих случаях они являются единственным способом извлечения смысла и демонстрации взаимосвязей между данными. Попробуйте, например, представить себе, как трудно увидеть связь числовых показателей в электронной таблице Excel. Это абсолютно невозможно, потому что электронная таблица – это просто набор чисел, которые по отдельности не несут никакой ценной информации. Но если вы преобразуете эти числа в линейную диаграмму, в гистограмму и т. д., то начнете извлекать смысл из этих данных, получите возможность увидеть картину в целом⁵.

Таким образом, инфографика должна быть отражением цели журналиста. Для успешного визуального проекта необходим не просто набор данных, эти данные должны быть изучены, расшифрованы и преобразованы в единую систему, которую и увидит аудитория в итоге. Чем корректнее и точнее данные, тем более значимой и подробной будет инфографика.

Практикующие дата-журналисты придерживаются мнения, что навыки программирования и умение работать в графических редакторах вторичны по отношению к собственной идее автора визуализации. «Визуализация данных... зависит от хороших эскизов, от хорошего визуального мышления»⁶. Этот тезис подтверждается тем фактом, что большинство графических инструментов содержат в себе не только интуитивную навигацию, но и множество вариаций шаблонов. Кроме того, большинство из них общедоступны и бесплатны. Например, ресурсы Data Wrapper, Google Fusion Tables, i Charts, Tableau позволяют создавать красочную визуализацию одним нажатием кнопки, загрузив свой набор данных.

⁵ *Sukharchuk D.* 2018 Data Journalism Award winners announced at GEN Summit / International Journalists' Network [Online], available at: <https://ijnet.org/en/story/2018-data-journalism-award-winners-announced-gen-summit> (Accessed 29 March 2019).

⁶ Ibid.

Примеры визуализации проектов журналистики данных

Число дата-материалов в СМИ стремительно растет. Наглядное доказательство – ежегодная премия Data Journalism Awards, организуемая Global Editors Network. В прошлом году в конкурсе участвовали 573 проекта из 51 страны. По итогам конкурсного отбора в 2018 г. награду за лучшую визуализацию получил проект агентства Reuters «Жизнь в лагерях», посвященный условиям жизни беженцев Рохинджа (уроженцы Мьянмы) на юге Бангладеш. Проект создавали на протяжении шести недель два графических редактора, текстовый редактор из офиса Reuters в Сингапуре и журналисты, делающие фотоснимки в лагерях.

По словам Саймона Скарра, заместителя руководителя графического отдела Reuters, проект был основан на предоставленных благотворительными организациями точных координатах GPS, которые позволили составить подробную карту лагерей беженцев. «Репортеры Reuters выехали в указанные местности и сделали ряд фотографий для визуализации текстового материала. Представленные изображения показывают читателям, что это не просто точки на карте, а реальные люди, которые живут в этих лагерях»⁷.

Карты со спутников во время просмотра материала на сайте превращаются в схемы с разграниченными зонами, в каждой из которых указаны самые густо и менее населенные территории, количество человек на квадратный метр, общее количество беженцев на территории той или иной области. Благодаря созданной инфографике читатель наглядно представляет образ жизни и условия существования беженцев Рохинджа.

На сайте проекта указано, что для создания визуализации были использованы спутниковые изображения из Planet Labs, а также материалы, предоставленные Межотраслевой координационной группой (ISCG), REACH Инициатива, ресурсом Open Street Map, Всемирной организацией здравоохранения и Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)⁸.

Похожий проект был создан информационным агентством Rappler на Филиппинах. Дата-материал «#SaferRoads» за несколько лет превратился в масштабную акцию, данные постоянно пополняются и отражаются на визуализации конечного материала.

⁷ Ibid.

⁸ Cai, W., Scarr, S. Life in the Camps // Reuters Graphics [Online], available at: <http://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/rngs/MYANMAR-ROHINGYA/010051VB46G/index.html> (Accessed 29 March 2019).

На официальном сайте указано, что по данным «филиппинской Национальной полиции количество дорожно-транспортных происшествий выросло на 31%, а число погибших от ДТП в 2016 году по сравнению с прошлым годом увеличилось на 100%»⁹. Журналисты начали свое исследование в 2006 г. и с тех пор каждый год дополняют информацию новыми фактами. Для наглядного изображения динамики роста дорожных аварий в материале представлена столбчатая диаграмма, по количеству жертв ДТП составлена таблица с разделением по годам и возрасту погибших, для визуализации количества погибших в возрасте до 14 лет авторы использовали линейчатую диаграмму. Примечательно, что под каждой инфографикой есть ссылка на таблицу Excel, которую можно скачать и увидеть данные, с которыми работали журналисты, в их исходном виде. Все использованные данные находятся в открытом доступе и были взяты с сайта Филиппинской службы статистики (PSA).

В некотором смысле эти два проекта отражают тенденции, существующие в современной дата-журналистике, которые включают в себя работу с постоянно растущими наборами данных, изменяющимися с каждым годом или даже месяцем, но позволяющими по прошествии времени увидеть картину целиком.

Проблемы неоправданной визуализации тестового материала

Визуализация характеризуется как правильный симбиоз журналистского текста и хорошей графики. А. Кейро делится впечатлениями:

Создание привлекательной визуализации крайне важно, но стоит подумать о том, что будет после того, как вы привлечете внимание своих читателей? Журналист должен сделать визуализацию с полезными данными. И проблема, с которой я сталкиваюсь сегодня во многих визуализациях, заключается в том, что это просто красиво, но на самом деле не несет в себе никакого смысла¹⁰.

⁹ *Kimiko, S.* IN NUMBERS: Road crash incidents in the Philippines // Rappler [Online], available at: <https://www.rappler.com/move-ph/issues/road-safety/home#swiss-cheese-model> (Accessed 31 March 2019).

¹⁰ *Cairo, A.* The main principles of data visualization // Doing Journalism with Data: First Steps, Skills and Tools / Learnno.net. Professional video trainings [Online], available at: <https://learnno.net/classroom/doing-journalism-with-data-first-steps-skills-and-tools/telling-stories-with-visualisation/the-main-principles-of-datavisualisation#tab2> (Accessed 3 March 2019).

Одна из причин неудачной инфографики – данные обнародованы без контекста. Сами по себе они не несут для аудитории никакой ценности, без описания общей ситуации, проблемы, истории любой привлекательный график или диаграмма становятся лишними ценностями. «Вы должны позаботиться о том, чтобы действительно объяснить представленные данные, а не просто подать их в привлекательной форме для читателя»¹¹.

Еще одну причину выделяет американский дата-журналист Рейф Ларсен:

Столкнувшись с избытком посредственных графиков и диаграмм, сейчас дизайнеры и журналисты получают обратную реакцию, когда аудитория требует осмысленного создания инфографики и выступает против ее чрезмерного использования¹².

Одной из негативных тенденций использования визуализации стала недобросовестная работа разработчиков. Все чаще читатели сталкиваются с недостоверной, скорректированной или сфабрикованной информацией, ложность которой успешно скрывают под красочной диаграммой или схемой:

...инфографика под руководством дизайнера, журналиста, статистика и художника, вероятно, будет продолжать работать в «серой» области между фактом и вымыслом... <...> Нам нужно... сформулировать критерии яркой и красочной инфографики. Как помимо одноразового, завлекающего «крючка» для Твиттерсферы, сделать визуализацию данных, которая стала бы символической средой нашего времени...¹³.

Заключение

Таким образом, несмотря на существующие проблемы, активное использование инфографики и визуализации все же позволяет привлечь большое количество пользователей к просмотру контента, что, в свою очередь, ведет к максимальному распространению важной информации среди населения, а значит, вызывает интерес

¹¹ *Corum, J.* Storytelling with Data // Style.org [Online], available at: <http://style.org/tapestry> (Accessed 6 March 2019).

¹² *Larsen, R.* This Chart Is a Lonely Hunter: The Narrative Eros of the Infographic // The Millions [Online], available at: URL: <https://themillions.com/2012/02/this-chart-is-a-lonely-hunter-the-narrative-eros-of-the-infographic.html> (Accessed 6 March 2019).

¹³ *Ibid.*

и обсуждение. Кроме того, возможность прикрепить к визуализации исходные данные, которыми могут воспользоваться не только пользователи, но и коллеги из других СМИ, позволяет говорить о максимальной прозрачности и объективности в дата-материалах, отклоняя недоработанные или сфабрикованные проекты.

Литература

Few 2013 – *Few S.* Data Visualization for Human Perception // The Encyclopedia of Human-Computer Interaction. 2nd ed. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interaction-design.org/literature/book/the-encyclopedia-of-human-computer-interaction-2nd-ed/data-visualization-for-human-perception> (дата обращения 3 марта 2019).

References

Few, S. (2013), “Data Visualization for Human Perception”, *The Encyclopedia of Human-Computer Interaction*, 2nd ed., [Online], available at: <https://www.interaction-design.org/literature/book/the-encyclopedia-of-human-computer-interaction-2nd-ed/data-visualization-for-human-perception> (Accessed 3 March 2019).

Информация об авторе

Дарья В. Неренц, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; ya.newlevel@yandex.ru

Information about the author

Dar'ya V. Nerents, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ya.newlevel@yandex.ru

История публицистики. Риторика

УДК 1(091)

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-86-97

Эмигрантская публицистика Николая Бердяева и «генеральная линия советской философии»: проблема контекста

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iurganov@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена восприятию русским философом Н.А. Бердяевым, находившимся в эмиграции, философской борьбы в СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. Будучи противником русского материализма еще во времена Первой русской революции, Бердяев увидел, что его прежние идейные противники потерпели сокрушительное поражение и в СССР сложилась новая теоретическая модель марксизма, в основе которой пребывал синтез материи и диалектики. Этот синтез менял сущность марксизма в понимании Бердяева, превращая его в крайний идеализм, ибо материя наделялась свойствами творящей субстанции. Однако такая метаморфоза не означала, что Бердяев сблизился с советской философией. Главные аргументы в отношении эмпирикритиков начала века оставались в силе и когда речь шла о новой ситуации в советской философии. Ибо неизменным в марксизме сталинского времени пребывал тезис о ценности *безличной философии*, растворенной в интересах пролетариата и партии большевиков. По-прежнему марксизм исповедовал как ненависть к метафизике, так и полное неприятие идеи о правах личности быть метафизически выше коллективистских начал.

Ключевые слова: модернизм, позитивизм, идеализм, диалектический материализм, «генеральная линия» в философии, атеизм, русская философия XX в., Н.А. Бердяев

Для цитирования: Юрганов А.Л. Эмигрантская публицистика Николая Бердяева и «генеральная линия советской философии»: проблема контекста // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 86–97. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-86-97

Emigrant publicist Nikolai Berdyaev
and “the general line of Soviet philosophy”:
contextual issue

Andrei L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the perception of Russian philosopher N.A. Berdyaev, who was in exile, of philosophical struggle in the USSR at the end of the 20s – beginning of the 30s. Being an opponent to Russian materialism in the times of the First Russian Revolution, Berdyaev saw that his former ideological opponents suffered a crushing defeat and that in the USSR a new theoretical model of Marxism was formed, which was based on the synthesis of the matter and dialectics. That synthesis changed the essence of Marxism, in Berdyaev’s understanding, turning it into extreme idealism, because matter was endowed with the properties of the creative substance. However, such metamorphosis did not mean that Berdyaev became closer to Soviet philosophy. The main arguments regarding the empiric critics of the beginning of the century remained valid, and when it came to the new situation in Soviet philosophy.

For the thesis about the value of impersonal philosophy, dissolved in the interests of the proletariat and the Bolshevik party, remained unchanged in the Marxism of Stalin’s time.

Marxism still professed both its hatred for metaphysics and its total rejection of the idea of the rights of the individual to be metaphysically higher than the collectivist principles.

Keywords: modernism, positivism, idealism, dialectical materialism, “general line” in philosophy, atheism, Russian philosophy of 20th century, N.A. Berdyaev

For citation: Iurganov, A.L. (2019), “Emigrant publicist Nikolai Berdyaev and ‘the general line of Soviet philosophy’: contextual issue”. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 86-97. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-86-97

В Париже в 1932 г. в издательстве YMCA-PRESS увидела свет книга русского философа и публициста Николая Александровича Бердяева, которая не могла не удивить своей тематикой и названием: «Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм». Автор счел необходимым объяснить, что он прочел довольно значительный объем советской литературы по философии без удовольствия («чтение не очень приятное»), но с живым интересом.

Ибо в «советской России сейчас вырабатывается целостное философское мировосприятие, которое есть марксизм-ленинизм, обогащенный опытом революции в конструктивный период»¹. Бердяев известил читателя о круге своего чтения: это – ежемесячный журнал «Воинствующий атеизм» за 1931 г., коллективная монография «Исторический материализм» под редакцией В.Н. Ральцевича («книгу эту можно считать основной энциклопедией марксизма-ленинизма»), сборник статей и выступлений против философского руководства во главе с А.М. Дебориным «За поворот на философском фронте» (1931), ежемесячный научно-методический журнал «Антирелигиозник» за 1931 г., «Сборник программ и метод разработок по переподготовке антирелигиозного актива» за 1931 г., статья В.И. Ленина «О религии», брошюра Е.М. Ярославского «На антирелигиозном фронте» (1924), книжка С.Н. Худякова «Классовая борьба и религия» (М., 1931). Бердяев выразил сожаление, что ему не удалось найти журнал «Под знаменем марксизма», «который представляет не генеральную линию, а группу Деборина», но подчеркнул при этом, что ему известны классические труды Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина по марксизму – отвергнутые в настоящий момент. Словом, круг чтения хотя и неполный, но вполне репрезентативный для анализа того нового, что появилось с тех пор, как Бердяев вынужденно покинул родину на «философском» пароходе (1922 г.).

Удивительно было прежде всего, что те авторы «классического» марксизма, которых Бердяев не без оснований считал классическими, стали восприниматься в конце 20-х – начале 30-х гг. как отвергнутые советской властью за неверное, искаженное объяснение марксизма-ленинизма. Иными словами, когда Бердяев спорил с материализмом в годы Первой русской революции, он спорил с теми, кого теперь в Советской России считают еретиками.

Что же заставило советских философов так яростно опровергать прежних классиков марксистской науки? Н.А. Бердяев удивился поражению своих идейных противников от их же идейных «сторонников». Его эмигрантские размышления о советской философии настолько трудны для восприятия, что если не знать, как менялся философский контекст, то можно подумать, что Бердяев, просто в силу удаленности, не понимал, как устроена мыслительная деятельность советских философов. И его удивление – лишь плод разноконтекстуальных состояний наблюдателя и наблюдаемого.

Но так ли это?..

¹ *Бердяев Н.А. Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм. Paris: YMCA-PRESS, 1932.*

В эпоху наибольшей остроты философской полемики, в годы Первой русской революции, Бердяев рассматривал марксизм как русский материализм с позитивистской направленностью ее активных адептов: А.А. Богданова, А.В. Луначарского, В.А. Базарова и некоторых других. Спор шел между «идеализмом» сторонников русского ренессанса, стремившихся оправдать и утвердить метафизику ницшеанского творчества Личности как первооснову реальности и даже всего мироздания, и «позитивизмом» сторонников русского марксизма, утверждавших неизбежность эмпирического превосходства всякой социальности над личностью, всякой общности (партии, класса, человечества) над индивидом, не способным подняться выше своего «мещанского» быта. В основе русского позитивизма было стремление полностью изжить метафизику, не только идеалистическую, но и марксистскую тоже. Позитивизм нес в себе, в своей установке психологию утилитаризма, которая ярко выразила себя в первые годы советской власти в творчестве авангардистов Левого фронта [Юрганов 2018а].

Позитивизм марксистов того времени, столь неприемлемый для Бердяева, следует представить мыслями и словами его деятелей – в таком модусе картина противостояния двух идейных течений будет точнее.

В первом номере марксистского журнала «Правда» за 1904 г. было опубликовано начало статьи Вл. Ивановского под названием «Что такое “позитивизм” и “идеализм”». В ней автор рассуждал о критической позиции С.Н. Булгакова, согласно которой позитивизм – это учение, которое принципиально запрещает ставить вопросы о бытии и утверждает, что существует только мир видимый, слышимый и обоняемый и за этим миром явлений нет ничего. Задача Ивановского – определить, что же такое «позитивизм» в своей основе, которая уже не подлежит пересмотру, с которой все позитивисты согласятся как с «краеугольным камнем» в философии. Для того чтобы определить эту основу, Ивановский показывает размежевание внутри позитивизма [Юрганов 2018а, с. 115].

Существуют и те, кто утверждает, что «материя есть субстанция мира», и те, кто в материи видит лишь «форму ума»: для первых нет и не может быть свободы выбора, это – иллюзия; для вторых «форма ума» имеет психическую обусловленность и свободу выбора. Иными словами, обнаруживаются варианты механистического и критического позитивизма. Но, несмотря на расхождение, они единодушны в требовании строгого разграничения «трансцендентного от опытного», на проведении между ними «раздельности по всей линии».

Даже если кто-то из позитивистов и пользуется возвышенными смыслами, восходящими к метафизике, даже если кто-то при-

знает «непознаваемое», ни о каком смешении опытного знания со сверхопытным нет и не может быть речи: трансцендентное остается трансцендентным, то есть вне-опытным [Юрганов 2018а, с. 115].

Знание, претендующее на максимальную достоверность, обязано «быть в строгом согласии с опытом: устанавливаемые им внутренние отношения между фактами должны постоянно подтверждаться опытом». Ивановский различал стратегии познавательной деятельности позитивиста и не-позитивиста:

...не-позитивист, для оправдания своих желаний и стремлений, признает их уже существующими в мире трансцендентном; позитивист также признает их существующими, но лишь в своем творящем, комбинирующем разуме. Первый ставит себя в зависимость от трансцендентного, гордится быть его слугою; второй зависит только от самого себя, от своего разума и условий его познавательной и деятельной функций [Юрганов 2018а, с. 116].

Ивановский сформулировал кредо позитивизма – это всегда границы «опытной действительности»; трансцендентное по смыслу своему – всегда вне опыта.

Во втором номере журнала «Правда» за 1904 г. была опубликована небольшая заметка «Новости философии». В ней рассматривались взаимоотношения четырех основных философских направлений: позитивизма, материализма, натурализма и идеализма. Автор заметки соглашался с тем, что первые три направления имеют между собой много общего, хотя и не сливаются, но все они радикально отличаются от идеализма. Главные интенции этих трех направлений – быть «чистой философией действительности», хотя при этом каждое из трех направлений «различным образом определяют действительность» [Юрганов 2018а, с. 116]. Позитивизм отличается от материализма и натурализма, по мнению автора, тем, что «он далек от односторонней оценки естествознания, внешнего опыта и действительности». Идеализм же отличается от всех прочих направлений материалистического толка тем, что пытается «возобновить старые стремления спекулятивной философии при помощи лучших средств, именно при помощи самих специальных наук, и через них достигнуть всеобъемлющего и надежного идеального мировоззрения и жизнепонимания» [Юрганов 2018а, с. 116].

В 1908 г. В.И. Ленин написал свой главный философский труд – «Материализм и эмпириокритицизм», это был ответ эмпириокритикам: А.А. Богданову, А.В. Луначарскому, В.А. Базарову. В этой работе он защищал марксистскую «метафизику» – диалектическое учение, выступая решительно против сторонников исключительно «опытного» знания. Особенно его раздражила книга А.А. Богдано-

ва «Эмпириомонизм», опубликованная в 1906 г., – она и послужила толчком к написанию большого теоретического труда. Богданов ответил на критику, написав статью «Вера и разум», в которой утверждал, что Ленин мыслит не как ученый, а как религиозный деятель.

Труд Ленина не произвел на модернистов особого впечатления: ленинская полемика была направлена на внутривнутрипартийные вопросы. Тем не менее С.Н. Булгаков, бегло комментируя ленинский труд, удивлялся не творческим соображениям автора, а неподражаемому стилю публицистической ругани. Только после победы большевиков философская работа Ленина стала обсуждаться как центральный труд марксизма-ленинизма, без которого немислим истинный материализм.

В середине 1920-х гг. в философской среде разгорелся спор, который разделил научную общественность на два лагеря: «диалектиков» и «механистов». Первые – в основном философы, вторые – в основном естественники-ученые, занимающиеся конкретными науками (физикой, биологией, анатомией и т. д.).

Дискуссия началась с того, что в 1924 г. вышла вторым изданием книга голландского демократа Германа Гортера «Исторический материализм» в переводе И.И. Скворцова-Степанова, который написал послесловие, названное им так: «Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм». На это послесловие написал разгромную рецензию Ян Стэн, видный большевистский деятель, один из руководителей философского фронта [Яхот 1981, с. 32–50]. И.И. Скворцов-Степанов ответил Стэну – и развернулась большая полемика на несколько лет. Механицизм – явление в философии, которое резко критиковал в свое время Ф. Энгельс, указывая на то, что нельзя сводить сложные явления природы к биолого-химическим процессам. Диалектический материализм противостоит механистическому материализму – таков пафос выступления Я. Стэна в журнале «Большевик». Стэн выдвинул обвинение: Степанов обошел вниманием вопрос о диалектике и диалектическом материализме – отсюда следует подразумеваемое тождество философского материализма и современного естествознания.

Так прозвучало первое обвинение в механицизме.

Увлеченный науками, изучающими механизм жизнедеятельности, Скворцов-Степанов сделал вывод, согласно которому «марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает это так называемое механистическое воззрение на природу...». Но послесловие оказалось скорее случайным, чем закономерным событием. В научной среде давно зрели разногласия: не были преодолены прежние трения между сторонниками теоретического

знания о природе и сторонниками естественнонаучного познания, стремившимися видеть первичными в познании природы методы естественных наук. «Механисты» считали, что изучение физических и химических свойств природы порождает знание, которое является самостоятельным в отношении к философской теории марксизма, имеющей отношение прежде всего к общественно-политической сфере. «Наука – сама себе философия» – таков позитивистский тезис.

«Диалектики», и прежде всего само руководство философского фронта (А.М. Деборин, Н.А. Карев, Я.Э. Стэн), не соглашались с таким подходом, потому что полагали, что раз уж марксизм-ленинизм владеет главной наукой – материалистической диалектикой, то она и должна пронизывать собой смысл и содержание всего познавательного процесса.

Самой значительной была дискуссия, проходившая с марта по май 1926 г. в стенах Института научной философии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). А.М. Деборин резко выступил против А.А. Богданова, А.К. Тимирязева, А.И. Варьяша и других, кто говорил и писал, что его диалектика весьма похожа на схоластику и неогегельянство. На стороне Деборина – ученики и коллеги, «борцы против механицизма»: Я.Э. Стэн, Н.И. Карев, И.К. Луппол, И.Я. Вайнштейн, Г.Ф. Дмитриев, Г.К. Баммель и др.

Если в первых дискуссиях «механисты» были более убедительны, то после серии тяжелых обвинений в «ревизионизме» деборинцы стали брать верх. В апреле 1929 г. была проведена Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений, в ходе которой удалось достичь общего решения, осуждавшего «механистов». На стороне Деборина были такие авторитетные учреждения, как Коммунистическая академия, Институт Ленина, Институт Маркса и Энгельса. Конференция, подводя итог, зафиксировала поражение группы Л.И. Аксельрод и А.К. Тимирязева. Дискуссия с «механистами» была объявлена в целом завершенной.

В пятом номере журнала «Под знаменем марксизма» за 1929 г. были опубликованы материалы, из которых следовало, что философы достигли небывалого успеха, почти невысказанного: они соединились с ортодоксальным марксизмом полностью и окончательно и теперь главное для них – это «удержание истины»! Деборин не стеснялся хвалить себя и называть философскую позицию его «школы» не только «правильной линией», но и «генеральной линией» – чего уж скромничать! Если бы он знал, какого врага нажил себе после таких слов, то десять раз подумал бы, стоит ли начинать столь рискованную игру в сфере политики, где генеральная линия в философии тождественна генеральной линии партии большевиков.

Но истинный враг Деборина действовал хитро и максимально осторожно, чтобы не раскрыть себя раньше времени. Сталин заставил философскую школу Деборина отвечать на тезис, который заранее предполагал проигрыш: выступая в декабре 1929 г. на съезде аграрников, он сказал, что успехи социалистического строительства велики, а теоретическая мысль, которая могла бы помочь в этом деле, сильно отстает! Теория отстает от практики! «Практику» осуществляет партия большевиков. Партию большевиков возглавляет Сталин. Но чтобы никто не говорил, что это все другие отстают, а мы, совпадающие с генеральной линией в философии, не отстаем и не ошибаемся, была организована мощная идеологическая кампания «самокритики». Всякий, кто не соглашался себя критиковать, становился противником партии большевиков. Ко всему этому Сталин добавил и собственное «изобретение» – обязательную борьбу «на два фронта», из которой следует, что «левое» настроение – по закону сталинской диалектики – ведет к правому уклону, а «правые» заблуждения укрепляют левацкие перегибы. Разобрать, кто куда и по какой логике попадает в «уклон», было невозможно, потому что «ключи» от такой диалектики были в руках генерального секретаря ЦК ВКП(б) [Юрганов 2018b, с. 278–280].

Ошибочными были объявлены взгляды и «механистов» с их уклоном вправо, к идеям Бухарина, и сторонников философской школы Деборина (за увлеченность «схоластикой» и идеалистической диалектикой Гегеля, недооценкой философского учения Ленина и т. д.). Никто не соединялся с истиной марксизма – это почудилось! И никто не может это сделать без соединения теории и практики в одно непротиворечивое единство, в высшую гармонию, которая возможна только в организационном эпицентре самой партии.

В течение всего 1930 г., когда началась война против деборинской школы, сам Деборин так и не мог понять: зачем рушить уже принятую «старую линию» и кому это нужно? Ему и в голову не приходило, что за мощными атаками на него и его учеников стоит тот, кто никогда не был признаваем главным теоретиком партии. И вот теперь надо поверить в невиданное чудо: в то, как администратор, управленец, главный партийный авторитет превращается не просто в мыслителя, но становится «четвертым» членом в обязательной формуле марксизма-ленинизма...

В этой волнующей фазе перехода от одного состояния к другому пребывал философский фронт, и Бердяев обратил внимание на создаваемую новую целостность марксизма, с которой прежде не сталкивался. Все ли понимал Бердяев, находясь за границей и не имея возможности узнать о событиях на философском фронте из первых рук?

Нет – далеко не все.

Н. А. Бердяев похвалил предпосылку философских дискуссий, обращенных к идее о соединении теории и практики. Как будто движение к «практике» было осознанной потребностью философской мысли, а не хитрым способом овладеть сознанием ученых, заставить их подчиняться директивам партии.

Наиболее оригинальной и по своему сильной в марксистско-ленинском мирозерцании является идея неразрывного соединения теории и практики. Основным грехом признается разрыв философии и политики, теоретического созерцания и практики строительства жизни. Чисто теоретическая мысль уже тем самым признается буржуазной².

Но в целом Бердяев глубоко и точно характеризовал положение философии в СССР, увидев ясно движение мысли от одного состояния к другому. Сама точка наблюдения и идеалистический контекст наблюдателя делали его замечания характеристикой философии «со стороны» настоящих идейных врагов материализма и марксизма, со стороны тех, кто называл себя идеалистами и не верил, что возможна материалистическая философия (таковой была точка зрения С.Н. Булгакова, в частности). Но именно в этом контексте и понятна позиция Бердяева, который со времен Первой русской революции боролся с сугубо материалистической (эмпирической) философией, ставшей в СССР едва ли не врагом «истинного» марксизма в лице «механистов».

Он с волнением писал о главной метаморфозе материализма – о превращении сталинского марксизма в разновидность... идеализма:

Механицизм отрицает самодвижение в материальной природе, считает материальную природу вечной и неизменной. Это есть взгляд французских материалистов XVIII века. Механицизм не видит внутреннего противоречия в материи и возникающего отсюда самодвижения. Именно поэтому он не диалектичен. И действительно Бухарин не имеет понятия о диалектике. Он признает антагонизм без диалектики. Но механистически, не диалектически нельзя разрешить внутренние противоречия. Диалектика и должна быть настоящей философией борьбы, активизма³.

«Диалектический материализм» – этот победный клич в борьбе с «механистами» и такой же победный клич в борьбе против

² Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 5.

³ Там же. С. 10.

философской школы Деборина – был для Бердяева нелепым соединением несоединимого: что-то должно исчезнуть – либо материализм, либо диалектика! Оксюморон хорош как образ, но не как вещь, которой и быть-то не может. Сталинский марксизм совершил чудо, по мысли Бердяева, он превратил материю мертвую в материю одухотворенную!

Мир есть движущаяся в пространстве и времени материя. Это есть абсолютная истина об абсолютном бытии. Но материя наделяется необычайными свойствами, все богатство бытия переносится внутрь материи, *материя делается духовной, она полна внутренней жизни, в ней есть мысль, есть логос, есть свобода* (курсив мой. – А. Ю.). Не только ощущение свойственно материи, но и безмерно больше, чем ощущение⁴.

Бердяев продолжал эту мысль:

Самодвижение материи есть основная идея диалектического материализма и она получает такое развитие в генеральной линии советской философии, которое можно назвать новшеством и оригинальным творчеством по сравнению со старым марксизмом. Эта метафизическая идея самодвижения должна объяснить и оправдать всю коммунистическую политику⁵.

От прежнего детерминизма не остается и следа! А сколько копий было поломано самим Бердяевым в доказательствах обратного? Оказалось, что диалектический материализм способен переделать себя изнутри⁶.

Более того – в основе такой философской системы должна быть своя богословская доктринальность, отвечающая интересам самодвижущейся материи. И Бердяев признает ее неизбежность⁷.

Само ленинское учение – своеобразная форма *крайнего идеализма*:

Необходимо философски оправдать возможность пролетарской революции и пролетарской диктатуры *независимо от развития производительных сил* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) и от численности пролетариата, обосновать эту возможность на качестве революционного класса и руководящей революционной партии. Это есть, конечно, существенное изменение марксизма. *Ленинизм*

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 19.

не есть уже марксизм. Это есть философия качества, а не количества, своеобразная форма идеализма и очень крайнего идеализма. Сама действительность, с которой имеет дело русский коммунизм, в значительной степени мозговая, идеалистическая, фантазмагорическая действительность. Но это лишь доказывает мощь идеи, мощь человеческой активности, преображающее значение мифов и фантазмов. Самый факт существования советской коммунистической России есть опровержение материализма⁸.

Но если марксизм превращается в гилозоизм, в философское учение о всеобщей одушевленности материи, то, может быть, нет тогда и конфликта между материализмом и идеализмом, как думал прежде, в эпоху Первой русской революции, Николай Бердяев? Разве нельзя меж «идеалистами» договориться?

Нет – это исключено.

Поразительно, что идеалистический поворот внутри марксизма несколько не изменил сущности аргументов Бердяева в неприятии марксизма со времен Первой русской революции. Разве это не парадокс? Ведь сама марксистская мысль изжила в себе механистическую, детерминистскую, эмпирическую логику, с которой не соглашался Бердяев. Это верно – что изжила, но остался неустранимым главный элемент русского марксизма как в устах Богданова, так и в устах Ленина: это крайнее и фундаментальное неприятие Личности – основополагающего начала всякого бытия. Идеалистическая сущность религии ленинизма, равно как и сталинизма, не допускала и мысли, что философское творчество индивидуально: «Генеральная линия должна угадать и уловить философию коллектива (курсив мой. – А. Ю.), она должна быть совершенно свободна от всяких индивидуальных мнений и уклонов, в ней мыслит сама коммунистическая партия, сам пролетариат, пришедший к сознанию»⁹.

Бердяев буквально повторил в своей книжке то, о чем писал еще в начале века, как будто и не было никаких метаморфоз материалистической диалектики, как будто и не покидал он страну вынужденно, ибо главный мотив давнего спора между двумя лагерями, модернистским и позитивистским, оставался по-прежнему непреодолимой стеной, отделяющей философию о сверхличностных началах бытия от философии *безличного процесса, безличного творчества, в котором нет и не может быть истинного бытия* даже в «упаковке» крайнего идеализма¹⁰.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 7.

Литература

- Юрганов 2018a – Юрганов А.Л. Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Юрганов 2018b – Юрганов А.Л. Культурная история России. Век двадцатый: Статьи и публикации разных лет. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Яхот 1981 – Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30 годы). New York: Chalidze Publications, 1981.

References

- Iurganov, A.L. (2018a), *Renessans lichnosti v sud'be russkogo modernizma* [The personality renaissance in the fate of Russian modernism], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow; St. Petersburg, Russia.
- Iurganov, A.L. (2018b), *Kul'turnaya istoriya Rossii. Vek dvattsatii: Stat'ii publikatsii raznykh let* [Cultural History of Russia. The twentieth century: Articles and publications of different years], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow; St. Petersburg, Russia.
- Yakhot, I. (1981), *Podavlenie filosofii v SSSR (20–30 gody)* [Suppression of philosophy in the USSR (20s–30s)], Chalidze Publications, New York, USA.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; iurganov@yandex.ru

Военная публицистика В.С. Гроссмана 1941 г.
в газете «Известия»

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется публицистическая составляющая двух первых статей известного советского романиста В.С. Гроссмана, напечатанных в июле 1941 г. газетой «Известия». Несмотря на то что В.С. Гроссман широко известен как фронтовой корреспондент, эти публикации до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. Делается вывод, что основным публицистическим приемом, который использовал В.С. Гроссман, является антитеза, которая проявляется на уровне идеологии, композиции и речевых средств.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, «Известия», публицистика, фронтовой корреспондент, военный очерк, советская журналистика

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Военная публицистика В.С. Гроссмана 1941 г. в газете «Известия» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 98–108. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-98-108

V. Grossman's articles on the Second World War
in the "Izvestiya", 1941

Yury G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bityunan@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the journalistic component of the first two articles of the famous Soviet novelist V.S. Grossman, published in July 1941 by the newspaper "Izvestiya". Despite V. Grossman's being famous as a war correspondent, those two pieces have not been commented on yet. It is concluded that the main journalistic method used by V.S. Grossman is an antithesis that manifests itself at the level of the ideology, composition and speech means.

Keywords: V. Grossman, “Izvestiya”, political essays, war correspondent, was essay, Soviet press

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2019), “V. Grossman’s articles on the Second World War in the ‘Izvestiya’, 1941”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 98-108. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-98-108

Один из наиболее известных фактов в биографии В.С. Гроссмана – это конфискация его романа «Жизнь и судьба» сотрудниками КГБ 14 февраля 1961 г. Самые важные и драматичные события последних лет его жизни: письмо к Н.С. Хрущеву с просьбой вернуть рукописи, встреча с М.А. Суловым по поводу этого письма, поездка в Армению и мучительная смерть в 1964 г., которой предшествовало создание прощальной повести «Все течет», – рассматриваются как неизбежное следствие ареста «Жизни и судьбы».

В аспекте же репутационном это событие предопределило образ Гроссмана в советской историографии. Если судить по статье Г.Н. Мунблита о Гроссмани, опубликованной в «Краткой литературной энциклопедии», биография писателя как бы распадается на две части. Сначала он – автор производственной прозы и сочинений о Гражданской войне, а затем, после Великой Отечественной войны, – фронтовой корреспондент и автор неоконченного романа о Сталинградской битве – «За правое дело» [Мунблит 1964]. О фактографической корректности статьи Мунблита здесь речь не ведется. Корректна она лишь в плане политической прагматики середины 1960-х гг., когда она и создавалась. Однако библиография произведений Гроссмана, равно как и библиография работ о нем, указывает на то, что и современники, и потомки действительно должны были запомнить его как выдающегося фронтового корреспондента.

Военные очерки Гроссмана обильно рецензировались¹. Сборник его военных очерков «Годы войны» был трижды издан в советское время: в 1945, 1946 гг. и, предсказуемо, – в 1989 г., через год после того, как журналом «Октябрь» был опубликован роман «Жизнь и судьба»². И хотя с тех пор «Годы войны» не печатались,

¹ См., напр.: Ковальчик Е. «Народ бессмертен» // Литература и искусство. 1942. 15 авг.; Книпович Е. Народ и история // Знамя. 1943. № 7–8. С. 249–253; Дерман А. Военные книги для детей // Новый мир. 1945. № 4. С. 141–147; Эренбург И. Глазами Василия Гроссмана // Литературная газета. 1946. 23 февр.

² Гроссман В.С. Годы войны: очерки и рассказы. М.: Гослитиздат, 1945; Он же. Годы войны: очерки и рассказы. М.: Гослитиздат, 1946; Он же. Годы войны: очерки, рассказы. М.: Правда, 1989.

интерес к этим материалам не становится меньше. Разделы, посвященные работе Гроссмана на фронте, присутствуют в наиболее важных работах о писателе [Бочаров 1990, с. 117–160; Ellis 1994, pp. 27-70; Елина 1994, с. 50–81; Garrard, Garrard 1996, pp. 135-194]. Название одной из наиболее поздних биографий Гроссмана, выполненной М. Анисимов (M. Anissimov), даже учитывает эту специфику – «Василий Гроссман. Писатель войны» (“Vassili Grossman. Un écrivain de combat”) [Anissimov 2012]. Здесь, впрочем, содержится игра слов: под «войной» подразумевается еще и «борьба» Гроссмана за свою правду. Известный британский историк Э. Бивор (A. Beevor) перевел на английский язык многие очерки Гроссмана и его военные записные книжки, а также прокомментировал их. Так появился исторический труд «Писатель на войне. Василий Гроссман с Красной армией 1941–1945» (“A writer at war. Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945”) [Beevor 2006]. О жизни Гроссмана на фронте содержатся ценные сведения и в монографии Н.М. Малыгиной «Андрей Платонов и литературная Москва» [Малыгина 2018, с. 531–549].

В то же время «известное» не означает «полностью исследованное». В частности, исследователи военных репортажей Гроссмана до сих пор не составили их полного библиографического списка. Изучаются и комментируются лишь те из них, которые были включены автором в сборник «Годы войны». В частности, наиболее популярны у гроссмановедов такие очерки, как «Направление главного удара», «Глазами Чехова», «Добро сильнее зла» и некоторые другие. Публикации, не вошедшие в эту книгу, даже не упоминаются. В то же время в 1941–1945 гг. на страницах «Красной звезды» было опубликовано более 20 корреспонденций и репортажей – и впоследствии они ни разу не переиздавались.

В данном случае речь пойдет о двух первых статьях Гроссмана, которые были напечатаны в июле 1941 г. газетой «Известия»: «Готовность к подвигу» и «Коричневые клопы»³.

* * *

Содержание и идеология первой статьи удачно раскрываются заголовком. Гроссман осознавал, насколько страшно для людей начало войны. Поэтому он убеждает читателя, что советский народ к войне давно готов. Пусть он ее и не хочет.

Согласно Гроссману, после Октября 1917 г. все граждане СССР «жили новым законом». По этому новому, социалистическому закону «работали фабрики и заводы», «работали крестьяне на

³ Гроссман В.С. Готовность к подвигу // Известия. 1941. 2 июля; Он же. Коричневые клопы // Известия. 1941. 12 июля.

полях, по-новому учили детей в школе, по-новому строились отношения людей». И постигшее в июне 1941 г. страну горе – это проверка этого закона «в тысячах, десятках тысяч фактов».

Первая проверка – это «наши молодые бойцы, наши юноши, выросшие на идеях советского патриотизма». Превосходство советских солдат над немецкими, по Гроссману, гарантировано тем, что бойцы Красной армии чтут «превыше всего труд и общественное благо». Именно привычка к труду позволит СССР уничтожить армию Гитлера. Тут же проводится аналогия между работой в шахте, возделыванием земли и военной службой: «Рядовой стахановец, живой инициативной мыслью помогающий своему производству, совершенствующий сложные механизмы, удачно соревнующийся с конструктором и техником, родной брат того крестьянина, который двадцать семь лет тому назад поставил неумелый крест в том месте, где велели ему расписаться в волостном правлении, и, покинув свой плужок, соху, лошадку, пошел на фронт. Нужно ли говорить о великих преимуществах нашего стахановца-фронтовика!»

Примечательно, что вместо слов «плуг» и «лошадь» Гроссман употребил их диминутивные формы. Вероятно, его целью было противопоставить убогий сельский быт дореволюционной России производственной мощности СССР. Непонятно лишь, почему «соха» не перекалфицирована в «сошку».

Второе испытание – это испытание оружия. «Советское автоматическое оружие, советские танки, советские самолеты и советская артиллерия не уступают оружию противника», – настаивает Гроссман. И прежнего дефицита боеприпасов военные не знают: «Наша артиллерия способна дни и ночи вести огонь по противнику... А сколько книжек прочел наш артиллерийский расчет, как много знает, сколько учился в школе и на работе!»

Суждения Гроссмана можно было бы счесть излишне прямолинейными. Однако в тех условиях, вероятно, такая стилистика была действенной. Чем проще мысль, чем проще язык, тем выше доверие к автору. Тем эффективнее публицистическая составляющая.

Говоря о третьем испытании, Гроссман проводит аналогии между жизнью семьи и жизнью государства: «В жизни семьи и в жизни народа бывают дни проверки духовного богатства, прочности внутренней, моральной жизни». И нередко случается, что благополучие семьи – не более чем иллюзия. Да, там «все как будто хорошо», там «все друг с другом страшно вежливы, много и по любому поводу улыбаются». Однако с наступлением грозы «семья эта рассыпается, все члены ее забывают друг о друге, забыв о привычке улыбаться, заботятся лишь о своей собственной шкуре». Примечательно, что здесь идея выражается с использованием дисфемизма, к чему Гроссман не так часто прибегал (это отмечалось,

в частности, Е.Г. Эткиндо, лоббировавшим роман «Жизнь и судьба» в русскоязычной израильской прессе⁴). И таких государств, утверждает Гроссман, оказалось немало в Европе. Но есть и такие семьи, члены которых «связаны суровым каждодневным трудом»: «Им знакомы и холодные ветры, и совместный молчаливый путь на работу в темное зимнее утро, и общее горе при утрате близкого человека». Примером такой семьи Гроссман, безусловно, считает СССР.

Далее аналогия «страна–родина–семья» закрепляется. С этой целью Гроссман приводит аргументы культурно-политического плана: «Понятие родина для нашего народа расширилось, наполнилось новым содержанием. В темные царские времена богатства русской культуры были недоступны народу». Теперь же «миллионы людей полной мерой пьют из чаши русской культуры, миллионы завоевали право читать Толстого, слушать музыку Чайковского, восторгаться гениальным законом великого Менделеева».

Следующий фрагмент выполнен в соответствии с избранной публицистической установкой «чем проще, тем лучше». Описывая работу советских заводов, Гроссман восторженно сравнивает «потoki сверкающей стали» с реками, которые «несут, подобно разлившейся Волге, десятки миллионов тонн стали, чугуна, меди, алюминия, желтой пшеницы, взрывчатых веществ». А «заревы доменных печей» предсказуемо уподобляется красному знамени «сурового трудового народа».

Рецензенты ранних произведений Гроссмана неоднократно отмечали, что он пишет чересчур экстравагантно⁵. Некоторые сравнения у него звучат искусственно и претенциозно. Здесь ситуация обратная. Гроссман будто намеренно избегает вычурности. Потoki стали сравниваются с реками, красное знамя – с огнем. Вряд ли можно классифицировать образы по изысканности, однако, если бы это было возможно, в данном случае речь шла бы о базовом уровне.

Завершалась эта публикация ритуальными фразами о роли партии и ее лидеров, а также заверением, что фашисты будут уничтожены.

Вторая статья выглядит как противоположность первой.

Если в «Готовности к подвигу» Гроссман писал о «новом законе», то здесь речь идет о «новом порядке» – о гитлеровской политике. Впрочем, «“Новый порядок”, который устанавливает Гитлер,

⁴ См.: Эткинд Е.Г. Нет двух правд: О советском издании романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Страна и мир. 1988. № 6. С. 132–137.

⁵ См., напр.: Мунблит Г.Н. Мера и грация // Литературная газета. 1934. 16 нояб.; Лежнев А.З. Чувство товарищества // Красная новь. 1935. № 2. С. 219–230.

совсем не нов. Ему много сот лет, этому порядку инквизиции, костров, мракобесия».

Историческая параллель переводит заковыченное выражение «новый порядок» в контекст, близкий к ироническому. Коль скоро гитлеровская политика отбрасывает Европу в Средние века, о каком развитии и о какой модернизации может идти речь. Наоборот, это деградация до уровня средневекового феодализма. А у феодала, как известно, «нет морали, нет запрета. У него нет жалости; его прихоть, каприз – высший закон для крепостного люда».

По Гроссману, распространение фашизма угрожает всем культурно-политическим достижениям Европы, и не только Германии. Гитлер «хочет заставить мир отказаться от того, что добыто усилиями просветителей, борьбой французского народа во время революции 1789 года, во время Парижской Коммуны, он хочет растоптать национальную независимость английского народа, он поднял руку на великие завоевания Октябрьской революции в СССР».

Характерно, что в этом фрагменте, как и в статье в целом, экспрессии куда как больше, чем в первой публикации.

Далее Гроссман сочувственно пишет о странах, уже пострадавших от гитлеровской агрессии. Во Франции «среди платанов и виноградников маршируют фашистские полчища», а «прекрасный Париж переживает дни позора и траура». Грецию, «страну священных для человечества памятников культуры, страну пастбищ и садов, оскверняют вонючие сапоги фашистов». Высказывает Гроссман сочувствие к Сербии и к Бельгии, чей народ, «бывшийся с гнусными полчищами герцога Альбы, порабощен».

Примечательно при этом, что Гроссман ни слова не говорит о колониальной политике Франции и Бельгии. Не говорит он и о том, что Франция и Бельгия еще недавно были опасными политическими конкурентами СССР, а Бельгия до 10 мая 1940 г. сохраняла политический нейтралитет. Однако бывшие оппоненты уже стали союзниками, поэтому критика не подразумевалась. Все ради достижения публицистической цели.

С другой стороны, такой подход нетрудно было аргументировать. Плох был не весь капиталистический мир. Плохи были те, кому было выгодно сохранение капитализма. Гроссман писал не о буржуазии и не о главах государства – он писал о простых людях. По этой причине в абзаце, посвященном Бельгии, Гроссман негодует, что «фашисты хозяйничают на металлургических заводах Бельгии, ее знаменитых каменноугольных выработках. Шарят лапами в крестьянских закромах».

Схожая, рабоче-ориентированная характеристика дается и Норвегии. По Гроссману, это страна тружеников – страна «рыбачков, лесорубов, мореплавателей». И там, «среди каменных кружев

фиордов, в прекрасных гордых лесах копошатся зловонные коричневые клопы».

Далее – нота сострадания к Европе и прозрачные аллюзии (с обратным политическим значением) на заглавие книги Г. Уэллса «Россия во мгле»: «Ночью Европа во мгле. Люди спят тревожно, чутко, готовые по первому зову гудков и сирен покинуть свои комнаты, квартиры, зарыться в землю, спуститься в глубокий подвал. Европа во мгле!»

В публицистическом и идеологическом аспекте особенно важен следующий абзац, где снова подчеркивается политическое различие между эксплуатируемыми и эксплуататорами в Европе. «Кто породил этих страшных людей, проповедников рабства, неравенства, угнетения?» – восклицает Гроссман и сам же отвечает на свой вопрос: «Нет, не немецкий народ! Немецкий народ, содрогаясь от ужаса, следит за нацистской расправой над миром». Охарактеризованный как «великий человек», Альберт Эйнштейн покинул Германию «с негодованием и отвращением». Многие другие деятели культуры и науки «бежали из чумного гитлеровского царства». А если бы Рихард Вагнер мог угадать, «что его музыка будет нравиться Гитлеру, он бы не стал писать ее». Гроссман настаивает, что во всем виноват европейский империализм. И немецкий фашизм – самое страшное его проявление. Но это отнюдь не патология немецкой истории – к несчастью, это ее норма и естественный результат: «Коричневых клопов породили господствующие классы Германии. Помещики с моноклем из помещичьих усадеб, баварские бюргеры, короли химии, угля и стали. Омерзительная прусская государственность, самая кичливая, наглая, самая гнусная и самоуверенная, участвовала в рождении нацизма. Прусская реакция всегда была враждебна гению немецкого народа».

Аргументируется это суждение ссылкой на ряд исторических прецедентов: «Юлиус Роберт Майер, открывший закон вечности энергии, был доведен до сумасшествия и покончил самоубийством, выбросившись из окна. Великий химик Либих, поэт Гейне, – почти все германские писатели, философы и ученые жили в великой нужде, изгонялись из университетов, подвергались репрессиям и преследованиям».

Гроссман, видимо, выбирал наиболее близкие по его образованию примеры. Однако экскурсы в биографию великих немцев удивительно неточны.

Юлиус фон Майер (также Мейер; (1814–1878)) не был фигурой столь трагичной, как изобразил Гроссман. Он был достаточно скромен, в юности не смог завести надежных связей в научном мире. Его конкурентами (и потенциальными партнерами) были известнейшие в то время физики и химики. Достижения Майера

долгое время игнорировались, и отчасти по этой причине бóльшую известность получил Джеймс Джоуль, высказавший и аргументировавший идеи, схожие с идеями Майера. Постоянные конфликты с известными немецкими профессорами, отсутствие возможности опубликовать свои работы действительно довели Майера до попытки суицида. Однако лишь до попытки. Выбросившись из окна 18 мая 1850 г., он не умер – только сломал ногу. В 1851 г., переболев менингитом, он был отправлен на принудительное лечение в психиатрическую клинику. Методы лечения там, конечно, не были гуманными, но мало где дела в то время обстояли иначе. Кстати, вскоре после выписки его работы уже были оценены по достоинству. Сказать, что он умер в безвестности, было бы неверно⁶ [Храмов 1983].

Еще меньше соответствует контексту гроссмановской статьи биография Юстуса фон Либиха (1803–1873). Он был сыном промышленника, учился в университете Бонна. Его наставником был известнейший немецкий химик, профессор Карл Вильгельм Готлоб Кастнер. Он же, кстати, был и партнером отца Либиха по бизнесу. Впоследствии Либих обучался в Париже, причем не за свой счет. Кастнер добился того, чтобы тому был выписан грант из бюджета Гессена. Либих сделал великолепную научную карьеру и был лично отмечен королем Баварии Максимилианом Вторым, пожаловавшим тому должность профессора в Мюнхенском университете Людвиг-Максимилиана. Вскоре Либих стал советником монарха по науке. Дабы силы великого ученого не расточались, ему были созданы особые условия. Либих переехал в дом, больше напоминавший особняк. Там была лаборатория, в которой он проводил эксперименты, и прекрасно оборудованный кабинет. Рядом с домом выстроили лекционный театр, рассчитанный на 300 человек. В 1858 г. Либих был избран постоянным председателем Баварской академии естественных и гуманитарных наук. Он оставался в славе и почете до 1864 г., т. е. до самой смерти своего покровителя, Максимилиана Второго. Когда же того не стало, Либих и все его окружение, исповедовавшие протестантизм, как и сам Максимилиан Второй, стали объектом ожесточенной критики со стороны ультрамонтанов, набиравших влияние в Баварии. И все же это мало повредило его репутации – тем более в научном мире [Шарвин 1925].

Иначе говоря, если бы Майера еще и можно было – с явными натяжками – выдать за жертву исторических обстоятельств,

⁶ См. подробнее: *Замятин Е.И.* Роберт Майер // Сайт, посвященный творчеству Е.И. Замятина [Электронный ресурс]. URL: <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/robert-majer.htm> (дата обращения 1 апр. 2019).

то Либиха – никак нет. Первый был скорее жертвой чопорного научного сообщества, не желавшего принимать новичка, – второй на склоне лет конфликтовал с адептами консервативного католицизма. Но ни первый, ни уж точно второй империалистами унижены и порабощены не были. Тем более Либих не знал ни «великой нужды», ни «изгнания из университетов».

Пример с Гейне (1797–1856) тоже вряд ли уместен. Да, в 1821 г. у него был конфликт с администрацией геттингенского университета. Однако он там был студентом, а не профессором. И был не «изгнан», а на полгода отстранен от учебы из-за того, что вызвал одного из товарищей на дуэль. Она, кстати, так и не состоялась – именно благодаря тому, что ректорат проявил бдительность. Положенного срока Гейне, впрочем, не выждал – поступил в университет Берлина, не встретив никаких тому препятствий⁷.

Был ли Гроссман осведомлен об этом? Лукавил ли в угоду публицистической цели? Определенно сказать невозможно.

Но что же противопоставить «средневековой», «феодальной» силе, грядущей с Запада? Конечно, силу советского оружия и русского духа. И переоценить их историческое значение невозможно: «Вся земля, затаив дыхание, следит за смертной битвой, идущей между фашистами и свободными советскими людьми. <...> В бой за свободу, за культуру, цивилизацию... Против феодального рабства, против голода, позора, неравенства, мракобесия!» – призывает автор.

Завершают статью лаконичные формулы надежды: «Два года Европа во мгле. Но пламя борьбы на Востоке бросает свои отблески на черную ночь. Это пламя утренней зари». Однако в контексте всей публикации они приобретают особое, торжественное звучание.

* * *

В основе обеих статей – контраст.

«Готовность к подвигу» представляет читателю картину советского мира, не дрогнувшего под натиском врага. На смену мирному труду пришел труд ратный. Гроссман акцентирует, что советский народ не хочет войны – и все же он готов к ней. Скудость вооружения царской армии противопоставляется обилию боеприпасов армии СССР. А естественному в таких условиях страху перед лицом врага противопоставляется бесстрашие красноармейцев.

⁷ *Вейнберг П.И.* Генрих Гейне: Его жизнь и литературная деятельность // Электронная библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wejnberg_p_i/text_0080.shtml (дата обращения 1 апр. 2019).

В «Коричневых клопах» контраст иного рода. Алчность, подлость и жестокость гитлеровцев противопоставляются доблести и миролюбию европейских рабочих, а также благородству советских людей. Здесь же Гроссман актуализирует принципиальную для пропаганды СССР антитезу «капиталистическое–социалистическое». С этой целью человеконенавистническая политика Гитлера объявляется итогом прусского империализма. То обстоятельство, что последователи Гитлера причисляли себя к национал-социалистам, игнорировалось. Очевидно, любое уточнение понятия «социализм» создавало риск его дискредитации. Отмечу, однако, что и друг с другом статьи Гроссмана контрастируют. Первая посвящена жизни СССР, вторая – жизни разоренной Европы. Гигантский континент оказался расколот. С одной стороны – кровавый режим Гитлера. С противоположной – единственная сила, способная его уничтожить. Таким образом два этих материала оказываются логически и композиционно связанными. Эта особенность позволяет предположить, что Гроссман изначально планировал последовательную публикацию двух этих материалов. Такое выступление в печати вполне могло стать визитной карточкой для писателя, планировавшего поступление в штат газеты «Красная Звезда». Это и случилось в августе 1941 г. [Бочаров 1990, с. 104].

Литература

- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990.
- Елина 1994 – *Елина Н.Г.* Василий Гроссман. Иерусалим, 1994.
- Мальгина 2018 – *Мальгина Н.М.* Андрей Платонов и литературная Москва. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Мунблит 1964 – *Мунблит Г.* Гроссман Василий Семенович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1964. Стб. 398–399.
- Храмов 1983 – *Храмов Ю.А.* Майер Юлиус Роберт (Mayer Julius Robert) // Физики. Биографический справочник / Под ред. А.И. Ахизера. М.: Наука, 1983. С. 174.
- Шарвин 1925 – *Шарвин В.В.* Юстус Либих. М.: Госиздат, 1925.
- Beevor 2006 – A writer at war: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945 / Ed. and translated by Antony Beevor and Luba Vinogradova. London: Pimlico, 2006.
- Anissimov 2012 – *Anissimov M.* Vassili Grossman: Un'écrivain de combat. Paris: Éd. Du Seuil, cop.
- Ellis 1994 – *Ellis F.* Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996.

References

- Anissimov, M. (2012), *Vassilii Grossman: Un écrivain de combat* [Vasily Grossman: a writer of war], Éd. Du Seuil cop, Paris, France.
- Beevor, A. and Vinogradova, L. (ed.) (2006), *A writer at war: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945*, Pimlico, London, UK.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasily Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassily Grossman: Life, legacy, fate], Sovetskii Pisatel', Moscow, USSR.
- Elina, N.G. (1994), *Vassilii Grossman* [Vasily Grossman], Jerusalem, Israel.
- Ellis, F. (1994), *Vassily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, N.Y., USA.
- Malygina, N.M. (2018), *Andrey Platonov I literaturnaya Moskva* [Andrey Platonov and literary Moscow], Nestor-Istoriya, Moscow, St. Petersburg, Russia.
- Munblit, G. (1964), "Grossman Vasily Semyonovich", *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief literary encyclopedia], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR, col. 398–399.
- Khramov, Yu.A. (1983), "Mayer Julius Robert", in Akhizer, A.I. (ed.), *Fisiki. Biograficheskii spravochik* [Physicists. Biographical reference], Nauka, Moscow, USSR, p. 174.
- Sharvin, V.V. (1925), *Justus Liebig*, Gosizdat, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yury G. Bit-Yunan, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; bityunan@gmail.com

УДК 070(09):82

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-109-117

Публицистический диалог
К. Малапарте и Л.Д. Троцкого
(роман «Бал в Кремле»)

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена публицистическому аспекту романа итальянского писателя К. Малапарте «Бал в Кремле». Этот роман написан как воспоминания о поездке в СССР в 1929 г. и посвящен жизни советской элиты. В романе Малапарте продолжает полемику с Л. Троцким. Троцкий ранее утверждал, что коррумпированная советская элита – сторонники Сталина. Наоборот, Малапарте стремится показать, что коррумпированная элита – сторонники Троцкого.

Ключевые слова: К. Малапарте, Л.Д. Троцкий, роман «Бал в Кремле», термидор, советская элита

Для цитирования: Одесский М.П. Публицистический диалог К. Малапарте и Л.Д. Троцкого (роман «Бал в Кремле») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 109–117. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-109-117

Curtio Malaparte's polemic with L. Trotsky
(the novel "The Ball at the Kremlin")

Mikhail P. Odesskiy

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, modessky@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the polemic aspect of the novel by Italian writer K. Malaparte "The Ball in the Kremlin". This novel is written as memories of a trip to the USSR in 1929 and is dedicated to the life of the Soviet elite. In the novel Malaparte continues the debate with Leon Trotsky. Trotsky had previously claimed that the corrupt Soviet elite were Stalin's supporters. On the contrary, Malaparte seeks to show that the corrupt elite are supporters of Trotsky.

© Одесский М.П., 2019

Keywords: Curtio Malaparte, L. Trotsky, the novel “The Ball at the Kremlin”, Thermidor, Soviet elite

For citation: Odesskiy, M.P. (2019), “Curtio Malaparte’s polemic with L. Trotsky (the novel “The Ball at the Kremlin”)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 109-117, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-109-117

Итальянский писатель Курцио Малапарте (Курт Эрих Зукерт, 1898–1957) эпатажной парадоксальностью своих сочинений будоражил читателей в течение нескольких десятилетий (см. его новейшую биографию [Serra 2012]). В романах «Капут» (1944) и «Шкура» (1949) он пытался поставить мировоззренческий диагноз Европе, выходящей и вышедшей из кошмара Второй мировой войны. Еще на той стадии, когда роман «Шкура» о конце войны и падении Муссолини не был завершен, в его составе начал кристаллизироваться роман о советской Москве. Впоследствии планы писателя изменились, роман, в итоге озаглавленный «Бал в Кремле», отделился от «Шкуры», но не был закончен, и его опубликовали после смерти автора (1971).

Основой «Бала в Кремле» стали воспоминания о посещении СССР в мае–июне 1929 г., где Малапарте – в ту пору сотрудничавший с фашистским режимом и редактировавший популярную туристскую газету “Stampa” – собирал материалы по социалистической стране, истории русской революции, биографии Ленина. Но если в 1929 г. действительные впечатления Малапарте были ориентированы на поиск новых перспектив, подразумеваемых советским опытом, то автор «Бала в Кремле» уже возвращается к этому опыту в послевоенной ситуации и даже прибегает к политическому дискурсу, который напоминает об идущей «холодной войне»:

Автор глубоко убежден, что если нынешняя марксистская знать будет господствовать в Европе, он сам и все его читатели закончат у стенки. <...> Мысль о том, что все свободные люди в Европе и в целом мире будут уничтожены жестокой, алчной и аморальной марксистской знатью, заслуживает серьезного обдумывания¹.

Равным образом, жанр, к которому принадлежит «Бал в Кремле», отнюдь не воспоминания или документальный тревелог (как у Вальтера Беньямина, Андре Жида и других знаменитых гостей Советского Союза). Это – подчеркивает Малапарте в первом же

¹ *Malaparte C. Il ballo al Kremlin (Materiale per un romanzo) / A cura di R. Rodondi. Milano: Adelphi Edizioni, 2012. P. 15–16.*

предложении своей книги – роман: «В этом романе, представляющем собой верный портрет марксистской знати в СССР...»². Точнее – оригинальный исторический роман о событиях 1929 г.

Автор вводит в повествование реальных деятелей недавнего прошлого и самого себя, но вместе с тем сохраняет за собой право на вымысел, иногда – трудно обнаружимый, иногда – прямо демонстративный (в 1929 г. он якобы посещает квартиру погибшего Маяковского, который, как известно, застрелился в 1930-м). В результате роман подобного типа оказывается синтезом художественного и публицистического компонентов: Малапарте, не ограничиваясь колоритными образами, спорит и агрессивно убеждает читателя, причем одни аргументы явно восходят к концу 1920-х, когда он впервые приехал в СССР, а другие – к 1940–1950-м гг., когда работал над романом. Отсюда задача данной статьи – анализ принципиальной для публицистического компонента «Бала в Кремле» полемики с Л.Д. Троцким.

* * *

Роман озаглавлен «Бал в Кремле». Однако бал, который мотивирует заглавие, происходит на другом берегу Москвы-реки, напротив Кремля, – в здании британского посольства на Софийской набережной. Торжественный прием, устроенный в мае 1929 г. Эсмондом Овеем (посол в 1925–1929 гг.), украшают «звезды» московского бомонда: дипломаты Лев (в романе Алексис) Карахан и Д.Т. Флоринский, блистательные красавицы-«beauties» – актриса Розенель-Луначарская (жена наркома просвещения), балерина Семенова, жена влиятельного политика Бубнова (в скором времени преемника Луначарского на его посту), жены военачальников (в романе названы маршалами, но чин будет введен только в 1935 г.) Буденного и Егорова (актриса Цешковская). Роскошные туалеты, оркестр играет танго из фильма «Я целую Вашу руку» (1929) австрийского режиссера Роберта Ланда (музыка Ральфа Эрвина; пикантно, что фильм посвящен парижской жизни русских эмигрантов) и прочие западные хиты. Светский разговор ведется об отношениях Карахана и Семеновой. То есть Кремль у Малапарте не древний архитектурный комплекс в центре Москвы, а символическое обозначение главного героя романа – коммунистической аристократии.

Автор подразумевает здесь базовую для романа аналогию Октябрьской революции с Французской революцией XVIII в., прежде всего переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.), когда якобинская диктатура Робеспьера была свергнута его же бывшими

² Ibid. P. 16.

соратниками. Победители-«термидорианцы» установили новое революционное правительство – Директорию, фактически возглавленную Полем Баррасом, которая 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.), в свою очередь, была свергнута революционным же генералом Наполеоном Бонапартом.

Отсюда, продолжая аналогию, уподобление кремлевской аристократии – «революционной знати, которая появилась в годы Французской революции и которая во времена Директории толпилась у кресла Барраса»³, а «Сталин ведь был Бонапартом после восемнадцатого брюмера, хозяином, диктатором, коммунистическая знать была против него, как класс парвеню Директории был против Бонапарта»⁴. Возможно, отсюда же такая анахронистическая деталь, как упорное именование советских полководцев «маршалами»: чин был введен позднее – в 1935 г., но зато получается эффектная параллель с маршалами Наполеона. К примеру, «головкружительная карьера от нижнего чина царской армии до маршала Красной кавалерии» С.М. Буденного названа карьерой «от *sousoff* до Мюрата»⁵: храбрый кавалерист Иоахим Мюрат (1767–1815) во времена революции и Наполеона тоже поднялся от сублейтенанта в 1792 г. (*sousoff*, буквально «суб-офицер») – до маршала Франции в 1804 г.

Такого рода сопоставления с Французской революцией нельзя признать оригинальными (см. подробнее: [Одесский, Фельдман 2012, с. 17–168]). Напротив, это – устойчивый символический код, еще в XIX в. востребованный не только и не столько учеными, сколько публицистами, политиками, в частности профессиональными революционерами. В этой системе свое место занимал и «термидор».

При помощи аллюзии на «термидорианскую» реакцию оппоненты почти сразу начали оценивать политику В.И. Ленина: меньшевик Ю.О. Мартов употреблял термин в негативном смысле, именуя «термидором» большевистскую диктатуру как искажение социалистической программы, а кадет Н.В. Устрялов – в позитивном смысле, приветствуя НЭП как возвращение к национальной государственности и частной собственности. Сами большевики эти терминологические игры понимали, реагировали на них, но в официальных документах не употребляли. Изменилась ситуация в середине 1920-х. Сторонники Троцкого – представители так называемой левой оппозиции – обвинили в «термидорианстве» (точнее – в «термидорианской» тенденции) И.В. Сталина и руко-

³ Ibid. P. 12.

⁴ Ibid. P. 19.

⁵ Ibid. P. 38.

водство партии, намекая на отказ от идеалов Октябрьской революции, «перерождение», и на троцкистской демонстрации, приуроченной к 10-летию Октября, несли плакаты «Долой Термидор!» (см. об этапах и нюансах борьбы за идеологему «термидор»: [Кондратьева 1993]).

После изгнания из СССР Троцкий, освободившись от цензуры и самоцензуры, продолжил разработку концепции советского «термидора» и превратил ее в своего рода брэнд. Согласно Троцкому, истинная суть «термидора» заключается в бюрократизации революционного государства, что хотя позволяет сохранять некоторые завоевания революции (организатор захвата власти в Октябре 1917 г. не мыслил себя отдельно от мифа социалистической революции), но обуславливает раскол коммунистической элиты, отрыв партийного руководства от революционного класса, ликвидацию «старой гвардии» и перерождение оставшихся. Отмечая все новые и новые моменты сходства французского и советского «термидора», Троцкий, в частности, указывал: «Период борьбы с троцкизмом был вместе с тем временем расцвета всякого рода секретных и полусекретных салонов и вообще своего рода светской жизни»⁶.

Троцкий в романе не фигурирует, он уже изгнан и табуирован (правда, подробно описана беседа с О.Д. Каменевою, сестрой Троцкого и бывшей женой другого опального вождя – Каменева), однако концепция Малапарте нацелена против Троцкого. Согласно «Балу в Кремле», «термидор» – определение не тех, с кем троцкизм спорит, а троцкизма:

Про себя я смеялся, думая об изгнании Троцкого. <...> Для меня отвратительно было не то, что он убил тысячи буржуа, контрреволюционеров, царских офицеров, а то, что он убивал их, движимый дурными чувствами. <...> Я винил его в том, что он возглавил политическую группировку, которая, как это ни странно, отождествляла себя с советским правящим классом в 1929–1930 годы. За полемикой Троцкого стояли педерасты, шлюхи, разбогатевшие мещанки, низшие офицерские чины – все, кто нажился на Октябрьской революции⁷.

Отождествив кремлевскую элиту 1929 г. с «термидором», а «термидор» – с троцкизмом, Малапарте придал своему послевоенному роману статус очередной реплики в многолетнем диалоге с Троцким. За двадцать лет до того – по собранным в СССР

⁶ *Троцкий Л.Д.* Сталин: В 2 т. / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Т. 2. М.: Терра–Тerra: Политиздат, 1990. С. 217.

⁷ *Malaparte C.* Op. cit. P. 49.

в 1929 г. материалам – Малапарте по-французски опубликовал трактат «Техника государственного переворота» (1931; по-итальянски издан в 1948 г., после падения Муссолини), один из политологических шедевров века.

По мнению автора эпатажного трактата, концепция народного восстания, освященная революционной традицией XVIII–XX вв., устарела. На его взгляд, актуальным реалиям отвечает другая концепция – «государственного переворота», который производит компактная штурмовая группа боевиков, нацеленная на захват не правительственных учреждений, а городских коммуникаций. С этой точки зрения Наполеон, Юзеф Пилсудский или Гитлер (на момент написания трактата) – неудачники-дилетанты. И даже – Ленин. Первооткрывателем же и мастером новой рациональной техники объявляется Троцкий: «Если Ленин – стратег большевистской революции, то Троцкий – тактик государственного переворота в октябре 1917 года»⁸.

У Малапарте достойный соперник Троцкого – лишь Сталин. Он изучил изобретенную Троцким «технология» и теперь способен остановить «великого мятежника»:

Сталин – единственный государственный деятель Европы, который сумел извлечь урок из октябрьских событий 1917 года. Если коммунисты всех европейских стран должны учиться у Троцкого искусству захвата власти, то либеральные и демократические правительства должны учиться у Сталина искусству защищать государство от повстанческой тактики коммунистов, то есть от тактики Троцкого⁹.

Сталин – человек не слова, а воли, практик, вставший на защиту государства:

Сталину совершенно несвойственны такие качества русских, как апатия, ленивое непротивление добру и злу, туманный, бунтарский и вредоносный альтруизм, наивная и жестокая доброта. Сталин не русский, он грузин: его хитрость соткана из терпения, воли и здравого смысла; он упрямец и оптимист¹⁰.

Примечательно, что в 1956 г. Малапарте опубликовал статью «Визит к Сталину», где уважительно поведал о состоявшейся

⁸ *Малапарте К.* Техника государственного переворота. М.: Аграф, 1998. С. 92.

⁹ Там же. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 132–133.

в 1929 г. беседе с советским лидером, которая, по его словам, касалась положения рабочих завода «Фиат», условий их труда, культурной работы и т. п. Однако в романе об этом ни слова.

За «Технику государственного переворота» Малапарте в Италии подвергался репрессиям, в гитлеровской Германии книгу публично сжигали, но и Троцкий, который вроде мог быть польщен концепцией автора, от нее отмежевался. Для теоретика перманентной революции, вызванной объективными историческими обстоятельствами, концепция итальянского писателя – реакционна и неадекватна:

Итальянский писатель... посетил в 1929 году советскую Москву, перепутал то небольшое, что услышал из пятых уст, и на этом фундаменте построил книгу о «Технике государственного переворота». Фамилия этого писателя, Маляпарте (так! – *М. О.*), позволяет легко отличить его от другого специалиста по государственным переворотам, который носил имя Буонапарте. В противовес «стратегии Ленина», которая связана с социальными и политическими условиями России 1917 года, «тактика Троцкого, – по словам Маляпарте, напротив, не связана с общими условиями страны». <...> Маляпарте много раз повторяет, что в октябре победила не стратегия Ленина, а тактика Троцкого. Эта тактика и сейчас угрожает спокойствию европейских государств. <...> Тщетно стали бы мы допытываться, для чего вообще нужна стратегия Ленина, зависящая от исторических условий, если тактика Троцкого разрешает ту же задачу при всякой обстановке. Остается добавить, что замечательная книга вышла уже на нескольких языках. Государственные люди учатся по ней, очевидно, отражать государственные перевороты. Пожелаем им всякого успеха»¹¹.

Соответственно в романе «Бал в Кремле» – уже с учетом Второй мировой – Малапарте представляет прямо-таки апокалиптические картины того, какую опасность для сталинского СССР мог представлять Троцкий:

Сталин выиграл войну против Гитлера в тот день, когда Жак Морнар (имя, под которым первоначально был известен Р. Меркадер, исполнитель убийства Троцкого в 1940 г. – *М. О.*) убил Троцкого, ударив его по затылку ледорубом. В тот день Гитлер проиграл войну. Войну выиграл Морнар, а не маршал Жуков. Вернись Троцкий в Россию в июне 1941 года, войди он в те чудесные теплые дни на Украину

¹¹ *Троцкий Л.Д.* История русской революции: В 2 т. / Общ. ред. Н. Васецкого. Т. 2. М.: Терра: Республика, 1997. С. 264.

в сопровождении попов в парадных одеяниях, распевающих старинные песнопения, во главе толпы солдат и офицеров, ему бы вышел навстречу весь украинский народ. Потому что Троцкий воплощал контрреволюцию, а только контрреволюция может или могла одолеть коммунистическую Россию. Весь московский правящий класс занял бы сторону Троцкого. Потому что при коммунистическом режиме бюрократия является и всегда будет троцкистской. Мы бы увидели, как всё невероятным образом становится с ног с голову: народ пошел бы за Троцким. А Россия, оставаясь советской по названию, стала бы фашистской Россией, в ее главе стоял бы похожий на Муссолини еврей – любитель разглагольствований и полемики, милитарист, напыщенный, высокопарный, самодовольный, наслаждающийся жизнью, со свитой сверкающих галунами и драгоценностями придворных. Потому что троцкизм – это фашизм...¹²

Именно Троцкий в романе «Бал в Кремле» – символ марксистской знати, деградировавшей и предавшей рабочий класс; наоборот, Сталин прокладывает дорогу новому поколению: «...новая знать, вышедшая из военного коммунизма и из НЭПа... теперь уступила место *элите стахановцев, ударников* (два последних существительных Малапарте транслитерирует. – М. О.), сталинской *элите* пятилеток – безжалостной, жалкой, но все же более человеческой»¹³.

Необходимо обратить внимание: по Малапарте, достоинство новой элиты отнюдь не в ее приверженности марксизму и вообще не в теории, а в ее человечности. Неясно, правда, почему и после Второй мировой войны Европа должна по-прежнему опасаться «марксистской знати», коль скоро она – троцкистская, следовательно, должна была быть давно уничтожена Сталиным.

Таким образом, в романе Малапарте «Бал в Кремле» документальные свидетельства о 1929 г. и зарисовки упадочных кремлевских нравов равно подчинены решению не только художественных, но и публицистических задач. В их ряду одна из важнейших – сопоставление французской и русской революций, функционирующее в контексте многолетнего публицистического диалога с покойным уже «великим мятежником».

¹² *Malaparte C.* Op. cit. P. 49–50.

¹³ *Ibid.* P. 143.

Литература

- Кондратьева 1993 – *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М.: Ипол, 1993.
- Одесский, Фельдман 2012 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика власти: Тираниборчество. Революция. Террор. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.
- Serra 2012 – *Serra M.* Malaparte: Vitee Leggende. Venezia: Marsilio Editori, 2012.

References

- Kondratieva, T. (1993), *Bolsheviks-Jacobins and the spectre of Thermidor*, Ipol, Moscow, Russia.
- Odesskiy, M.P. and Fel'dman, D.M. (2012), *Poetika vlasti: Tyranoborchestvo. Revol'utsiya. Terror*. [Poetics of the power. The tyrannicides. The revolution. The terror], Russian political encyclopedia, Moscow, Russia.
- Serra, M. (2012), *Malaparte: Vite e Leggende*, Marsilio Editori, Venezia, Italy.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia; modessky@mail.ru

Роман П.Н. Краснова «За чертополохом» как феномен русской эмигрантской публицистики

Артем А. Панов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, panov.artem@list.ru*

Аннотация. В статье анализируется публицистическая составляющая романа П.Н. Краснова «За чертополохом», написанного в первые годы жизни писателя в эмиграции. Утопический роман повествует о будущем России, о том, что через несколько десятилетий она превратится в процветающее монархическое государство, основанное на православных идеалах. Автор анализирует исторический контекст написания романа, выявляет основные общественно-политические идеи романа, показывает их сходство и различия с основными идеологическими построениями русской эмиграции первой волны.

Ключевые слова: П.Н. Краснов, «За чертополохом», публицистика, эмиграция, утопия, непримиримость

Для цитирования: Панов А.А. Роман П.Н. Краснова «За чертополохом» как феномен русской эмигрантской публицистики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 118–122. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-118-122

P. Krasnov's novel "Behind the Thistle" as a phenomenon of the Russian emigrant journalism

Artem A. Panov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, panov.artem@list.ru*

Abstract. The article analyzes the journalistic component of P.N. Krasnov's novel "Behind the Thistle", written in the first years of the writer's life in exile. The utopian novel tells the story of the future of Russia, that in a few decades it will turn into a prosperous monarchical state based on Orthodox ideals. The author analyzes the historical context of the novel, reveals the main socio-

political ideas of the novel and shows their similarities and differences with the main ideological constructions of the Russian emigration of the first wave.

Keywords: P.N. Krasnov, “Behind the Thistle”, journalism, immigration, utopia, intransigence

For citation: Panov, A.A. (2019), “P. Krasnov’s novel ‘Behind the Thistle’ as a phenomenon of the Russian emigrant journalism”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 118-122, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-118-122

Основную часть известных читателю романов П.Н. Краснов, в годы Гражданской войны – атаман Всевеликого Войска Донского, уехавший в 1920 г. в эмиграцию, писал за границей, в Германии и Франции. Доминирующий жанр его произведений в годы эмиграции – реалистические романы-воспоминания о монархической, ушедшей России («От Двуглавого Орла к красному знамени», «Понять-простить», «Largo», «Екатерина Великая» и т. д.). Однако среди всего многообразия романов Краснова есть одно произведение, выделяющееся в первую очередь жанром, – роман «За чертополохом», написанный в 1921 г. и год спустя опубликованный¹. У романа была трудная судьба: в отличие от многих других произведений Краснова, «За чертополохом» был принят в эмигрантской среде более чем сдержанно². Однако роман этот стал признанным фактом эмигрантской публицистики – об этом свидетельствуют посвященные роману исследования [Лазаренко 1997, Зайцева 2010, Гопман 2003, Глушаков 2005, Ревякина 2015].

Сам Краснов назвал роман «За чертополохом» фантастическим, однако вполне уместно обозначить его как утопию или альтернативную историю: действие романа перенесено в 1960-е гг.

Сюжет произведения прост: группа русских эмигрантов, проживающих на территории Германии, решает отправиться в Россию, которая, как уверена европейская общественность, исчезла после Октябрьской революции в результате эпидемии чумы. Для того чтобы попасть на родину, эмигрантам приходится преодолеть большое поле, покрытое чертополохом, – своеобразную границу между Россией и остальным миром.

Выясняется, что Россия не исчезла. Напротив, она процветает. Монархический строй, допетровский быт, духовность, православие, отсутствие альтернативных политических партий сочетаются

¹ Краснов П.Н. За чертополохом: Фантастический роман. Берлин: Ольга Дьякова и Ко, 1922. 389 с.

² Руть. 1922. 14 мая.

в романе с высокой развитостью в технике, культуре и науке, творческой индивидуальностью и, как это ни парадоксально, свободой воли. Именно через описание идеальной модели общественного устройства и диалоги персонажей можно понять публицистическую направленность красноковского романа.

Признавая тяжесть положения русских эмигрантов, писатель видит основную задачу, стоящую перед эмиграцией, в возвращении и продолжении борьбы за Родину: «...я должен решиться и начать действовать. Там – правда. Родина есть. Она зовет меня» – звучит внутренний монолог одного из героев.

Такая позиция вполне совпадает с мироощущением Краснова, писавшего – одновременно с романом – «Открытые письма казакам», призывая их вернуться. В самом романе призыва к вооруженному сопротивлению нет, однако, если верить логике текста, большевики должны самостоятельно покинуть землю в результате народного бунта, вызванного возникшим голодом. Далее, естественно, встанет вопрос о принципах организации жизни и политическом устройстве. Художественный прием гиперболы, использованный Красновым, затрудняет порой понимание истинной задумки автора. Но общее повествование наталкивает читателя на мысль о том, что организация жизни должна происходить по традиционным, русским, неевропейским, допетровским канонам.

Всеобщее покаяние перед Богом и Церковью за совершенные грехи, призвание царя-монарха в Россию, искоренение всего того, что напоминало бы власть «красных», воспитание духовности и любви к труду, полное ограждение от чуждых русскому народу явлений – вот что необходимо сделать для процветания страны, которое обязательно наступит спустя годы. После создания сильной, независимой страны Россия самостоятельно снимет чертополоховые заросли и предложит руку помощи нуждающейся Европе (в тексте – Германии) и «не потерпит ни малейшего надругательства над верой Христовой и русским именем».

Так воцарится новый «русский мир».

Предложенное Красновым видение отнюдь не ново для общественной мысли русской эмиграции первой волны. Несмотря на то что к 1921 г. в публицистике еще не развернулась активная борьба разнообразных идеологических и политических течений, роман все же имеет сходство с некоторыми из них.

Так, в первую очередь роман «За чертополохом» отвечает принципу *непримиримости*. Принцип этот, разделявшийся многими видными деятелями русской эмиграции, подразумевал принципиальную невозможность сотрудничества с коммунистами, в этом отказе эмигрантам виделась «духовная гигиена, санитария,

ассенизация»³. *Непримиримость* подразумевала полное отрицание *сменовеховства*, ставшего популярной теорией в 1920-е гг. Соответственно Краснов разделяет и принцип *антикоммунизма*, который также был популярен в среде русских философов-эмигрантов.

Некоторые современные исследователи (например, М. Аптекман) видят в произведении Краснова истоки романа В. Сорокина «День опричника»:

Сорокин, через сознательную деконструкцию национал-патриотической евразийской мифологии, наиболее ярко выраженной романом Краснова, блестяще и успешно разрушает законы определенного жанра, широко популярного среди современных российских националистов⁴.

Однако представляется, что сводить роман «За чертополохом» исключительно к *евразийству* – не вполне корректно. Безусловно, между красновским произведением и философскими трактатами ранних евразийцев (см., например, работы Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и др.) есть ряд общих тем: «уход» от европоцентризма, особая роль православия, этатизм. Тем не менее в центре красновского произведения – *монархизм*, о чем ранние евразийцы не говорили. Именно монархия, согласно Краснову, – спаситель от всех тех бед, в которые погрузилась Россия. И в этом смысле можно с уверенностью сказать, что идеология романа опирается на славянофильские идеи XIX в.

Таким образом, роман П.Н. Краснова «За чертополохом» можно рассматривать как особое публицистическое произведение, соединяющее в себе разные социально-политические идеи первой волны русской эмиграции.

³ *Карташев А.В.* Непримиримость // Азбука веры. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/nepirimimost/ (дата обращения 10 февр. 2019).

⁴ *Aptekman M.* Forward to the past, or two radical views on the Russian nationalist future: Peyotr Krasnov's "Behind the thistle" and Vladimir Sorokin's "Day of an oprichnik" // The Slavic and East European Journal [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/40651115?readnow=1&seq=6#page_scan_tab_contents (дата обращения 30 янв. 2019).

Литература

- Глушаков 2005 – *Глушаков П.С.* Историко-фантастический жанр в литературе русского зарубежья // Сибирский филологический журнал. 2005. Вып. 3. С. 24–30.
- Гопман 2003 – *Гопман В.Л.* Роман П.Н. Краснова «За чертополохом» и традиция русской литературной утопии // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен: Материалы Международной научной конференции. М.: Новый гуманитарный университет Натальи Нестеровой, 2003. С. 199–202.
- Зайцева 2010 – *Зайцева М.С.* Художественная концепция личности в историческом повествовании П. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени» в контексте отечественного романа XX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Армавир, 2010.
- Лазаренко 1997 – *Лазаренко О.С.* Русская литературная антиутопия 1990-х первой половины 1930-х годов: проблема жанра: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 1997.
- Ревякина 2015 – *Ревякина А.А.* «Любите Россию!»: Генерал П.Н. Краснов (литературная деятельность в эмиграции) // Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. М.: ИНИОН РАН, 2015. Вып. 4. С. 173–190.

References

- Glushakov, P.S. (2005), “Historical and fantastic genre in the literature of Russian abroad”, *Siberian philological journal*, no. 3, pp. 24-30.
- Gopman, V.L. (2003), “P.N. Krasnov’s novel ‘Behind the Thistle’ and the tradition of Russian literary utopia”, *Proc. Int. Sci. Conf. “Russian abroad – spiritual and cultural phenomenon”*, New Humanitarian University of Natalia Nesterova, Moscow, pp. 199-202.
- Lazarenko, O.S. (1997), Russian literary anti-utopia of the 1990s of the first half of the 1930s: An issue of the genre, Ph.D. Thesis, philology, Voronezh State University, Voronezh, Russia.
- Revyakina, A.A. (2015), “‘Love Russia!’ General P.N. Krasnov (literary activity in emigration)”, *INION RAN*, no. 4, pp. 173-190.
- Zaitseva, M.S. (2010), Artistic concept of personality in the historical narrative of P. Krasnov “From the double-headed eagle to the red banner” in the context of the Russian novel of the XX century, Ph.D. Thesis, philology, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia.

Информация об авторе

Артем А. Панов, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; panov.artem@list.ru

Information about the author

Artem A. Panov, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; panov.artem@list.ru

Документальный фильм Э.И. Шуб «Испания» как образец советской кинопублицистики 1930-х гг.

Ирина Н. Шрамчук

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irinmicash@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются публицистические приемы, которые использовала Э.И. Шуб при создании документальной картины «Испания» (1939 г.). Анализируется историко-политический контекст создания этого фильма, описываются приемы, которые использовали Шуб и другие создатели фильма. Выясняется степень достоверности событий, показанных в фильме. Делается вывод о том, что приемы, использованные в фильме, служили задачам политической пропаганды.

Ключевые слова: советская кинопублицистика, Э.И. Шуб, Гражданская война в Испании, фашизм, интервенция

Для цитирования: Шрамчук И.Н. Документальный фильм Э.И. Шуб «Испания» как образец советской кинопублицистики 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 123–128. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-123-128

Documentary movie of E. Shub “Spain” as an example of Soviet film publicism of the 1930s

Irina N. Shramchuk

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, irinmicash@gmail.com*

Abstract. The article analyses the publicistic techniques used by E.I. Shub when creating the documentary movie “Spain” (1939). The historical and political context of the creation of this film is analyzed, the techniques used by Shub and his colleagues-filmmakers are described. It reveals the degree of reliability of the events shown in the film. The article concludes that the techniques used in the film served the tasks of political propaganda.

Keywords: Soviet film publicism, Esther Shub, Civil war in Spain, fascism, intervention

For citation: Shramchuk I.N. (2019), "Documentary movie of E. Shub "Spain" as an example of Soviet film publicism of the 1930s". *RSUH / RGGU Bulletin. RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 123-128. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-123-128

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. взволновала умы и сердца не только простых советских граждан, но и деятелей искусства. В те годы сразу у нескольких кинематографистов и писателей возникла идея снять фильм: у С.М. Эйзенштейна и В.В. Вишневого – в 1937 г., у М.Е. Кольцова, Р.Л. Кармена и Э.И. Шуб – в 1938 г.

Предложение сделать фильм о Гражданской войне в Испании поступило Э.И. Шуб от Международной организации помощи борцам революции (МОПР) 4 ноября 1938 г.¹ Шуб воплотила в жизнь этот замысел в соавторстве с В.В. Вишневым как автором сценария, создав на основе кинохроники «К событиям в Испании» (операторы Р.Л. Кармен и Б.К. Макаеев) полнометражную документальную картину «Испания». Фильм вышел весной 1939 г. на «Мосфильме». Сорежиссером фильма был А. Фролов.

Фильм получил восторженные отзывы рецензентов. Так, например, писатель П. Павленко утверждал:

Из разрозненных документов создано прекрасное поэтическое произведение. То обстоятельство, что в основе лежит документ, волнует особенно сильно, потому что нельзя сыграть все те страшные сцены мужества, упорства и страдания, из которых создана картина².

Но не только благодаря документальным кадрам удалось создать картину, которая заставляет зрителя сопереживать. Масштабного эффекта в полной мере помогли добиться публицистические приемы, которые использовали авторы.

Один из таких приемов – смысловой монтаж. Шуб монтирует кадры из разных эпизодов, а также использует комментарии, которые не соответствуют визуальному ряду, но усиливают некоторые моменты и делают повествование более логичным.

Примеры монтажа кадров, нарушающего хронологию, приводит журналист «Литературной газеты» М. Гельфанд, участник испанских событий. Журналист критически замечает:

¹ РГАЛИ. Ф. 3035. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 1.

² Павленко П. Поэтическое произведение // Литературная газета. 1939. 10 июня.

Режиссер не вполне удачно использовал единственный в своем роде документальный материал: вместе с кадрами, относящимися к июльским событиям 1936 г., смонтированы снимки, которые могли быть лишь сделаны значительно позже. Такие, построенные сплошь из камня, долговременного типа баррикады были воздвигнуты в Мадриде лишь в ноябре–декабре 1936 г. В июле преобладал еще классический мешок с землей³.

Еще одним примером может служить эпизод на набережной в Сен-Себастьяне. Этот эпизод стал компиляцией кадров еще в хронике Р.Л. Кармена и Б.К. Макаеева «К событиям в Испании», когда вместо реальной атаки набережной с линкора была показана самолетная бомбардировка. У Шуб в эпизоде появляется фраза, которая является условным сигналом к началу мятежа, – «Над всей Испанией безоблачное небо»⁴. Это вымысел, мятеж к этому моменту уже начался, но эпизод делается более трагичным.

В своих мемуарах Шуб неоднократно повторяет, что для нее важно торжество «святого факта»⁵.

С одной стороны, можно предположить, что Шуб не знала о том, что кадры недостоверны, поскольку она не присутствовала на съемках; более того, первоначальный монтаж хроники также делала не она, не Фролов и даже не Кармен с Макаеевым. Проект от начала до конца редактировали разные люди, а оператор и режиссер могли оказаться заложниками монтажеров хроники.

Однако, с другой стороны, эта версия вряд ли верна. На просмотре кинофильма Фролов, отвечая на вопрос одного из журналистов, взят ли воздушный бой «с природы», ответил: «Конечно, это снималось в разных местах, а здесь так подобрано, материал, что как будто бы происходит все в одном месте, но это никакой разницы не имеет»⁶.

Таким образом, делались эти компиляции намеренно, с сознательным игнорированием исторической достоверности.

Шуб монтирует фильм с помощью своего фирменного приема – контрастного монтажа: последовательным чередованием кадров она добивается четкого противопоставления «хороших» республиканцев «плохим» мятежникам. Эпизоды мирного труда и идиллические картины быта сталкиваются с вражескими бомбар-

³ *Гельфанд М.* Летопись народной борьбы // Литературная газета. 1939. 1 авг.

⁴ Испания. Документальный фильм / Реж. Э. Шуб. Мосфильм, 1939 // Классика советского кино: Официальный канал.

⁵ *Шуб. Э.* Крупным планом. М.: Искусство, 1959. 256 с.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 8.

дировками, строй веселых республиканцев – с мрачным католическим шествием, панорамы красивых городов – с разрушениями и бомбежками.

При этом враг – по причине недостаточности материала – изображался условно. Чаще всего это кадры с вражескими самолетами в небе, техникой интервентов, редкими записями политических лидеров. В такой ситуации визуальный ряд дополняется комментарием.

Однако в фильме есть сильный полутораминутный эпизод, который емко обрисовывает портрет врага: сцена благословения франкистов католическими священниками. Действие происходит в Бургосе, столице Франко, и это – хроника самих франкистов.

Материала катастрофически мало, поэтому основной эффект достигается при помощи ритмического монтажа и музыки. Например, точно под музыку движется шествие, под призывный звук резко поднимаются солдаты с колен. Музыка в этом эпизоде – обработанные композитором Г. Поповым испанские сарабанды: торжественная, мрачная музыка, которую обычно играли на похоронах. Музыка усиливает ритуальный характер шествия монахов, превращая происходящее в средневековый «дикий» обряд. Такая музыка контрастирует с бодрыми, почти веселыми мелодиями, под которые уходят в бой республиканцы.

Монтаж дополняется коротким, но сильным комментарием. Вишневецкий написал его уже к готовому монтажу Шуб. Вот как описывает получившийся эпизод Шуб в своей книге:

Диктор: ОНИ ВОЗНЕСУТ...
 Поп с крестом
 МОЛИТВЫ...
 Стоят на коленях солдаты Франко
 ...И ПОШЛЮТ НА МАДРИД...
 Рука с крестом
 ...СВОЮ ПАСТВУ...
 Стоящий на коленях солдат
 ...КУЛАЧЬЕ ИЗ НАВАРРЫ...
 Рука с крестом.
 (Панорама) На коленях стоят солдаты Франко
 ЭТИХ ГОЛОВОРЕЗОВ!...
 Поп с крестом
 Приговор диктора: «УБИЙЦА»⁷.

⁷ Шуб. Э. Жизнь моя – кинематограф. М.: Искусство, 1972. 472 с.

Таким образом, Шуб «пересобирает» изначальный документальный эпизод, дополняя его уже новым, идеологически верным смыслом. Снятый франкистами материал срабатывает против них самих. Достигает этого Шуб с помощью всех средств, которые есть в ее арсенале: визуального ряда, музыкального сопровождения и словесной характеристики. В итоге враги в фильме – вполне в духе советских представлений о них. В частности, в духе представлений журналиста Б. Агапова:

Знамена, плащи, значки, ликторские розги, щиты с изображениями орлов, – вся эта идиотская эмблематика вандализма и, как окончательный символ, череп и кости: бомбами содрать скальп с планеты, и чтобы, как голый череп, вращалась она в пустоте⁸.

Следует отметить, что интервенты в фильме – это почти всегда либо собирательные образы фашистов, либо итальянцы, но не немцы. В одном из таких эпизодов визуальный ряд даже прямо противоречит комментарию. В то время как в кадре появляются колонны немецких солдат, узнаваемо подняв правую руку под углом в 45 градусов (понятно, что это именно нацистское приветствие, а не «римский салют»), закадровый текст сообщает: «Лондонский комитет делает вид, что не замечает отправки механизированных итальянских корпусов в Испанию».

Или, к примеру, эпизод с полетом фашистских самолетов на Мадрид. После просмотра окончательного варианта монтажа Вишнеvский просил Шуб сказать о «фашистской авиации четче: это немецкие самолеты» (выделено В. Вишнеvским. – *И. Ш.*). Шуб пишет, что она, «конечно, по просьбе Вишнеvского внесла все изменения в монтаж»⁹. Но вмешался сценарный совет, и решено было оставить предыдущий вариант текста: «Фашистские самолеты курсом на Мадрид»¹⁰.

Очевидно, между «фашистами» и «немцами» знак равенства не был поставлен по политическим причинам: власти СССР еще допускали в будущем возможность соглашения с Германией.

* * *

Итак, приемы, которые использует в фильме Шуб, – несинхронное озвучивание, монтаж повторов, соединение кадров из разных исторических эпизодов, комментариев, музыкальное сопровождение – подчинены задачам политической пропаганды. Как

⁸ Агапов Б. Испания // Известия. 1939. № 135.

⁹ Шуб. Э. Крупным планом. М.: Искусство, 1959. С. 159.

¹⁰ Испания. Документальный фильм...

и все виды искусства, кинодокументалистика в СССР была в первую очередь идеологическим оружием. Фильм «Испания» должен был объяснить публике установки советского правительства относительно Гражданской войны в Испании, которая трактовалась как уничтожение завоеваний Народного фронта путчистами и фашистами-интервентами. А произошло это из-за содействия мятежникам предательской «пятой колонны», а также из-за капиталистических держав: Англии, Франции и США, которые должны были оказать поддержку сражающимся республиканцам, но предпочли политику невмешательства.

Картина «Испания» стала началом нового этапа советской кинопублицистики. В 1930-е гг. велась полемика о формах и целесообразности документального кино, и на первый план выдвигали игровые фильмы. Как пишет И. Трауберг, «документализм как жанр долго был в загоне»¹¹. Эсфирь Шуб с помощью публицистических приемов переосмыслила материал, служивший изначально для сухих новостных сводок, и сумела доказать, что документальные фильмы могут оказывать не меньшее воздействие на зрителя, чем игровое кино. В следующее десятилетие «Испания» станет ориентиром для множества военных документальных картин.

Информация об авторе

Ирина Н. Шрамчук, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; irinnicash@gmail.com

Information about the author

Irina N. Shramchuk, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; irinnicash@gmail.com

¹¹ *Трауберг И.* Народ, который непобедим // Искусство кино. 1939 г. № 6. С. 4–6.

УДК 070.41

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-129-141

Светлое завтра вчера и сегодня
(советское речевое клише
в современном медиатексте)

Евгения Н. Басовская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, jeni_ba@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу истории формирования и дальнейшей лексико-стилистической эволюции устойчивого словосочетания *светлое завтра*. Опираясь на данные толковых словарей XIX–XX вв. и материалы официальной советской газеты «Правда», автор рассматривает *светлое завтра* как одну из советских идеологем и единицу так называемого новояза. Данная конструкция сохраняет устойчивость и в медиаречи первых десятилетий XXI в., анализируемой с привлечением материалов Национального корпуса русского языка и сайта издательского дома «Коммерсантъ». Делается вывод об актуальности конструкции *светлое завтра* для журналистского текста в качестве средства экспрессии и компактной передачи сложного смысла. Автор статьи прогнозирует дальнейшее применение словосочетания *светлое завтра* в русской публичной речи как символа прекрасных, но несбыточных надежд.

Ключевые слова: словосочетание *светлое завтра*, идеологема, новояз, обыгрывание фразеологизма, ирония

Для цитирования: Басовская Е.Н. *Светлое завтра* вчера и сегодня (советское речевое клише в современном медиатексте) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 129–141. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-129-141

Bright tomorrow yesterday and today
(Soviet collocation in a contemporary media text)

Evgeniya N. Basovskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, jeni_ba@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the history of formation and further lexical and stylistic evolution of the stable word combination *bright tomorrow*. Based on the data of explanatory dictionaries of the 19–20th centuries and the materials of the official Soviet newspaper “Pravda”, the author considers *bright tomorrow* as one of Soviet ‘ideologemes’ and a unit of the so-called Newspeak. This verbal formula remains unchanged in the media speech of the first decades of the 21st century is analyzed using materials of the National corpus of the Russian language and the website of the Kommersant publishing house. It is concluded that the set phrase *bright tomorrow* remains relevant for journalistic text as a means of expression and compact transfer of some complex meaning. The author of the article predicts further application of the collocation *bright tomorrow* in Russian public speech as a symbol of beautiful but unattainable hopes.

Keywords: collocation *bright tomorrow*, ideologema, Newspeak, expressive use of the idiom, irony

For citation: Basovskaya, E.N. (2019), “*Bright tomorrow* yesterday and today (Soviet collocation in a contemporary media text)”. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 129–141. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-129-141

Введение

Между эпохами нет и не может быть четких границ, в том числе и в плане лингвистическом: сегодняшнее словоупотребление одновременно опирается на речевую традицию и отталкивается от нее, причем оба варианта взаимодействия способны порождать экспрессию. Среди языковых средств прошлого, активно используемых, переосмысляемых, трансформируемых в вербальной коммуникации первых десятилетий XXI в., одно из заметных мест занимает советская фразеология. Как отмечает Л.Л. Федорова, современный публицистический дискурс опирается среди прочего на «штампы и клише советской эпохи» [Федорова 2016, с. 19–20]. Чрезвычайно существенна также мысль В.М. Мокиенко о том, что для перемещения фразеологизма с периферии в «центр литературного употребления» должна быть пройдена своеобразная «проверка на

публицистичность» [Мокиенко 2016, с. 18]. Именно этот процесс протекает при включении советского речевого клише в современный медиатекст.

Данная статья посвящена анализу функционирования в газетном дискурсе 2000–2010-х гг. словосочетания *светлое завтра*, которое приобрело устойчивость и получило статус идеологии в официальном языке советской эпохи (советском новоязе). Представляется перспективным выявление актуальных приемов использования данного словосочетания в изменившемся культурно-политическом контексте.

История советского фразеологизма светлое завтра

Существительное *завтра* фиксировалось русскими словарями XIX – первой половины XX в. в значении «день, следующий за сегодняшним» [Даль 1978, с. 564; Стоян 1913, с. 213; Толковый словарь 1935, с. 907]. Только в 1950-х гг. академические толковые словари отметили появление у слова переносного значения – «ближайшее будущее» и отразили в иллюстративном материале тенденцию к употреблению данной метафоры как высокого риторического средства. Так, в Большом академическом словаре были приведены две поэтические цитаты: «“И идея одна у нее – Сиять в настоящее завтра” (Маяковский) и “Там Верховная Ставка – наше сердце и мозг – В лучезарное завтра Строит армиям мост” (Саянов)» [Словарь 1955, с. 327].

Словосочетание *светлое завтра* в качестве устойчивого было впервые отражено Толковым словарем языка Совдепии, охарактеризовавшим его как синоним фразеологизма *светлое будущее* [Мокиенко, Никитина 1998, с. 198]. Сам факт фиксации данных клише словарем «“новояза”, политизированного советского языка» [Мокиенко, Никитина 1998, с. 5] служит одним из свидетельств того, что *светлое завтра* следует расценивать как идеологему – «вербально закрепленное идеологическое предписание» [Купина 2015, с. 17].

Наконец, Толковый словарь русского языка конца XX в. закрепил практику иронического постсоветского применения существительного *завтра*: «Завтра. Коммунистическое завтра. *Высок. Ирон.* (о коммунизме как ближайшем будущем)» [Толковый словарь 1998, с. 233].

Формирование и дальнейшая семантико-стилистическая эволюция речевого клише *светлое завтра* могут быть проиллюстрированы также материалами Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Первый зафиксированный здесь случай применения

словосочетания – текст статьи М. Горького «Заграничные впечатления» (1906). После этого однократного использования следует долгий перерыв, и лишь в середине – второй половине 1950-х гг. *светлое завтра* начинает встречаться в корпусе с нарастающей частотой: выявляются шесть вхождений советского и 20 – постсоветского периода¹.

Относительная немногочисленность включенных в основной корпус НКРЯ употреблений объясняется двумя причинами. Во-первых, *светлое завтра* функционирует как синоним более частотного словосочетания *светлое будущее* (более 50 вхождений дореволюционного, более 150 – советского и более 400 – постсоветского периода). Во-вторых, основной корпус в данном случае оказывается менее показательным, чем газетный, поскольку именно в текстах средств массовой информации наиболее активно протекал процесс идеологизации лексики и клиширования идеологизированных конструкций. Однако сегодня газетный подкорпус НКРЯ содержит лишь материалы 2000-х гг., что не позволяет увидеть реальную активность фразеологизма в советских СМИ.

Имеющиеся в НКРЯ примеры использования словосочетания *светлое завтра* в 1950–1980-х гг. подтверждают тезис о его функционировании как идеологемы: об этом говорит почти обязательное присутствие в микроконтексте слов *коммунизм* и *коммунистический* («Проспект Сталина так величав, что кажется, – он уходит в радостную бесконечность, в наше светлое коммунистическое завтра» (Литературная газета. 1950.01.11); «Программа, принятая XXII съездом КПСС, каждому из советских людей стала ярким маяком, освещающим путь в светлое завтра, в коммунизм» (Знамя коммунизма, Кимрский р-н Калининской обл., 1961))².

Аналогичный результат дает анализ употребления словосочетания *светлое завтра* в газете «Правда» 1957 г., проведенный методом сплошной выборки. Конструкция встречается на протяжении календарного года семь раз, из них пять – в контексте со словами *коммунизм*, *коммунистический*, *социализм*, *социалистический*. Подтверждается и предположение о том, что конструкция *светлое завтра* несет не только идеологическую, но и стилистическую нагрузку, обеспечивая вместе с другими языковыми средствами высокое риторическое звучание публицистического высказывания: «...авторитет... Коммунистическая партия Чехословакии заслужила своей преданностью великим идеям марксизма-ленинизма. Чехословацкий народ знает, что коммунистическая партия

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 15 февр. 2019).

² Там же.

привела его к власти, что только благодаря ее руководству он стал безраздельным хозяином своей страны и всех ее богатств. Коммунистическая партия уверенно ведет народ в *светлое коммунистическое завтра*»³; совершив социалистическую революцию, отстояв ее завоевания в неслыханно тяжелой борьбе, героический рабочий класс России в нерушимом союзе с трудовым крестьянством под руководством Коммунистической партии с честью выполнил великую миссию, возложенную на него историей, – построил первое в мире социалистическое общество, проложил основополагающий путь в *светлое завтра* всего человечества»⁴.

Таким образом, словосочетание *светлое завтра*, вероятно впервые использованное М. Горьким в начале XX в., оказалось востребованным в советскую эпоху в качестве идеологемы – компактного обозначения идеи прекрасного будущего, гарантированного советским людям после построения коммунизма. Кроме того, клише обрело свойства экспрессы [Костомаров 2005, с. 184] (или патетизма): его применение обеспечивало особую возвышенную тональность, характерную для официальных советских текстов.

Функционирование советизма светлое завтра в современном медиатексте

Распад советской общественной системы и идеологии лишил большое количество слов и словосочетаний статуса идеологем. При этом их экспрессия не только не была утрачена, но и оказалась дополнена новыми оттенками.

Одним из основных способов достижения публицистической выразительности в постсоветских средствах массовой информации стала языковая игра с советизмами – лексическими и фразеологическими единицами, обозначающими «реалии, специфически характерные для советской эпохи» [Павлова 2010, с. 110]. Во-первых, советизмы используются, как и другие историзмы, в качестве средства стилизации, создания атмосферы эпохи. Во-вторых, те из советизмов, которые имели в новоязе статус идеологем, могут анализироваться и комментироваться полемически. Наконец, в-третьих, в полном соответствии с общей тенденцией к ироническому переосмыслению высокой лексики [Кожина 2003, с. 40] советизмы-патетизмы чаще всего служат объектом пародийно-комического снижения.

³ Правда. 1957. 18 июля. С. 1.

⁴ Там же. 15 окт. С. 1.

Основной и газетный корпусы НКРЯ полностью подтверждают данные тезисы применительно к рассматриваемому словосочетанию. В ряде газетных публикаций *светлое завтра* упоминается как примета советского периода истории, причем автор может выражать несогласие с идеологическим наполнением словосочетания:

«А мы в России хотим наше завтра делать сегодня. Наши родители жили ради *светлого завтра*. Нас воспитывали надеждой на лучшее будущее» (Известия. 2001.12.14);

«Прежние вожди тоже слыли великими выдумщиками. Любили нарисовать какую-нибудь картину *светлого завтра*. Чтобы народ не отвлекался на сиюминутное, вроде хлеба и крова, а больше думал о возвышенном, например о том, как замечательно будут жить будущие поколения» (Новая газета. 2003.01.30);

«“Грядущие поколения” до *светлого завтра* не доживут» (Труд-7, 2006.01.20)⁵.

В других текстах *светлое завтра* служит символом недостижимого благополучия, противопоставляемого мрачной сегодняшней реальности: «Одни “живут огородом”, чтобы продержаться до *светлого завтра*» (Труд-7, 2000.08.24)⁶.

Ироническое переосмысление бывшей идеологемы происходит при не предусмотренной советским клише **конкретизации**:

«...Герои разъехали по домам, увезя из Москвы надежды на *светлое завтра*, бронзовые статуэтки, часы-штурвалы и другие подарки» (Труд-7, 2001.05.19); «*Светлое завтра* пляжного волейбола» (Известия. 2001.08.14); «*Светлое завтра* никак не наступает в Есино из-за проволочек газовщиков» (Комсомольская правда, 2005.10.28); «...Посреди клубы Ленин, как положено, с рукой, вытянутой в *светлое завтра*» (Комсомольская правда, 2006.05.17)⁷.

Активно используют журналисты и прием **расширения состава** фразеологизма, внедряя внутрь советизма логически несовместимые с ним **определения**:

«Знаете, в призыве: “Затянем еще туже пояса, чтобы побыстрее построить *светлое рыночное завтра*” – просматривается большевистский подход» (Труд-7, 2000.12.19); «Громкие “демократические”

⁵ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения 15 февр. 2019).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

журналисты... относились к Русской церкви и верующему народу вполне по-советски: как к досадной устарелой помехе, мешающей строить «*светлое завтра*», на этот раз капиталистическое» (Труд-7, 2004.08.05); «Путин не стал желать подвигов во имя построения *светлого капиталистического завтра*» (Труд-7, 2007.01.12); «А если граждане хотят, пусть сами откладывают денежки в счет *светлого пенсионного завтра*» (Комсомольская правда, 2012.07.03)⁸.

Еще один, вполне традиционный способ **иронического обыгрывания** речевого клише, имевшего в советском дискурсе высокий стилистический оттенок, – включение его в **микрореконтексты с использованием разговорных слов**:

«Команда России шлепнулась в подстеленную заранее соломку, сплетенную из уверений в ее *светлом завтра*» (Советский спорт, 2005.10.14); «А там, глядишь, научатся вместо утреннего пива голосовать по воскресеньям, избирая своих депутатов в муниципальные советы и Государственную думу. Так, потихоньку, и *светлое завтра* придет» (Комсомольская правда, 2013.10.14); «Коллегиальный орган Совета Европы опубликовал доклад, в котором деловито разложил по полочкам: что и как нужно менять в России, чтобы настало *светлое завтра* без межнациональной вражды» (Комсомольская правда, 2013.10.18)⁹.

Однако газетный подкорпус НКРЯ можно считать лишь относительно репрезентативным источником информации о функционировании советизма *светлое завтра* в современном медиатексте. Это обусловлено как ограниченностью представленного в нем периода (последние примеры – 2013 г.), так и узким кругом представленных в базе изданий. В связи с этим исследование

⁸ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения 15 февр. 2019).

⁹ Там же. Принадлежность слов «глядеть», «потихоньку» и словосочетания «разложить по полочкам» к разговорному стилю подтверждается данными словарей: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 г. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 15 февр. 2019); Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. Режим доступа: https://phraseology.academic.ru/10488/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D1%82%D1%8C_%D0%BF%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0%D0%BC (дата обращения 15 февр. 2019).

было продолжено с привлечением новейшего материала. Методом сплошной выборки были выявлены случаи применения словосочетания *светлое завтра* в течение 2014–2018 гг. в средствах массовой информации издательского дома «Коммерсантъ»¹⁰. Этот выбор определяется разнообразием данного медийного комплекса: в него входят газеты, журналы, радиостанция, и каждое СМИ имеет свою интернет-версию. Поэтому рассматриваемые материалы дают достаточно полное представление о языке современной журналистики.

На протяжении рассмотренного периода в материалах СМИ, объединенных издательским домом «Коммерсантъ», было выявлено 21 употребление словосочетания *светлое завтра*. Можно предложить следующую их классификацию.

1. Без формальных трансформаций и переосмысления – в функции **историзма** (советской идеологемы) в текстах, в которых затрагивается историческая проблематика: «Возвышенные социалистические идеалы и вера в *светлое коммунистическое «завтра»* в характере главной героини контрастируют с идейным упадком и разочарованием, проявляющимися по ходу действия»¹¹; «Советы же (в том числе и Верховный Совет) при ней служили декоративным украшением, таким же виртуально-ритуальным, как и прочие, – всенародные выборы, право наций на самоопределение, общенародная собственность и *светлое коммунистическое завтра»*¹².

2. Без формальных трансформаций и очевидного переосмысления – в **расширительном значении**, при упоминании о **позитивных тенденциях** и **желательных перспективах**: «*Светлое завтра*. До конца 2016 года в Лос-Анджелесе будет запущена крупнейшая в истории интеллектуальная система городского освещения...»¹³; «...мы вступили в то самое *светлое завтра*, о котором мечтали. Не осталось проблем с привлечением кредитов даже под более дешевые ставки, чем сегодня имеет компания, более того, мы можем рефинансировать свои долги существенно дешевле»¹⁴; «...Коупленд придумал “конструктор будущего” – громадную игровую площадку с картонным конструктором, детали которого символизируют

¹⁰ Коммерсантъ. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения 15 февр. 2019).

¹¹ Ъ-Черноземье. 15.05.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3296272> (дата обращения 21 июня 2019).

¹² Огонёк. 2018. 17 дек. С. 12.

¹³ Коммерсантъ. 01.06.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2739162> (дата обращения 21 июня 2019).

¹⁴ Коммерсантъ. 8 апр. 2016. С. 14.

ют участие разных слоев общества в построении *светлого завтра*: желтые соответствуют ученым, голубые – спортсменам, пурпурные – дискотекам, красные – рабочим, синие (внезапно) – ковбоям, а зеленые – космонавтам¹⁵.

3. Без формальных трансформаций – в качестве **вербального маркера не принимаемого автором мировоззрения, чуждой, демагогической позиции**: «“Предатели”, несомненно, важный инструмент объединения общества в тяжелые для него времена. Реальные проблемы уходят на второй план, главное – разобраться с теми, кто мешает идти единым строем в *светлое завтра*, – с врагами»¹⁶; «По словам Дмитрия Анатольевича, самое тяжелое решение правительства – повышение пенсионного возраста. Однако нужно обеспечивать прорыв в *светлое завтра*, вернее, найти на него средства – их нашли»¹⁷.

Граница между пунктами 2 и 3 не всегда вполне отчетлива. В ряде случаев *светлое завтра* служит обозначением явлений будущего, оцениваемых журналистом неоднозначно: «...производительность во всех странах мира, кроме Южной Европы и отчасти Южной Кореи, в 1994–2004 годах росла значительно быстрее, чем в 2004–2014 годах. В этой логике “вытеснение людей роботами” – это *светлое завтра* Италии, Испании и Греции, а не США, Германии и Нидерландов»¹⁸. Не исключена и иная модальность: речь, безусловно, идет о положительных явлениях, но достижение этого идеала трактуется как практически невозможное: «...в этом документе будет четко прописано, что этот президентский срок последний, и наступит после него *светлое завтра* со свободными выборами и другими признаками цивилизованного общества. Утопия, наверное. Сегодня ситуация больше похожа на полную безысходность»¹⁹.

4. С синтаксическими трансформациями – с целью **отрицания идеи гарантированного позитивного развития событий**: «По словам... заместителя председателя Комитета по экономической политике Совета Федерации Виктора Рогоцкого: “сегодня, от развязки системных проблем, которые годами накапливались в отрасли энергетики, зависит, *каким будет завтра, светлым и тёплым или*

¹⁵ Коммерсантъ Стиль. 13.10.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3114545> (дата обращения 21 июня 2019).

¹⁶ Огонёк. 2014. 29 сент. С. 8.

¹⁷ Коммерсантъ FM. 06.12.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3821751> (дата обращения 21 июня 2019).

¹⁸ Коммерсантъ. 2016. 30 мая. С. 7.

¹⁹ Коммерсантъ FM. 10.10.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3765772> (дата обращения 21 июня 2019).

*темным и холодным»*²⁰; «А завтра рискует быть не совсем светлым. И с каждым годом эти неприятные ожидания нарастают»²¹.

Тот же эффект достигается при включении словосочетания в вопросительную конструкцию: «Руководство водоканала нам не смогло объяснить, для чего подняли тариф, *ради какого светлого завтра»*²².

5. С лексическими трансформациями (заменой допустимого в составе советского клише компонента *коммунистическое*) – для **иронической интерпретации какого-либо масштабного проекта**: «Да есть миллион вариантов найти более интересное применение 137 тыс. руб. сегодня, чем передача их в ПФР на *светлое инфляционное завтра»*²³; «Большие черные машины – это уже довольно долгое наше настоящее, и кажется, этот “день сурка” никогда не закончится и *светлое автомобильное завтра* никогда не наступит»²⁴; «Куда нас поведет товарищ Грудинин в случае своей гипотетической победы, в какую сторону – назад в коммунизм к Сталину или в *светлое капиталистическое завтра*, как в “Совхозе имени Ленина”?»²⁵; «Группа арт-провокаторов... взялась поддержать архаический курс официальной культурной политики и ищет ростки *светлого консервативно-модернизационного завтра* в темном палеолитическом позавчера»²⁶; «Бунт против принудительной экологии, давший старт массовому протесту, что и говорить, прецедент. Возглавив всего три года назад мировое движение в *светлое экологическое завтра* (Парижская конференция по климату – 2015) и обзаведясь полтора года назад президентом, который стал символом либерального прогресса и толерантности, Франция снова поражает мир умением бунтовать против самой себя»²⁷.

Однократно встречается замена главного компонента словосочетания – в подзаголовке «*Светлое позавчера»*²⁸. Речь в статье

²⁰ Ъ-Юг России-Online. 27.01.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3204856> (дата обращения 21 июня 2019).

²¹ Коммерсантъ FM. 29.12.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3848531> (дата обращения 21 июня 2019).

²² Коммерсантъ. 12.10.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2864846> (дата обращения 21 июня 2019).

²³ Коммерсантъ. 2014. 26 декб. С. 10.

²⁴ Коммерсантъ Автопилот. 2016. 12 дек. С. 32.

²⁵ Коммерсантъ FM. 20.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3554497> (дата обращения 21 июня 2019).

²⁶ Коммерсантъ Weekend. 2018. 7 сент. С. 10.

²⁷ Огонёк. 2018. 17 дек. С. 20.

²⁸ Ревью «Санкт-Петербургский экономический форум». Приложение № 98. 2017. 05 июня. С. 13.

идет о том, что проблемы, обсуждавшиеся на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2017 г., государству следовало решить гораздо раньше. Ассоциации же с идеологемой *светлое завтра* приводят к аналогии между так и не воплощенной в жизнь планами большевиков и прожектерством сегодняшней российской власти.

Заключение

Проведенный анализ функционирования словосочетания *светлое завтра* в современном медиатексте позволяет сделать ряд выводов.

Относительно невысокая частотность данной речевой формулы (частично компенсируемая параллельным применением оборота *светлое будущее*) свидетельствует о том, что обыгрывание советизмов уже не может быть отнесено сегодня – в отличие от ситуации 1990-х гг., когда они сопровождалась «ироническими отзвуками новояза» [Русский язык конца XX столетия 1996, с. 22 и далее], – к числу основных выразительных приемов журналистской речи. Тем не менее смысловая и экспрессивная нагрузка вербальных клише недавнего прошлого все еще весьма значительна, особенно при обращении к аудитории зрелого возраста.

Прагматическая сила советизмов определяется стабильностью и яркостью вызываемых ими ассоциаций. *Светлое завтра* символизирует для постсоветского человека, с одной стороны, лживые обещания власти, ее пустые лозунги, с другой – наивность старших поколений, их искреннюю веру в лучшее будущее и готовность самоотверженно его создавать. Подобная амбивалентность делает конструкцию *светлое завтра* привлекательной для качественной журналистики, рассчитанной на мыслящего адресата.

Несомненно, в медиатексте 2000–2010-х гг. преобладает ироническое употребление словосочетания *светлое завтра*. При этом ирония далеко не всегда направлена на сами явления, относимые к гипотетическому лучшему будущему. Журналисты часто демонстрируют скептическое отношение к тем, кто обещает скорое его наступление, гарантирует благоприятное развитие событий вместо того, чтобы строить реалистичные планы ближайших действий. *Светлое завтра* выступает, таким образом, в качестве яркого маркера демагогии. Применение данного приема настраивает читателя на критическое отношение к обещаниям, исходящим не только от власти, но и от представителей бизнеса, общественных движений и т. д.

Можно с осторожностью прогнозировать дальнейшее постепенное снижение частотности словосочетания *светлое завтра*, как и других советских идеологем, в современном медиатексте. Смена поколений неизбежно приведет к тому, что молодые журналисты будут обыгрывать другие клише (из рекламы, блогосферы и т. д.). Тем не менее *светлое завтра* имеет шанс закрепиться в русском языке вне прямых ассоциаций с советским новоязом – как общий символ прекрасных, но несбыточных надежд.

Литература

- Даль 1978 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978.
- Кожина 2003 – *Кожина М.Н.* Высокий стиль // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 39–40.
- Костомаров 2005 – *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.
- Купина 2015 – *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2015.
- Мокиенко 2016 – *Мокиенко В.М.* Функции фразем в современных СМИ // *Медиалингвистика*. 2016. № 3 (13). С. 7–18.
- Мокиенко, Никитина 1998 – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Павлова 2010 – *Павлова С.В.* Антисоветский советизм (лексема «самиздат» в современной прессе) // *Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика»*. 2010. № 8. С. 109–117.
- Русский язык конца XX столетия 1996 – *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Словарь 1955 – *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Гл. ред. В.И. Чернышев. Т. 4.* М.; Л.: Изд-во АН СССР в Ленинграде, 1955.
- Стоян 1913 – *Стоян П.Е.* Краткий толковый словарь русского языка. СПб.: В.Я. Макушкин, 1913.
- Толковый словарь 1998 – *Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения.* СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Толковый словарь 1935 – *Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1.* М.: ОГИЗ, 1935.
- Федорова 2016 – *Федорова Л.Л.* «Образы русской речи» в современных массмедиа // *Медиалингвистика*. 2016. № 3 (13). С. 19–30.

References

- Dal, V.I. (1978), *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language], in 4 vols, vol. 1, *Russkii yazyk*, Moscow, Russia.

- Fedorova, L.L. (2016), “‘Obrazy russkoi rechi’ v sovremennykh massmedia” [“Images of Russian speech” in modern mass media], *Media Linguistics*, no. 3 (13), pp. 19-30.
- Kostomarov, V.G. (2005), *Nash yazyk v deistvii: Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our language in action: Essays of modern Russian stylistics], Gardariki, Moscow, Russia.
- Kozhina, M.N. (2003), “*Vysokii stil*” [High style], *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar’ russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language], Flinta: Nauka, Moscow, Russia.
- Kupina, N.A. (2015), *Totalitarnyi yazyk: Slovar’ I rechevye reaktsii* [Totalitarian language: Dictionary and speech reactions], Publishing house of Ural University, Ekaterinburg, Russia.
- Mokienko, V.M. (2016), “Funktsiifrazem v sovremennykh SMI” [Functions of phrasal units in the modern media], *Media Linguistics*, no. 3 (13), pp. 7-18.
- Mokienko, V.M. and Nikitina, T.G. (1998), *Tolkovyi slovar’ yazyka Sovdep’ii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets], Folio-Press, Saint-Petersburg, Russia.
- Pavlova, S.V. (2010), “Antisovetskii sovetizm (leksema ‘samizdat’ v sovremennoi presse)” [Anti-sovietsovietism (the word “samizdat” in the contemporary press)], *RSUH/RGGU Bulletin. “Journalism. Literary criticism” Series*, no. 8, pp. 109-117.
- Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya (1985–1995)* (1996), [Russian language of the late 20 century (1985–1995)], Yazyki russkoi kul’tury, Moscow, Russia.
- Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (1955), [Dictionary of modern Russian literary language], Academy of Sciences of the USSR, in 17 vols, vol. 4, V.I. Chernyshev (ed.), Publishing house of the Academy of Sciences in Leningrad, Moscow, Leningrad, USSR.
- Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* (1935), [Explanatory dictionary of the Russian language], in 4 vols, vol.1, D.N. Ushakov (ed.), OGIZ, Moscow, USSR.
- Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka kontsa 20 v.: Yazykovye izmeneniya* (1998), [Explanatory dictionary of the Russian language of the late 20th century. Language changes], Folio-Press, Saint-Petersburg, Russia.
- Stoyan, P.E. (1913), *Kratkii tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [A brief explanatory dictionary of the Russian language], V.Ya. Makushkin Publ., Saint-Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Евгения Н. Басовская, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; jeni_ba@mail.ru

Information about the author

Egeniya N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; jeni_ba@mail.ru

УДК 070.41

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-142-150

Отражение регулятивных концептов
в современном медиапространстве
(на материале газеты «Известия» 2019 г.)

Ольга М. Афанасьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Olga.Afanacieva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена отражению в современном медиапространстве таких концептов, как *добро, зло, справедливость, долг, достоинство, ответственность, совесть, честь* и др., а также употреблению в медиатексте слов-регулятивов *хорошо, плохо, можно, нельзя, надо, разрешено, запрещено*. Степень разработанности данных понятий в средствах массовой информации не только отражает уровень культуры, но и влияет на него.

Ключевые слова: медиасфера, медиапространство, медиаисследования, медиалингвистика, газета «Известия», регулятивные концепты

Для цитирования: Афанасьева О.М. Отражение регулятивных концептов в современном медиапространстве (на материале газеты «Известия» 2019 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 142–150. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-142-150

Reflection of regulatory concepts
in the modern media space
(the newspaper “Izvestya” 2019)

Olga M. Afanas'eva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Olga.Afanacieva@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the reflection in the modern media space of such concepts as *good, evil, justice, duty, dignity, responsibility, conscience, honor*, etc., as well as the use of regulatory words in the media text is *good, bad, possible, impossible, necessary, permitted, forbidden*. The degree of development of those concepts in the media does not only reflect the level of culture, but also affects it.

Keywords: media sphere, media space, media research, mediallynguistics, newspaper “Izvestya” regulatory concepts

© Афанасьева О.М., 2019

For citation: Afanas'eva, O.M. (2019), "Reflection of regulatory concepts in the modern media space (the newspaper 'Izvestya' 2019)", *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 142-150, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-142-150

Важнейшей реалией XXI в. стала медиасфера (сфера деятельности массмедиа), которая рассматривается как «новая сфера общественной жизни и полноценная часть общественной системы» [Буряк 2014, с. 200]. При этом «процесс публично-информационного опосредования (медиатизации) из вторичного социального процесса для аудитории превращается в один из главных, первичных («в реальности нет того, чего нет в СМИ, в Интернете»)», «проявление процесса медиатизации» уже наблюдается и «в сферах, традиционно достаточно независимых от СМИ» [Вартанова 2015, с. 9].

Необходимость научного осмысления такого многогранного явления вызвала к жизни новое направление научной мысли – медиаисследования, в рамках которого выделяются и лингвистические дисциплины – медиалингвистика, медиастилистика [Клушина 2018].

Остановимся на одной проблеме лингвистического характера – отражении в медиатексте регулятивных концептов [классификацию концептов см.: Карасик 2005], т. е. концептов, нацеленных на изменение и / или оценку поведения человека (имеющих в своем значении императивно-оценочный компонент; таких как *честь, совесть, достоинство, долг* и др.).

Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что «по силе влияния на общество, на формирование языковых вкусов, языкового поведения, литературных норм язык СМИ не сравним ни с языком художественной литературы, ни с любым другим стилем. Он претендует на роль общего, усредненного языка нации» [Солганик 2006, с. 32]. Поскольку «суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, “моделей мира”, которые определенным образом соотносятся с “моделями мира” говорящего, но не обязательно повторяют их» [Язык 1987, с. 7], язык СМИ выступает как средство внедрения в когнитивную систему получателей информации некоторой системы концептов [Афанасьева 2015] (и, следовательно, некоторой системы ценностей). Возможность использования при передаче информации в СМИ не только вербальной, но и акустической, оптической знаковых систем усиливает воздействие медиатекста настолько, что предложенную в нем интерпретацию действительности человек воспринимает как реальность, «реальность массмедиа» [Луман 2005].

Источником исследования стали материалы рубрики «Культура» газеты «Известия», опубликованные на официальном сайте газеты¹ в период с 1 по 15 марта 2019 г. Данная рубрика, на наш взгляд, в большей степени, чем другие, предполагает возможность нравственной оценки фактов, допускающей включение в медиатекст толкований понятий морали. Анализируемый корпус текстов составил 35 358 слов (более 6 авторских листов).

Для наблюдения методом сплошной выборки отбирались микроконтексты, содержащие лексемы, которые соответствуют следующим регулятивным концептам: *добро*, *зло*, *справедливость* (концепты, отражающие важнейшие стороны общественного сознания и ценностно-нормативные понятия²), *долг*, *достоинство*, *ответственность*, *совесть*, *честь* (концепты, характеризующие моральную личность³), *верность*, *правдивость*, *честность* (концепты, раскрывающие ценные моральные качества человека⁴), *добродетель* (концепт, служащий обобщенной характеристикой положительных устойчивых моральных качеств личности⁵), *гуманизм* (концепт, называющий ключевой мировоззренческий моральный принцип⁶), а также отбирались микроконтексты, содержащие слова-регулятивы *хорошо*, *плохо*, *можно*, *нельзя*, *надо*, *разрешено*, *запрещено*.

Слово *добро* в анализируемом корпусе текстов встретилось всего четыре раза, а ведь «вместе со своей противоположностью – злом добро является наиболее обобщенной формой разграничения и противопоставления нравственного и безнравственного, имеющего положительное и отрицательное моральное значение... С помощью идеи добра люди оценивают социальную практику и действия отдельных лиц»⁷.

Все обнаруженные контексты были связаны с одной ситуацией и идеи добра не раскрывали, хотя и подчеркивали, что у россиян существуют свои представления о добре и зле, которые отличаются от представлений носителей других культур: «Показ нашего кино за рубежом – это не только вопрос денег, это продви-

¹ Известия [Официальный сайт газеты «Известия», электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru> (дата обращения 15 марта 2019); Культура [рубрика официального сайта газеты «Известия»]. URL: <https://iz.ru/gubric/kultura> (дата обращения 15 марта 2019).

² Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. М.: Политиздат, 1983. С. 442.

³ Там же. С. 441–442.

⁴ Там же. С. 442.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Там же. С. 442.

⁷ Там же. С. 76–77.

жение наших ценностей, образа жизни, представлений о *добре* и *зле*. Это не мягкая, а жесткая сила. Неслучайно “Движение вверх” запретили к показу в ряде государств бывшего СССР и сильно ограничили в США, – сказал глава Минкультуры Владимир Мединский»⁸.

Контекстов, содержащих лексему *зло*, оказалось немногим больше – шесть, четыре из которых были общими для лексем *добро* и *зло*; два других (сходных между собой) контекста идею зла также не раскрывали, но указывали, что со злом *воюют*: «Поначалу обычное обращение к епископу – “владыка” – казалось мне несоответствующим пастырю Антонию. Виделось тяжелым, как латы. А потом я как-то привык. В конце концов, тот, кто *воюет со злом*, должен быть хорошо экипирован. Кроме того, “владыка” перекликался в моем сознании с “властителем” (умов), каковым митрополит Антоний, конечно же, являлся»⁹.

Концепт *справедливость* в исследуемом корпусе текстов был представлен лишь в двух микроконтекстах, один из которых («Где справедливость?»¹⁰) свидетельствовал об отсутствии справедливости в современном обществе, другой («Неуловимые мстительницы. “Любовницы” борются за справедливость»¹¹) указывал на то, что справедливость – понятие в значительной степени субъективное, относительное.

Таким образом, концепты, отражающие важнейшие стороны общественного сознания и ценностно-нормативные понятия, в рассматриваемом корпусе текстов не раскрывались.

Лексемы, характеризующие моральную личность, также не имели высокой частотности.

Упоминание о *долге* (три микроконтекста) было связано с советской эпохой:

Первый попавшийся номер – март 1971 года. <...> Шапка: «За все прекрасное, что совершаешь ты, поклон тебе земной». И подзаголовок: «Письма к женщинам – о любви и верности, о *долге*, нежности, о мужестве и призвании». Письма разных лет и разным женщинам¹².

⁸ Известия [Официальный сайт газеты «Известия», электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru> (дата обращения 15 марта 2019); Культура [рубрика Официального сайта газеты «Известия»]. URL: <https://iz.ru/rubric/kultura> (дата обращения 15.03.2019).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Контексты соотносили долг с эстетической категорией прекрасного, свидетельствовали о связи чувства долга и патриотизма. Выполненный долг мыслился как заслуживающий благодарности («земного поклона»); исполнение долга могло потребовать от человека самопожертвования: «В “Повести о чекисте” разведчик вынужден подавлять в себе человеческие чувства, чтобы выполнить *долг* перед родиной»¹³. И все же в рассматриваемом корпусе текстов содержание концепта *долг* не раскрывалось.

Лексему *достоинство* содержал лишь один контекст: «Торопиться есть куда: великие режиссеры не теряют достоинства. 10 фильмов на все времена, снятых стариками»¹⁴.

В приведенном примере слово *достоинство* выступало не в значении «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»¹⁵, а как контекстуальный синоним слова *профессионализм*.

Контекстов, содержащих лексему *ответственность*, обнаружено не было. Лексемы *совесть* и *честь* встретились лишь в одном контексте: «“Балканский рубеж” – ...это фильм о *чести* и *совести* наших военных, о подвиге сотни парней, которые совершили бросок на 30 БТР, о людях, которые принимали решение и подвиг готовили»¹⁶.

Контексты, отражающие концепты, раскрывающие ценные моральные качества человека, тоже были немногочисленны: лексему *верность* содержали два микроконтекста, лексему *честность* – один микроконтекст, лексема *правдивость* обнаружена не была. Если *верность* была представлена как положительное качество («Народная артистка РСФСР Светлана Немоляева – о *верности* Владимира Этуша сцене и себе»¹⁷), контекст, содержащий лексему *честность*, был нейтральным с точки зрения оценки («Восходящая звезда театра и кино – о поэзии, *честности* и инопланетянах»¹⁸).

¹³ Известия. Официальный сайт газеты «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru> (дата обращения 15 марта 2019); Культура [рубрика официального сайта газеты «Известия»]. URL: <https://iz.ru/rubric/kultura> (дата обращения 15 марта 2019).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. С. 212.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Известия. Официальный сайт газеты «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru> (дата обращения 15 марта 2019); Культура [рубрика Официального сайта газеты «Известия»]. URL: <https://iz.ru/rubric/kultura> (дата обращения 15 марта 2019).

¹⁸ Там же.

Несмотря на то что концепт *добродетель* как бы суммирует наши представления об устойчивых высоких нравственных качествах человека¹⁹, лексема *добродетель* в отобранных для исследования публикациях рубрики «Культура» не встречалась. Не были обнаружены и контексты с лексемой *гуманизм*, обозначающей важнейший принцип мировоззрения (в том числе и нравственности)²⁰.

В соответствии с пониманием содержания регулятивных концептов (имеющих в рассматриваемых публикациях очень низкую частоту употребления – 0,05 % от всех слов анализируемого корпуса текстов) в обществе формируется понимание того, что *хорошо*, что *плохо*, и вытекающие из этого представления о том, что *надо*, что *можно*, что *нельзя*, что *разрешено*, что *запрещено*.

В описываемом корпусе текстов слово *можно* в значении указания на нравственную санкцию – «разрешается, позволительно»²¹ – обнаружено не было. Другие слова-регулятивы в публикациях присутствовали: *разрешено* (один контекст), *запрещено* (четыре контекста), *хорошо* (тринадцать контекстов), *плохо* (девять контекстов), *надо* (девятнадцать контекстов), *нельзя* (семь контекстов), что составило 0,15 % от всех слов анализируемого корпуса текстов.

Слово *разрешено* давало характеристику действительности, отраженной в кинофильме через призму художественных образов («к легальному же чтению *разрешена* только безвредная посредственная литература, не оказывающая влияния на читательскую психику»²²); рассмотрение подобных контекстов выходило за рамки данного исследования.

Лишь в одном случае слово *запрещено* указывало на наличие нравственного ограничения: «В России есть тысячи людей, исповедующих славяно-арийские идеи, откровенно нацистские. Деятельность таких организаций, к счастью, *запрещена*, все их сайты в интернете, – а их были десятки – заблокированы»²³.

В контекстах, отражавших действительность напрямую, слово *хорошо*, как правило, оценивало наличие жизненных благ (*счастливой семьи, обожания миллиона поклонников* и т. п.), слово *плохо*

¹⁹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. С. 203.

²⁰ Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. М.: Политиздат, 1983. С. 64.

²¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. С. 454.

²² Известия. Официальный сайт газеты «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru> (дата обращения 15 марта 2019); Культура [рубрика официального сайта газеты «Известия»]. URL: <https://iz.ru/gubric/kultura> (дата обращения 15 марта 2019).

²³ Там же.

давало негативную оценку профессиональной деятельности предстателей творческих профессий. Контексты, содержащие или подразумевающие нравственную оценку, были единичными, но именно они представляли наибольший интерес, даже если мнение, зафиксированное в них, было субъективным.

Хорошо, что «ситуация после европейского кризиса чуть-чуть выровнялась. Может быть, это иллюзия, но даже если это иллюзия, все равно это *хорошо*»²⁴; телевидение – это «*хорошо*», а интернет – «*плохо*»: «Сеть создает у человека иллюзию соучастия, а телевизор дает возможность просто наблюдать, осознавая свою ничтожность, и это созерцание дает свободу»²⁵.

В соответствии с публикациями исследуемого периода рубрики «Культура» *надо*: «...продвигать российское кино за рубеж; научиться правильно видеть человека и природу [чтоб это видение отразить в искусстве. – О. А.]; уметь наслаждаться своим возрастом; жизненный путь... пройти так, чтобы не было сомнений в том, что жил свою жизнь»²⁶.

Важно, что с лексемой *надо* были связаны и аксиологические контексты: «В случае культуры никакие количественные показатели не гарантируют действительного достижения тех целей, которые должны быть в разговоре о национальном проекте. Нам *надо* каким-то образом увязать эти показатели с вопросами ценностей и идеологического наполнения; *надо* лишь поискать в своей душе рожденное, но прочно забытое благородство»²⁷.

Аксиологические контексты были связаны и с лексемой *нельзя*:

Я считаю, что мир и любовь – это самое важное. От мечты, что все мы можем жить в мире, *нельзя* отказываться. Но нужно работать, чтобы она воплотилась... У нас фактически отсутствует экспертная система в сфере культуры на государственном уровне. Научные институты, которые занимаются культурологическими исследованиями, имеют практически нулевой уровень репрезентативности. В определенном смысле они нелегитимны, поскольку влияние на культурную среду имеют минимальное, а следовательно, опираться на их оценку *нельзя*. В этих условиях возникает такая система,

²⁴ Известия. Официальный сайт газеты «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru> (дата обращения 15 марта 2019); Культура [рубрика официального сайта газеты «Известия»]. URL: <https://iz.ru/rubric/kultura> (дата обращения 15 марта 2019).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

при которой репутация строится либо медийными структурами (условно говоря, это узнаваемые лица, раскрученные СМИ), либо внутрицеховыми интересами, либо рыночной, коммерческой ситуацией²⁸.

Представления о том, что есть *хорошо* и что есть *плохо*, что *можно*, что *надо*, что *нельзя*, что *разрешено*, что *запрещено*, так и не нашли сколько-нибудь регулярного отражения в исследуемом корпусе текстов. И с этой точки зрения показателен последний приведенный в данной статье пример. В нем обозначена серьезная проблема – отсутствие (на государственном уровне) экспертной системы в сфере культуры. Для того чтобы экспертная система была эффективной, в распоряжении экспертов должен быть хорошо разработанный категориальный аппарат (система терминов).

Область культуры теснейшим образом связана с областью этики; концепт *культура* включает в себя и регулятивные концепты: истинная культура, на наш взгляд, немислима вне добродетели, вне гуманизма, без ответственности, без чести, без достоинства, без долга, без совести. Эти понятия в современном медиапространстве остаются нераскрытыми. Одна из задач лингвистических медиаисследований – поиск путей освещения в медиатекстах значений терминов этики, в том числе и регулятивных концептов.

Литература

- Афанасьева 2015 – *Афанасьева О.М.* Анализ лексической сочетаемости слова «честь» (на материале российских СМИ) и профессиональная честь журналиста // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2015. Вып. 94. № 5 (360). С. 357–365.
- Буряк 2014 – *Буряк М.А.* Медиафера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 2. С. 200–212.
- Вартанова 2015 – *Вартанова Е.Л.* К вопросу о медиаисследованиях как актуальной области научного знания // Медиаальманах. 2015. № 2 (67). С. 8–10.
- Карасик 2005 – *Карасик В.И.* Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95–108.
- Клушина 2018 – *Клушина Н.И.* Медиастилистика. М.: Флинта, 2018.
- Луман 2005 – *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.
- Солганик 2006 – *Солганик Г.Я.* Практическая стилистика русского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
- Язык 1987 – Язык и моделирование социального взаимодействия: Сборник статей / Общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987.

²⁸ Там же.

References

- Afanas'eva, O.M. (2015), "Analysis of the lexical compatibility of the word 'honor' (by the material of the Russian media) and the professional honor of a journalist", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, "Philology. Art Criticism" Series, vol. 94, no. 5 (360), pp. 357-365.
- Buryak, M.A. (2014), "Media sphere: conceptualization of the notion", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Series 9, vol. 2, pp. 200-212.
- Karasik, V.I. (2005), "Regulatory concepts", Krasnykh, V.V. and Izotov, A.I. (ed.), *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sbornik statei* [Language, consciousness, communication: Collection of articles], vol. 30, MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 95–108.
- Klushina, N.I. (2018), *Mediastilistika* [Media stylistics], Flinta, Moscow, Russia.
- Luman, N. (2005), *The reality of mass media*, Praxis, Moscow, Russia.
- Petrov, V.V. (1987), *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya: Sbornik statei* [Language and Modeling of Social Interaction: Collection of Articles], Progress, Moscow, Russia.
- Solganik, G.Ya. (2006), *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka* [Practical style of the Russian language], Publishing Center "Academy", Moscow, Russia.
- Vartanova, E.L. (2015), "On the issue of media research as a relevant area of scientific knowledge", *Media al'manah* [Media almanac], no. 2 (67), pp. 8-10.

Информация об авторе

Ольга М. Афанасьева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; Olga.Afanacieva@mail.ru.

Information about the author

Olga M. Afanas'eva, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia; 125993, Olga.Afanacieva@mail.ru.

«Не толстая, а бодипозитивная»:
словообразовательная активность
новейших заимствований в текстах СМИ

Юлия В. Яковлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yak112@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена одной из дискуссионных лингвистических проблем – появлению в русской речи иностранных заимствований и их адаптации в СМИ. Медиацентричность современной культуры делает журналистский текст основной площадкой для лингвистического новаторства, в том числе для появления производных слов. Цель данной статьи – установить, соответствуют ли некоторые новейшие заимствования, функционирующие в текстах СМИ, критериям, выработанным лингвистами для слов, которые способны занять место в ряду терминологической лексики. Одним из показателей жизнеспособности новейших заимствований служит их словообразовательный потенциал. Делается вывод о том, что, употребляя данные слова в медиатексте, журналисты стремятся придать рассматриваемой ими проблеме правовой статус. При этом использование в СМИ производных от названных лексем разных частей речи свидетельствует о жизнеспособности новейших заимствований на русскоязычной почве и позволяет прогнозировать их дальнейшее освоение русским языком, в частности – публицистическим стилем.

Ключевые слова: медиатекст, заимствование, производное слово, бодипозитив, бодишейминг, моббинг, пролайф, stalking, фэтфобия, фэтшейминг, эйблизм, эйджизм

Для цитирования: Яковлева Ю.В. «Не толстая, а бодипозитивная»: словообразовательная активность новейших заимствований в текстах СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 151–159. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-151-159

“Not fat but body positive”: word-formation activity of the latest loan words in texts of media

Yuliya V. Yakovleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, yak112@inbox.ru*

Abstract. Article is devoted to the one of the debatable linguistic issues – the emergence in the Russian language of foreign loanwords and their adaptation in media. Media-centric quality of the modern culture makes the journalistic text the basic platform for linguistic innovation, including emergence of derivative words. The purpose of this article – to establish whether some latest loanwords functioning in texts of media match the criteria elaborated by linguists for words which are capable to take the place among terminological lexicon. One of indicators for the viability of the latest loanwords is their word-formation potential. The author draws a conclusion that using those words in the media text journalists seek to give to the issue considered by them a legal status. At the same time using the derivative of those lexemes of various parts of speech in media demonstrates the viability of the latest loanwords in the Russian-speaking environment and allows predicting their further absorption by Russian language, in particular – in publicistic style.

Keywords: media text, loanword, derivative, body positive, body shaming, mobbing, pro-life, stalking, fat phobia, fat shaming, ableism, ageism

For citation: Yakovleva, Yu.V. (2019), “‘Not fat but body positive’: word-formation activity with the latest loan words in texts of media”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 152-159, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-151-159

Современная медиалингвистика занимается наряду с другими вопросами проблемой адаптации в текстах СМИ новейших заимствований, прежде всего – англицизмов. Правомерность и целесообразность использования новых иностранных слов анализируются в неразрывной связи с рассмотрением приемов и методов журналистского речевого творчества.

Дискуссии о допустимости и границах языковой экспансии ведутся не первое столетие (см., напр. [Лотман, Успенский 1994, Басовская 2011]) и затрагивают вопросы коммуникативной, воспитательной, эстетической и других функций языка. Восприятию и освоению иноязычной лексики в разные периоды посвящали свои труды В.В. Виноградов [Виноградов 1938], В.Г. Костомаров [Костомаров 1999], Л.П. Крысин [Крысин 1968] и другие филологи. Сегодня эти вопросы представляют научный интерес для рос-

сийских и зарубежных ученых, например, в связи с рассмотрением проблем экологии языка и современных коммуникаций [Русистика 2018].

Если заимствование слов вместе с предметами, явлениями или понятиями обычно не вызывает активного противодействия носителей языка [Казак 2005, с. 187], то появление иноязычных лексем, имеющих русские эквиваленты, как правило, по крайней мере вначале, встречает резкое отторжение. Следует согласиться с замечанием В.Г. Костомарова о том, что «по сложившейся традиции оценка заимствований у нас по большей части отрицательная, даже раздраженно-язвительная применительно и к отдельным словам, и к процессу как таковому» [Костомаров, 1999, с. 136]. Не столь категоричны носители языка по отношению к заимствованной терминологии, но и к ней предъявляется ряд требований. Новый термин должен быть короче русского аналога, являться интернациональным и иметь словообразовательный потенциал [Даниленко 1977, с. 168].

Целью данной статьи стала попытка установить, соответствуют ли некоторые новейшие заимствования, функционирующие в текстах СМИ, критериям, выработанным лингвистами для слов, которые способны занять место в ряду терминологической лексики. В качестве источников исследования выбраны публикации в газетах и журналах «Коммерсантъ», «МК», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Wonderzine», характеризующихся наличием многочисленных материалов на социальные темы, а также массовым распространением, в том числе в сети Интернет.

* * *

В современном медиатексте можно встретить англицизмы, которые используются для описания ситуаций, связанных с физическим, а также психологическим воздействием на личность. Данные лексемы пока не зафиксированы в словарях [Крысин 2011, Шагалова 2017], поэтому журналисты нередко берут на себя задачу толкования новых слов.

«Чуть ли не каждый пятый работающий россиянин, по мнению экспертов, сталкивается с “моббингом” (от англ. mob – толпа) – психологическим насилием в виде травли сотрудника в коллективе», – пишет автор статьи о моббинге в «Российской газете»¹. Нередки в современном российском обществе проявления *эйджизма* (дискриминации по возрасту, обычно пожилому)²

¹ Брынцева Г. Моббинг дик // Российская газета. 2010. 24 марта.

² Савина А. От аутизма до эйджизма: Словарь злободневных терминов // Wonderzine. 2016. 16 марта.

и *эйблизма* (негативного отношения к людям с инвалидностью и особенностями развития)³. «*Сталкинг* от англ. *stalking* – одна из форм насилия, заключающаяся в навязчивом преследовании жертвы, настойчивом слежении за ней» – такое разъяснение можно найти в онлайн-издании *Wonderzine*⁴. Правовой статус данного явления уточняет автор публикации в журнале «Огонек»: «Сталкинг – вид насилия и домогательства – в России до сих пор не считается правонарушением, несмотря на многочисленных потерпевших», в то время как «согласно законодательству многих стран, сталкинг как намеренное угрожающее поведение, направленное на другое лицо и вызывающее у него страх за свою безопасность, считается уголовным преступлением»⁵, так что, если жертва обратится в полицию, «настойчивого “ухажера” повяжут»⁶.

Новые заимствования оказались продуктивными. В текстах СМИ нередко используются производные существительные, обозначающие субъекта данных действий и явлений. Среди них – *моббер* («Мобберы и их жертвы»)⁷ и *сталкер* («...мужчины составляют 83 процента сталкеров», «...Единственное к чему стремится сталкер, – чувство власти», «...у сталкера нет особых чувств по отношению к объекту – ни хороших, ни плохих. у него есть лишь азарт»⁸; «Чаще всего сталкерами становятся бывшие романтические партнеры»⁹).

Следует отметить, что данные новообразования имеют «старших братьев», уже подвергшихся кодификации. Так, слово *моббер* является омонимом названия участника флэш-мобба [Шагалова 2017, с. 416]. Еще ранее было известно два значения слова *сталкер* (от англ. *stalk* – подкрадываться): 1. Первопроходец, первооткрыватель (обычно в опасных для жизни местах). 2. Тот, кто рискует жизнью, подвергает ее большой опасности ради достижения какой-л. цели [Кузнецов 1998, с. 1259]. В прежнем значении слово *сталкер* было известно еще в советский период. В частности, оно появилось в повести братьев Стругацких «Пикник на обочине» (1972 г.) и в снятом по этому произведению А. Тарковским фильме «Сталкер» (1979 г.).

Пролайф-движение (заимствование может склоняться,

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Радулова Н.* Достающее звено. О том, что такое сталкинг и чем он опасен // *Огонек*. 2017. 20 нояб.

⁶ *Радулова Н.* Отомщу за все // *Огонек*. 2018. 16 июля.

⁷ *Голубицкая Ж.* Недолайканные и недобаненные // *МК*. 2016. 28 мая.

⁸ *Радулова Н.* Достающее звено...

⁹ *Савина А.* От аутинга до эйджизма: Словарь злободневных терминов // *Wonderzine*. 2016. 16 марта.

например, «Антиабортный экстремизм: Куда ведет движение пролайфа»¹⁰), несмотря на жизнеутверждающее название (pro-life, «за жизнь») считается еще одним видом насилия, затрагивающего репродуктивные права женщин¹¹. Его последователи, называемые в СМИ экстремистами и террористами за то, что «используют психологическое давление: называют эмбрион ребенком и апеллируют к эмоциям женщины», получили два наименования: *пролайферы* и *пролайф-активисты*¹². Встречается в медиатексте и прилагательное *пролайферский* (пролайферская позиция¹³).

Прилагательные образуются и от других новейших заимствований. Среди них – *моббинговый* («моббинговая ситуация»)¹⁴. «Модельный бизнес по-прежнему сексистский, *эйджистский* и основан на классических модельных параметрах, установленных в 80-х», – пишет автор “Wonderzine”. Прилагательное *эйблистский* способно выступать в разнообразных сочетаниях: *эйблистская лексика*, *эйблистский подход*, *эйблистские мотивы*¹⁵.

Появление в русском языке слов, обозначающих противоположные понятия, – *бодишейминг* (дискриминация тех, кто не вписывается в общепринятые стандарты красоты)¹⁶ и *бодипозитив* (движение, направленное на принятие собственного тела)¹⁷ – привело к возникновению соответствующих производных: *бодишеймер* и *бодипозитивист* («Бодишеймеры против бодипозитивистов», «...Бодишеймерами в момент могут стать и те, кто еще вчера считал себя политкорректными приверженцами бодипозитива»¹⁸). Другое производное от слова *бодипозитив* – *бодиактивист(ка)* –

¹⁰ Лукинская О. Антиабортный экстремизм: Куда ведет движение пролайфа // Wonderzine. 2018. 7 нояб.

¹¹ Савина А. От аутинга до эйджизма: Словарь злободневных терминов. Разъясняем важные понятия современности // Wonderzine. 2016. 16 марта.

¹² Лукинская О. Антиабортный экстремизм...

¹³ Савина А. От аутинга до эйджизма...

¹⁴ Винчу А. Моббинг по-немецки. Что происходит, когда вы становитесь изгоем // МК. 2015. 25 февр.

¹⁵ Савина А. По-спартански. Должен ли человек обязательно быть здоровым. Что мы знаем об эйблизме // Wonderzine. 2017. 1 дек.

¹⁶ Лябина А. Модные слова: 20 новых выражений молодежи // Комсомольская правда. 2017. 23 нояб.

¹⁷ Радулова Н. Лето близко. Мужчина и женщина // Огонек. 2016. 11 апр.

¹⁸ Радулова Н. Бодишеймеры против бодипозитивистов. О сетевых баталиях вокруг «натуральной красоты» // Огонек. 2017. 13 февр.

образовано по иной модели, и понять, какое именно слово стало производящим, помогает только контекст¹⁹.

Частный случай проявления бодишейминга – *фэтшейминг*, или *фэтфобия* (неприятие «лишнего веса»²⁰), которая, по мнению авторов статьи в “Wonderzine”, «заграгивает любого, чьи объемы превышают эстетически одобряемые параметры»²¹, – имеет своих адептов, получивших название *фэтфобы*²². От слова *фэтфобия* образовано также прилагательное *фэтфобный* («Современное восприятие внешности сильно меняется, а фэтфобные выпады все реже остаются без ответа»²³).

Вероятно, наибольшего внимания заслуживает понятие *бодипозитивный*, поскольку уже на данном этапе функционирования у этого слова произошло расщепление значения. Так, относительное прилагательное *бодипозитивный* может означать *соответствующий принципам бодипозитив(изм)а*: «Суть бодипозитивного движения укладывается в емкую формулу “мое тело – мое дело”»²⁴, «Как бренд работает с бодипозитивными тенденциями?»²⁵, «Бодипозитивная комедия о жизнерадостной корпулентной девушке-подростке...»²⁶, «Я называю свои съемки бодипозитивными, так как принципиально не занимаюсь косметической ретушью...»²⁷.

Бодипозитивный во втором значении используется как эвфемистическая замена конструкции *обладающий внешними недостатками* (обычно речь идет о лишнем весе): «...ты не “толстая”, а “бодипозитивная”»²⁸, «...в список номинантов не попал “бодипо-

¹⁹ Там же.

²⁰ *Вирова М.* Девушка с обложки. Почему «пропаганды ожирения» не существует. Печальные последствия фэтшейминга и видимость полных людей // Wonderzine. 2018. 10 сент.

²¹ Там же.

²² *Нордик Л.* Русский бодипозитив: 8 активисток о теле, дискриминации и стандартах // Wonderzine. 2018. 21 сент.

²³ Там же.

²⁴ *Савина А.* От аутинга до эйджизма: Словарь злободневных терминов. Разъясняем важные понятия современности // Wonderzine. 2016. 16 марта.

²⁵ *Кравцун Е.* Мы стремимся отражать естественную красоту каждой женщины // Коммерсантъ Стиль. 2018. 5 июля.

²⁶ Расписание недели 14–20 декабря // Коммерсантъ Weekend. 2018. 14 дек.

²⁷ *Нордик Л.* Русский бодипозитив...

²⁸ *Бульчева К.* В Сети разгорелся скандал, связанный с новой рекламной кампанией спортивного бренда // Комсомольская правда. 2019. 7 февр.

зитивный” Евгений Кулик из “Я худею”²⁹. Принадлежность слова *бодипозитивный* в данном значении к разряду качественных прилагательных позволяет употреблять его в превосходной степени, например: «А тем временем за спиной у девушки проходит обладатель самой бодипозитивной фигуры»³⁰.

Слова *бодипозитив*, *бодишейминг*, *моббинг*, *пролайф*, *сталкинг*, *фэтшейминг*, *фэтфобия*, *эйблизм* и *эйджизм* представляют собой новейшие заимствования, и их дальнейшая судьба в русском языке окончательно не определена. Рассматриваемые заимствования можно отнести к лексике, названной Л.П. Крысиным «условно терминологической» [Крысин 1968, с. 5]. Она претендует на постоянное место в научном дискурсе, в частности в юридическом языке. Можно сделать вывод о том, что, употребляя данные слова в медиатексте, журналисты стремятся перевести проблему из области бытовой в правовую. Однако использование в СМИ производных от названных лексем существительных, а также относительных и качественных прилагательных свидетельствует о жизнеспособности новейших заимствований на русскоязычной почве и позволяет прогнозировать их дальнейшее освоение русским языком, в частности – публицистическим стилем, нуждающимся в постоянном обновлении арсенала средств, с помощью которых достигается эффективность воздействия на массовую аудиторию.

Литература

- Басовская 2011 – *Басовская Е.Н.* Советская пресса – за чистоту языка: 60 лет борьбы. М.: РГГУ, 2011.
- Виноградов 1938 – *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Учпедгиз, 1938.
- Даниленко 1977 – *Даниленко В.П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
- Казак 2005 – *Казак Е.А.* Роль заимствований в формировании русского литературного языка // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2005.
- Костомаров 1999 – *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб.: Златоуст, 1999.

²⁹ Кратчайший маршрут между Московским фестивалем и Каннским. Кинокритики о ChopardTalentAward // Коммерсантъ Weekend. 2018. 20 апр.

³⁰ *Акимова Е.* Бодипозитивный мужчина попал в кадр модельной съемки и стал звездой // Комсомольская правда. 2019. 26 марта.

- Крысин 1968 – *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.
- Крысин 2011 – *Крысин Л.П.* Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2011.
- Кузнецов 1998 – *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
- Лотман, Успенский 1994 – *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2: Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. С. 331–466.
- Русистика 2018 – Русистика 2018: Материалы международного научного симпозиума «Экология языка и современная коммуникация» 26–29 апреля 2018 г., посвященного 45-летию русистики в Шуменском университете им. Епископа Константина Преславского. Шумен: Химера, 2018.
- Шагалова 2017 – *Шагалова Е.Н.* Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2017.

References

- Basovskaya, E.N. (2011), *Sovetskaya pressa – za chistotu yazyka: 60 let bor'by* [The Soviet press – for the language purity: 60 years of the fight], RGGU, Moscow, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1938), *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the of Russian literary language of the 17–19th centuries], Uchpedgiz, Moscow, USSR.
- Danilenko, V.P. (1977), *Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [The Russian terminology. The experience of the linguistic description]. Nauka, Moscow, USSR.
- Kazak, E.A. (2005), “The role of loanwords in Russian literary language formation”, *Russkii yazyk v sovremennom obshchestve: funktsional'nye i statusnye harakteristiki* [Russian language in the modern society: functional and status characteristics], INION RAN, Moscow, Russia.
- Kostomarov, V.G. (1999), *Yazykovoi vkus epohi: Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoii massmedia* [The language taste of the epoch. From observations over mass media speech practice], Zlatoust, St. Petersburg, Russia.
- Krysin, L.P. (1968), *Inoyazychnnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in the modern Russian language], Nauka, Moscow, USSR.
- Krysin, L.P. (2011), *Illyustrirovanniyi tolkovyi slovar' inostrannykh slov* [Illustrated explanatory dictionary of foreign words], Eksmo, Moscow, Russia.
- Kuznecov, S.A. (1998), *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language], Norint, St. Petersburg, Russia.

- Lotman, Yu.M., Uspenskij, B.A. (1994), *Spory o yazyke v nachale XIX v. kak fakt russkoi kul'tury* [Language disputes at the beginning of the 19th century as a fact of Russian culture], Gnozis, Moscow, Russia.
- Russian philology (2018), *Rusistika 2018: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma "Ekologiya yazyka I sovremennaya kommunikatsiya"* 26–29 aprelya 2018 g., posvyashchennogo 45-letiyu rusistiki v Shumenskom universitete im. Episkopa Konstantina Preslavskogo [Materials of the international scientific symposium "Language ecology and modern communication", April 26–29, 2018, devoted to the 45-th anniversary of Russian philology at the Bishop Konstantin Preslavsky Shumensky university], Khimera, Shumen, Bulgaria.
- Shagalova, E.N. (2017), *Slovar' noveishih inostrannyh slov* [Newest foreign words dictionary], AST-Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Юлия В. Яковлева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; yak112@inbox.ru

Information about the author

Yuliya V. Yakovleva, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; yak112@inbox.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Н.К. Егорова

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 15.10.2019.

Формат 60 × 90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 10.

Тираж 1050 экз. Заказ № 640

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggi.ru

www.knigirggi.ru